

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology

2024

Том 9. № 2

Vol. 9. No. 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 2**СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Российская Федерация)

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-86148
от 19 октября 2023 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 3 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2024

© «Историческая этнология», 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. Vol. 9. No. 2

ONLINE ACADEMIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Russian Federation)

Certificate of registration in the Mass Media ЭЛ № ФС 77-86148
received from Roskomnadzor on October 19, 2023

Published 3 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2024

© “Historical Ethnology”, 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Муртазина Ляля Раисовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Lyalya R. Murtazina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Dina F. Gatina-Shafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры религиоведения и истории Института истории, философии и религиоведения Школы естественных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of Religious Studies and History, Institute of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirowa – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Acting Director of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Французские куклы в региональных одеждах
на почтовых открытках – изобразительный источник
по истории традиционного костюма**
А.Э. Жабрева 139

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем»:
реальный образ или вымысел?**
Д.Ф. Гатина-Шафикова 159

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Информативные возможности аудиовизуальных источников
при изучении истории и культуры татарского народа**
А.Т. Галимзянова 174

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Визуальные источники о новой советской обрядности
в татарской деревне 1970-х годов**
И.И. Ханипова 184

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Традиции, связанные с почитанием старшего поколения
в туркменской сельской общине**
Т.Б. Хоммиев, А.Ш. Абдырахманова 201

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

- The ritual of “qo‘sh chiqarish” among Uzbeks
and its territorial features (on the example of the Fergana Valley)**
А.А. Sarimsokov 214

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

- Урмай авылы мэхэллэлэре тарихыннан
(XVIII йөз уртасы – XX йөз башы)**
Х.З. Баһаветдинова 224

СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРОЕКЦИИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Кооперативные организации северных карел в 1920-е годы
(на примере Ухтинского уезда)**

Е.В. Дианова 233

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Практики хозяйствования народов Республики Хакасия
в современных условиях**

О.Л. Лушникова 249

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Что удалось сделать в сельском Татарстане за десять лет
реализации системы самообложения населения**

Э.А. Сагдиева 262

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Мольер на татарской сцене

Е.Н. Шевченко 276

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**«Приключения Ходжи Насреддина в Татарстане»:
история и современность на театральных подмостках**

А.Р. Салихова 295

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Авторский балет на сцене Татарского академического
государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля
в советский и постсоветский периоды**

Л.Р. Петрова 303

CONTENTS

VISUAL MATERIALS AS A SOURCE HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL RESEARCH

ORIGINAL PAPER

**Postcards with images of French dolls in regional attires –
a graphic source on the history of traditional costume**

A.E. Zhabreva..... 139

ORIGINAL PAPER

**Parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh”:
a real image or fiction?**

D.F. Gatina-Shafikova 159

ORIGINAL PAPER

**Informative opportunities of audiovisual sources in exploration
of the history and culture of the Tatar people**

A.T. Galimzyanova 174

ORIGINAL PAPER

**Visual sources about new Soviet rituals
in a Tatar village in the 1970s**

I.I. Khanipova..... 184

ETHNOGRAPHY OF THE TURKIC WORLD

ORIGINAL PAPER

**Traditions associated with honouring the elders
in the Turkmen rural community**

T.B. Khommyev, A.Sh. Abdyrakhmanova 201

BRIEF MESSAGE

**The ritual of “qo‘sh chiqarish” among Uzbeks
and its territorial features (on the example of the Fergana Valley)**

A.A. Sarimsokov..... 214

BRIEF MESSAGE

**From the history of the Muslim parishes of the Urmaevo village
(mid-18th – early 20th centuries)**

Kh.Z. Bagautdinova..... 224

RURAL EVERYDAY LIFE IN AN ETHNOCULTURAL PROJECTION

ORIGINAL PAPER

Cooperative organisations of northern Karelians in the 1920s (based on the example of the Ukhta District)

E.V. Dianova 233

ORIGINAL PAPER

Economic practices of the peoples of the Republic of Khakassia in present-day conditions

O.L. Lushnikova..... 249

ORIGINAL PAPER

What has been done in rural Tatarstan during a decade of implementing the system of population' self-taxation

E.A. Sagdieva..... 262

GENRE DIVERSITY ON THE NATIONAL STAGE

ORIGINAL PAPER

Moliere on the Tatar stage

E.N. Shevchenko 276

ORIGINAL PAPER

“The adventures of Khoja Nasreddin in Tatarstan”: history and modernity on theatre stage

A.R. Salikhova 295

ORIGINAL PAPER

Author's ballet on the stage of M.Jalil Tatar Academic State Opera and Ballet Theatre in the Soviet and post-Soviet periods

L.R. Petrova 303

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.139-158>

Французские куклы в региональных одеждах на почтовых открытках – изобразительный источник по истории традиционного костюма

А.Э. Жабрева

*Библиотека Российской Академии наук
С.-Петербург, Российская Федерация
annazhabreva@mail.ru*

Резюме. Статья посвящена исследованию почтовых открыток с изображениями кукол в костюмах регионов Франции. Проанализирован внешний вид открыток, характер изображений, одежды кукол. Источниковой базой послужили экземпляры из филокартической коллекции автора, которая является частью личного собрания этнографических кукол «Народы и наряды». Одиночные и сериальные открытки, выпускавшиеся на протяжении XX в., зафиксировали существование изысканных, идеально сделанных миниатюрных человечков, что делает эти издания историческим источником. Часть открыток печаталась с рекламными целями и отражала продукцию конкретной фирмы, другие запечатлели музейные и частные коллекции.

На открытках представлено разнообразие региональных костюмов, основные детали которых, хотя и были сходными на всей территории Франции, но в каждой исторической области, городе, кантоне и коммуне отличались цветом, формой или отделкой. Сравнение реального и кукольного костюма показывает некоторую условность последнего и то, что основной акцент создатели делали на головные уборы. В куклах нашли отражение такие особенности изготовления костюма как ручная работа, использование натуральных тканей и кружева – плодов труда ремесленников разных специальностей. С некоторыми оговорками открытки с изображениями костюмных кукол можно рассматривать как наглядный материал для изучения одеяний разных регионов Франции, а также считать важным изобразительным источником по этому вопросу.

Ключевые слова: филокартия, французские сувенирные куклы, французский традиционный костюм, изобразительные источники.

Для цитирования: Жабрева А.Э. Французские куклы в региональных одеждах на почтовых открытках – изобразительный источник по истории традиционного костюма. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 139–158. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.139-158>

Postcards with images of French dolls in regional attires – a graphic source on the history of traditional costume

A.E. Zhabreva

Library of the Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, Russian Federation

annazhabreva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of postcards with images of dolls in the regional costumes of France. The visual appearance of the postcards, the nature of the images, and dolls' garments have been analysed. The source base of the research is the author's philocartical collection, which is a part of the personal collection of ethnographic dolls "Peoples and attires". Single and serial postcards issued throughout the 20th century recorded the existence of exquisite, perfectly made miniature people, which makes these publications a historical source. Some of the postcards were printed for advertising purposes and reflected the products of a particular company; others captured museum and private collections.

The postcards demonstrate a variety of regional costumes, the main details of which, although similar throughout the territory of France, differed in colour, shape or finishing details in each historical region, city, canton, and commune. A comparison of a real and a doll costume shows some conventionality of the latter and the fact that the creators focused on hats. The dolls reflect the following features of costume making: handwork, the use of natural fabrics and lace – the results of work by artisans of different specialties. With some reservations, postcards with images of costume dolls can be viewed as visual materials for studying costumes from different regions of France, as well as an important graphic source on this issue.

Keywords: philocarty, French souvenir dolls, French traditional costume.

For citation: Zhabreva A.E. (2024) Postcards with images of French dolls in regional attires – a graphic source on the history of traditional costume. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 139–158. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.139-158> (In Russ.)

*«А маленькие открытки – всегда к вашим услугам!
Разложите их в желаемом порядке и сочетании...»
(Белицкий, Глезер, 1986: 124)*

В предлагаемой статье автор изучает и систематизирует собственное собрание, продолжая изыскания, начатые в предыдущих публикациях (Жабрева, 2022а; Жабрева, 2022б). На этот раз пристальное внимание уделяется филокартической¹ части коллекции, анализируется достоверность костюмных комплексов разных местностей Франции, представленных на куклах и запечатленных на фотооткрытках.

Первые почтовые карточки были введены в оборот 1 октября 1869 г. в Австро-Венгрии (Мелитонян, 2019: 277), а в последующие годы и в других стра-

---

¹ Термин «филокартия» означает процесс собирания и изучения открыток, появился в конце XIX в. во Франции (Третьяков, 2018: 336).

нах. Во Франции это связывают с событиями Франко-Прусской войны 1870 г. (Ripert, Frère, 1983: 17). Почтовые карточки (открытые письма или открытки), на одной стороне которых стали печатать изображение, быстро получили популярность. Уже на рубеже XIX–XX вв. они стали объектом коллекционирования, что способствовало увеличению числа издательств и количества этой продукции, выпуску тематических серий. Издательский процесс опирался как на традиции эстампа и литографии, так и на использование новых технологий использования фотографии.

Изображения на открытках принято разделять на художественные (содержащие репродукции с произведений искусства, воспроизводящие работы художников, специально выполненные для оформления открыток) и фотографические (оформленные с помощью фотографии и представляющие собой виды местностей, документальные изображения людей, животных, цветов и пр.) (Шлеев, Файнштейн, 1963: 4). Последние в настоящее время признаются историко-культурным свидетельством, ведь они запечатлели объективную реальность (Мелитонян, 2019: 280): города, горы и моря, быт, костюмы и утварь различных народов, большое значение в них имеет точность фиксации материала (Шлеев, Файнштейн, 1963: 6). Конечно же, их можно признать и изобразительными источниками.

Многие тематические коллекции нашли отражение в статьях, альбомах и каталогах (Пантюхин, 2009; Общество художников..., 2006; Плауде, 2019; Гдалин, Иванова, 2007). Являясь коллекционером кукол в костюмах народов мира, автор статьи дополняет собственное собрание объемных кукол их фотографическими воспроизведениями на открытках. Первоначально открытки рассматривались как вспомогательный материал – источник сведений при атрибуции новой куклы и сопроводительный визуальный ряд для оформления выставочного пространства. К слову сказать, почтовая открытка, способная иллюстрировать все стороны жизни человека «как элемент, позволяющий шире раскрыть выбранную тему» (Ёлкин, Мелитонян, 2017: 238–239), присутствует в качестве составной части многих музейных экспозиций. По мере количественного роста коллекции (в настоящее время более 400 единиц) филокартическая коллекция автора приобретает все большее значение, требует соответственного учета и систематизации. Основным принципом систематизации выбран страноведческо-этнографический (по странам и народам). По мере поступления открыток формируется иллюстрированная опись коллекции – основа исследований и осмыслений.

Конечно, не каждый регион мира представлен полно и разнообразно в кукольных образах и их воспроизведениях на фотооткрытках. Это связано с разными причинами: религиозными и этическими представлениями в целом, традициями кукольного промысла, понимания роли куклы в воспитании и пропаганде истории и культуры народа, популярностью путешествий и развитием туристического бизнеса.

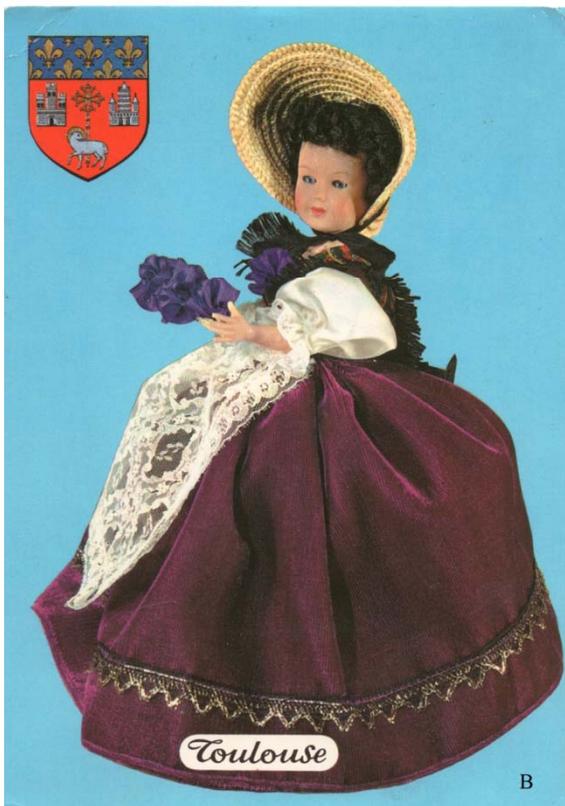
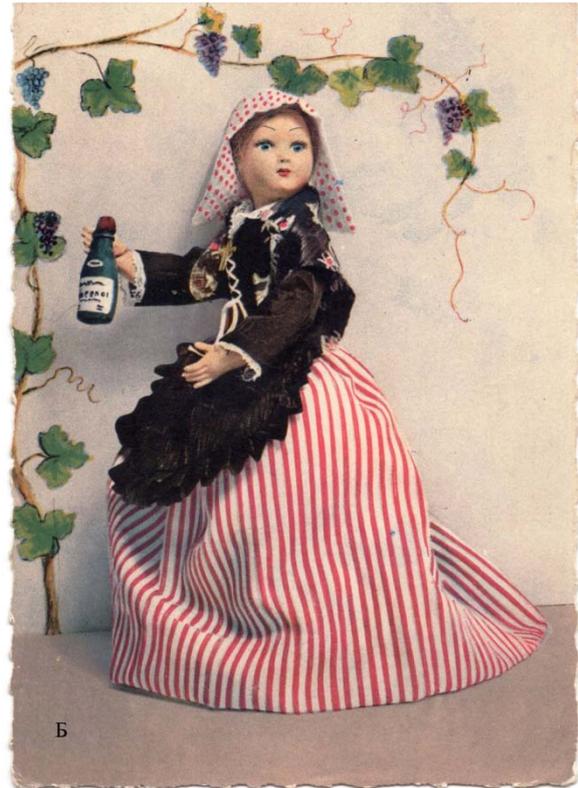

Рис. 1. А – Кукла в костюме Савойи. 1924 г. Фотооткрытка. Б.м., б.г. [1924]; 13,8x9 см;
 Б – Кукла в костюме Бургундии. Цв. фотооткрытка. Modèle de la Société Cadette. Cannes:
 Éd. Francesca, б.г.; 15x10,5 см; на обороте карандашом написана дата: 16.3.60;
 В – Кукла в костюме Тулузы. Цв. фотооткрытка. Toulouse: Éd. d'Art Labouche frères, б.г.;
 15x10,5 см; прошла почту 24.08.1978; Г – Кукла в костюме Шампани. Цв. фотооткрытка.
 Blois: Éd. ESTEE, б.г.; 15x10,5 см; отправлена из Реймса 21.4.74.

Французская сувенирная кукла является исключительно богатным материалом для коллекционирования и изучения. Уже в XVI в. из парижских игрушечников выделилась специальность изготовления кукол на заказ, «их работали с любовью, тонко, до мелочей, как бы на память потомству о вкусе того времени» (Оршанский, 1923: 17). Яркую страницу в историю моды вписали куклы-пандоры, предшественники модных журналов. К концу XIX в. кукол, в т.ч. в национальных костюмах, изготавливали такие фирмы, как «Eden bebe», «S.F.V.J.», «Petitcollin» (Odin, Odin, 1999: 43–45).

После Второй мировой войны вместе с восстановлением европейских памятников и развитием туризма большое распространение получили французские куклы в региональных² костюмах. Они производились частными предприятиями и стали образцовой сувенирной продукцией (Odin, Odin, 1999). Фирмы «Petitcollins», «Le Minor», «Poupée Yolande», «MAGALI», «Mabel», «Bella» славились высоким качеством исполнения фигурок в национальных костюмах, над исполнением которых нередко трудились профессиональные портные, кружевницы, стилисты. Изыскания в области традиционного костюма, делавшиеся во время разработки новой модели, вносили серьезный вклад в изучение данного вопроса (Libouban, 2011: 22, 34, 38 et al.). Рынок наполнился высококачественными изделиями, рассчитанными на покупателя разного возраста и кошелек, а также на туристов. Это отразилось и в количестве, и в качестве открыток.

На начало 2024 г. личная (автора статьи) коллекция кукол в костюмах разных народов мира «Народы и наряды» включает 30 кукол, изготовленных во Франции после 1950 г., и 36 почтовых открыток XX в. с фотографиями костюмных кукол. Обе части коллекции неразрывно связаны друг с другом. Регионы, не представленные реальными куклами, присутствуют на открытках. Данные филокартии позволяют атрибутировать кукол без ярлыков и упаковок.

В собрании автора имеются объемные куклы в костюмах таких регионов, департаментов и городов, как Беарн, Бресс, Бретань, Савойя, Шампань-Арденны, Эльзас, Канны, Рокамадур, Монте-Карло, Ле-Пюи-ан-Веле. На куклах с большой точностью воспроизведены мужские и женские наряды, уделено особое внимание знаковым деталям: головным уборам разных форм, цвету и фактуре передника, кружеву воротников и манжет, расцветкам и орнаментам вышивок, которые преобладали в той или иной местности. Например, голову эльзаски украшает большой черный бант, на котором ярким пятном выделяется кокарда, собранная из трехцветной ленты времен Великой Французской революции. Бретонки имеют на головах высокие белоснежные кружевные чепцы, а жительницы Бресса – широкие круглые шляпы из черного кружева, с плюмажем из него же на макушке. Жительницы Савойи носят шапочку особого покроя: ее край надо лбом имеет острый выступ, уши прикрыты небольшими лопастями. Некоторые образы приняли устойчивую цветовую характеристику:

---

² Французы используют термины «poupées folklorique», «poupées en costumes regionaux» (Odin, Odin, 1999: 42).

куклы в костюме Тулузы обычно одеты в лилово-фиолетового юбку и держат в руках букетик фиалок такого же цвета; на их головах соломенные шляпки, завязанные под подбородком. Куклы из Ниццы и Канн одеты в полосатые, бело-розовые юбки (мужчины в таких же брюках), у них черные ярко вышитые передники, соломенные, но подвязанные иначе, чем у тулузок, шляпки и корзинки с цветами. Сравнение кукол с иллюстрациями из «костюмных» книг (Брун, Тильке, 2005; D'Éze, Marcel, 1886), этнографических и страноведческих изданий (Народы Франции, 1965) позволяет говорить о высокой точности изображения костюма. Так, например, гравюры «Женщина из провинции Бресс» и «Бретонцы из г. Понт-Авен и Дуарнене», выявленные в книге «La France et ses colonies» (Reclus, 1887: 439), почти в точности совпали с костюмами соответствующих кукол.

Существенным отличием кукольного костюма от подлинного является длина и ширина юбки, доходившая в оригинале не более, чем до щиколоток. У кукол второй половины XX в. юбки спускаются гораздо ниже их коротких, часто не одетых и не обутих ножек. Практически все мастера после 1960-х гг. использовали юбку в качестве подставки, многие куколки небольшого размера (до 15 см) часто не имеют подставок иных, чем жестко накрахмаленные или сделанные из флизелина нижние юбки. Именно такие фигурки получили наибольшее распространение среди производителей и коллекционеров. Они представлены в большем количестве и на открытках, в т.ч. из собрания автора.

Куклы более ранние и большего размера обычно делались с ножками, видимыми из-под юбок, поэтому они имели белье, носки и туфли. Так, на старой черно-белой фотооткрытке изображена именно такая савойярка, представлявшая на выставке Приютов Министерства почт, телеграфов и телефонов³ в Париже (1924 г.). На открытке хорошо видны переливы атласной юбки, передника и косынки, а также чепчик, носочки или чулки, туфли с пряжками (рис. 1 А). Изображение подобной куклы 1930-х гг. опубликовано в книге, посвященной фирме «Le Minor» (Libouban, 2011: 17). Такого же типа эльзаска, изготовленная в 1970-х гг., имеется в коллекции автора.

Путешественники, любители народных костюмов приобретают небольших кукол на память о поездках по разным уголкам Франции. Этой же цели служат и открытки с живописными видами природных красот и типажами жителей. Почтовые карточки с фотографиями костюмных кукол также исполняют функцию рекламы. В коллекции автора представлены фотооткрытки, воспроизводящие кукол в костюмах следующих регионов: Берри, Бресса, Бретани, Булони, Бургундии (рис. 1 Б), Дофинэ, Каталонии, Лимузена, Нормандии, Оверни, Перигора, Пиринеев, Шампани (рис. 1 Г), Эльзаса; городов и местностей: Парижа, Ниццы, Лиона, Лазурного берега, Страсбурга, Савойи, Тулузы (рис. 1 В).

---

³ Exposition de l'Orpheliat des P.T.T. Эти сведения размещены на лицевой стороне карточки, на оборотной стороне данных нет.

Рис. 2. Открытки из серии «La Provence d'autrefois» («Прованс прошлых лет»).

Цв. фотооткрытки. Marseille: Éd. TARDY, б.г.; 10,5x15 см; без полей.

Подписаны по-французски. Почтовые штемпели, даты отсутствуют.

- А – Молодой матери подносят подарки;
- В – «Папаша» собирается выйти из дома.

Рис. 2 (продолжение). Открытки из серии «La Provence d'autrefois» («Прованс прошлых лет»).
 Цв. фотооткрытки. Marseille: Éd. TARDY, б.г.; 10,5x15 см; без полей.
 Подписаны по-французски. Почтовые штемпели, даты отсутствуют.
 Б – Слуги спрашивают хозяйку, что приготовить к обеду;
 Г – в ожидании обеда «папаша» читает газету.

На открытках воспроизведена в основном одна кукла (в подавляющем большинстве женщина), реже пары и группы фигур. Они могут быть расположены на нейтральном фоне, рисованном или объемном, типа театрального задника, дополненном миниатюрными орудиями труда, предметами быта, макетами растений или фигурками животными. Иногда кукла вводится в коллаж из фрагментов наиболее ярких видов той или иной местности.

Открытка служит важным средством атрибуции куклы. На оборотной стороне французских открыток «кукольной» тематики можно обнаружить разнообразную информацию: город и наименование издательства, название серии и номер в ней, регион, в costume которого изображена кукла, фирма-изготовитель куклы, имя фотографа (в разных комбинациях). Подписи на открытках дают основание говорить о существовании кукольных серий, а также коллекций, принадлежащих государственным и частным собраниям. А вот год издания открытки указывается редко, поэтому удачей является, если она прошла почту и имеет штемпели, или же дату, проставленную отправителем. Но часто открытки отсылались в конвертах или приобретенные для личных коллекций хранились в специальных альбомах. В этом случае для атрибуции открытки привлекаются объемные куклы, определяющими факторами служат материалы, из которых изготовлены тела, фирменные этикетки и т.д.

Фотооткрытки с изображениями кукол в костюмах разных провинций, городов и отдельных местностей издавались во Франции как отдельно, так и сериями. Охарактеризуем те из них, которые представлены в коллекции.

В серии «La Provence d'autrefois» («Прованс прошлых лет»)⁴ нашли отражение старинные куклы-сантоны⁵ (рис. 2). В коллекции всего четыре из более 300 открыток этой серии. На оборотной стороне карточек помещены такие сведения: название серии, название сценки на прованском и французском языках с комментариями к ним⁶, или же небольшой диалог между персонажами. Указан изготовитель или владелец фигурок (Santons Puccinelli-Meinnier), а также город, издательство, его адрес и телефон, копирайт. Сообщается, что открытки напечатаны в Италии. Год издания отсутствует, как и почтовые штемпели. Все четыре открытки имеют общее происхождение. Они подписаны по-французски дамой по имени Бернадет и адресованы ее родителям, кузенам и Монике. Судя

---

⁴ Marseilie: Ed. TARDY, [б.г.]; 10,5x15 см; без полей.

⁵Сантонами (фр. santous) – «маленькими святыми» изначально назывались фигурки святых, делавшиеся к Рождеству для вертепов. По преданию, они были изобретены Францисканским орденом еще в XIII в. и стали традиционными для Франции, хотя и находились под контролем церкви. Они приобрели особую популярность в Провансе и стали предметом коллекционирования. После Великой Французской революции вертепы были запрещены, но сантоны продолжали делаться в семьях. Скульптор Жан-Луи Ланьель в начале XIX в. стал делать фигурки на продажу, и не только святых, но и пастухов, крестьян, рыбаков, которые постепенно стали основными в жанре сантонов. Образы простых людей, горожан и крестьян стали своеобразным символом Прованса (Neuo).

⁶ Например: «La jouino maire» (La jeune Mère) Vèbé est arrivé! Chacun apporte ses presents («Молодая мать. Ребенок родился, все подносят подарки»).

по текстам, обе стороны коллекционировали открытки и старались выбрать те, что доставили бы удовольствие адресатам.

Открытки серии «Прованс прошлых лет» зафиксировали бытовые сценки из жизни конца XVIII–XIX вв.: в ожидании обеда хозяин читает газету, слуги спрашивают хозяйку, что приготовить на обед, хозяин собирается выйти из дома, гости приносят подарки молодой матери. Сценки представлены в интерьерах жилых помещений – в передней, гостиной, детской комнате. Их обитатели занимаются ребенком, разбирают овощи, демонстрируют покупки и охотничьи трофеи, разговаривают, читают газету.

Фигуры одеты в традиционные для Прованса костюмы. Женские наряды состоят из нескольких юбок, верхняя из которых простеганная особым образом, передника, корсажа, косынки на плечах, чепца. На плечах одной из кукол плащ из блестящей материи, на голове черная шляпа поверх чепчика, в руках полная провизии корзинка, говорящая о том, что дама только что пришла с рынка. Мужчины в зависимости от их социального положения облачены в пиджаки или синие блузы, черные шейные галстуки или яркие платки, узкие или мешковатые брюки, на их головах черные широкополые шляпы. Очевидно, что фотографии для открыток сделаны на музейной экспозиции. Их качество достаточно высоко, чтобы рассмотреть мельчайшие детали костюмов, интерьеров и бытовых предметов.

Две серии костюмных кукол – «*Poupées des provinces de France*» («Куклы провинций Франции») и «*Poupées et paysages de France*» («Куклы и пейзажи Франции») подготовило к печати издательство «S.E.P.T.» (г. Ницца)⁷. Открытки обеих серий имеют белые поля, ровный или волнистый обрез края, размеры 15x10,5 см (рис. 3). Время издания не указано, но куклы (исключительно дамы) представляют собой изделия фирмы «MAGALI» и относятся к 1950–1960-м гг. Каждая серия состоит из одной групповой открытки и нескольких индивидуальных. В первой серии на общей открытке воспроизведены 12 кукол, расположенных в два ряда, горизонтальная линия между ними раскрашена в цвета французского флага, на ней размещено наименование серии. Каждая из кукол воспроизведена и самостоятельно, в этом случае под изображением подписан регион. Среди кукол узнаваемы женские образы жительниц Бресса, Эльзаса, Пиренеев, Ниццы (эти отдельные открытки имеются в коллекции), Тулузы, Лоррэна, Прованса, Корсики, Бретани. Вторая серия состоит из общей открытки с шестью пейзажами и шестью куклами, изображения которых расположены по четыре квадрата в три ряда. Куклы запечатлены отдельно. Некоторые образы (жительница Ниццы, Пиренеев, Перигора) повторяются в обеих сериях.

Большую серию кукольных открыток опубликовало издательство «Francesca» (Канны, 1950-е гг.?, 14,8x10,2 см), пятнадцать из них имеется в коллекции автора (рис. 1 Б, рис. 4 Б–Г). Внешне эта серия отличается отсутст-

---

⁷ За аббревиатурой скрывается название какого-то общества, возможно «*Société d'Édition de Programmes de Télévision*».

вием полей и волнистым срезом краев. Фотографии сделаны с кукол, находившихся в обществе «Cadette» (Ницца), что указано на оборотах всех экземпляров. Выпуск открыток продолжался не один год, судя по тому, что их дизайн сильно отличается: одни куклы расположены на нейтральном фоне, другие – на рисованном, третьи – с дополнительными предметами, растениями или животными. Интересно, что десять открыток этой серии находилось в одной семье, две из них подписаны 1955 годом. Очевидно, они пересылались из Франции в СССР в конвертах, поэтому не содержат ни адресов, ни почтовых штемпелей, ни фамилий отправителя и адресата. Все открытки написаны по-русски бабушкой своему внуку Мишеньке. Возможно, открытки одинаковой тематики подбирались не случайно: в одном из посланий бабушка упоминает, что внук сообщил ей о походе на кукольную фабрику.

На открытках названной серии изображены такие куклы как парижанка в пышной юбке с воланами и шляпке с полями, эльзаска в красной юбке, черном переднике, с огромным бантом на голове, женщина из Шампани в крупном кружевном чепце квадратной формы и нормандка в конусообразном (рис. 4 Г), брессанка в черной круглой шляпе, овернка в бирюзовом платье и низком головном уборе, состоящим из кружевного чепчика и сложенной наподобие итальянской тавальи красной ткани (рис. 4 Б). Одевание жительницы Дофине выделяется нарядной цветастой юбкой и объемным круглым чепчиком (рис. 4 В). Две бретонки отличаются высокими кружевными уборами. По их поводу на обороте карточки написано, что точно таких же автор писем видела на побережье Бретани.

В коллекции представлены единичные открытки из серий «Les provinces Française» («Провинции Франции». Collection IRIS – Création Theojac), «Les poupées de France» («Куклы Франции». Bresse, Combier imp.), «Images de chez nous» («Изображения из нашего дома», издательство EDY).

Остановимся на описании костюмов, представленных на некоторых открытках. Чрезвычайно эффектен праздничный наряд коммуны Понт-Авен (Бретань)⁸ (рис. 4 А). Платье куклы, исполненной фирмой Petitcolins⁹, сшито из темно-синего бархата; на груди, по подолу и рукавам пристроена узорчатая тесьма и металлизированные галуны. Широкий передник из светло-сиреневого атласа обшит тесьмой и тонким кружевом, его нагрудник напоминает пластрон корсажа XVIII в. Широкий стояче-отложной воротник из плиссированной хлопчатобумажной ткани белого цвета вошел в состав традиционного еще в конце XVI–XVII вв., как подражание модной детали аристократического костюма. Головной убор представляет собой сложное сооружение: на белом чепчике закреплена высокая накладка из белого, сильно накрахмаленного кружева. Эта кукла – экспонат Музея в Катринехолме (Швеция), издавшего открытку.

⁸ Кукла в праздничном костюме коммуны Понт-Авен (Бретань) / foto: Olle Westerberg. Förlag Katrineholms Kultünämnd, б.г. 14,5x10,5 см. В коллекции автора имеется подобная кукла, что позволило проанализировать костюм и составить его детальное описание.

⁹ Атрибутировано по аналогии с подлинной куклой из коллекции автора.

Рис. 3. Групповые открытки из серий «Poupées des provinces de France» и «Poupées et paysages de France». Цв. фотооткрытки. Nice: Éd. S.E.P.T., б.г.; 10,5x15 см, поля белые, края с волнистым обрезом. Вверху – чистая, внизу – подписанная, прошла почту, но штамп нечитаемый.

Рис. 4. А – Кукла в праздничном костюме коммуны Понт-Авен (Бретань). Foto: Olle Westerberg. Цв. фотооткрытка. Förlag Katrineholms Kultünämnd, б.г.; 14,5x10,5 см; без полей, края с волнистым обрезом. Подписана, но почту не проходила; Б – Кукла в костюме Оверни. Цв. фотооткрытка. Modèle de la Société CADETTE (Nice). Cannes: Éd. «Francesca», б.г.; 14,7x10,3 см; подписана по-русски; В – Кукла в костюме Дофинауа. Цв. фотооткрытка. Modèle de la Société CADETTE (Nice). Cannes: Éd. «Francesca», б.г.; 15x10,4 см; подписана по-русски; от руки приписана дата: 2.X.59; Г – Кукла в костюме Нормандии. Цв. фотооткрытка. Modèle de la Société CADETTE (Nice). Cannes: Éd. «Francesca», б.г.; 14,7x10,3 см; подписана по-русски; от руки приписана дата: 27.8.1955.

На четырех открытках разных издательств изображены парные куклы в костюмах разных регионов. Пара из Страсбурга, вероятно, совсем маленькие по размерам куклы, да и обликом похожие на детей, сфотографированы на фоне коричневых драпировок¹⁰. Девочка одета в длинную черную юбку, отделанную по подолу двумя рядами желтой тесьмы-змейки, в передник из темно-синей ткани, обшитый по краям желтым кружевом и украшенный вышивкой в виде желтого цветка. На плечах куклы белая блузка с рукавами-фонариками и козынка, на голове – белый кружевной чепчик с оборками и завязками на шее. Мальчик одет в синюю блузу и черно-белые клетчатые брюки, на голове черная широкополая шляпа, шея обвязана белым платком. Синтетические кружева в костюме барышни заставляют датировать кукол не ранее 1970-х гг. Вероятно, к этому же времени относится публикация открытки.

Еще одна пара – представители Лимузена, запечатлена на фоне условных гор, водопада и непропорционального большого гриба¹¹. Фигуры занимают не более трети пространства, но их образы четкие, детали хорошо просматриваются. Мужчина в коричневой блузе с белым воротником, черных брюках и широкополой шляпе держит даму за руку. На ней красное атласное платье, узорчатый передник и шляпка, подвязанная лентами.

Открытка, изображающая берег реки Соны и замок Пьера Энеза¹² входит в серию «Lyon d'autrefois» («Лион прежних лет»). Пара кукол размещена на фоне гористого пейзажа и стен средневекового замка, таким образом, чтобы не перекрывать живописной, уходящей вдаль перспективы (рис. 5 Б). Костюмы фигурок отличаются местным колоритом. Женщина с милостивым лицом одета в кружевной чепчик, соломенную шляпку, накиннутую на плечи кружевную козынку, длинную узорчатую юбку красного цвета. На мужчине синяя куртка, красный галстук на шее, белые укороченные брюки, на поясе красный шарф, на голове белый колпак, конец которого свисает набок, на ногах черные туфли. Обе куклы держат в руках деревянные предметы – шест и рубель¹³. Удачная компоновка кукол, пропорциональных с ними бытовых предметов и фона, создает иллюзию подлинности происходящего.

---

¹⁰ «Couple Vosgien (Poupées Fischer – Strasbourg)». Paris: S.A.P., б.г.; 14,8x10,4 см; без полей, край с волнистым обрезом.

¹¹ «Le Limousin» из серии «Les provinces françaises». Collection IRIS – Création THEOJAS. Без указания места и года издания; 14,5x10,5 см. Подписана, почтовый штампель неясен.

¹² «La Saône et le château de Pierre Eneize Batelière et joueur». Lyon: Troulliet et Fils, б.г.; 10,3x15 см.

¹³ Рубель – пластина из дерева с ручкой на одном конце, предназначалась для глажки и стирки белья.

Рис. 5. Вверху: «Au beau pays de Savoie». Цв. фотооткрытка. Paris: Compagnie des Arts Photomécaniques. LUMICAP, б.г.; 10,5x15 см; без полей; подписана по-французски, прошла почту в 1986 г. Внизу: «La Saône et le château de Pierre Eneize Batelière et joueur». Цв. фотооткрытка. Lyon: Troulliet et Fils, б.г.; 10,3x15 см; без полей; из серии «Lyon d'autrefois»; подписана по-французски; даты, штемпели отсутствуют.

Открытка со сценкой из жизни обитателей Савойи¹⁴, напротив, выглядит нарочитой (рис. 5 А). На фоне настоящих еловых веток, камней, мха и игрушечного дома расположены три фигуры: трубочист, девочка и женщина. Последняя одета в роскошный, но неуместный в лесу наряд: черное платье с пышной юбкой, обшитой золотой тесьмой, яркий передник, традиционную богато украшенную шапочку. Кукла меньшего размера, сидящая на пригорке в центре композиции, облачена в желтое платье с белым передником и такую же, как у взрослой дамы шапочку. Трубочист одет в присущий его профессии костюм, состоящий из предметов черного цвета: блузы, брюк, колпака. Единственное яркое пятно в его облике – красный шарф, длинный край которого спускается от шеи до талии. За его спиной виден край красной лестницы – непрямого атрибута облика трубочиста. Этот персонаж никак не привязан географически к Савойе. Фигурки трубочистов были распространены по всей Франции, так же, как и этот род занятий.

Вышеописанные открытки позволяют говорить о том, что в кукольных образах нашел отражение народный костюм Франции. Одинаковый в своих основных деталях женский наряд (пышная юбка, заложенная в складки или сборки и свободная кофта с застежкой у ворота, передник, косынка или платок, корсаж) отличался цветом, формой, отделками, украшениями. Особыми одеждами и головными уборами отличались Бретань, Эльзас, Прованс, Нормандия, Лимузен, Бресс, Овернь. Наибольшее различие отдельных элементов костюма наблюдалось в Бретани: «здесь выделяют 66 видов женского костюма» (Народы Франции, 1965: 408). Даже, когда с конца XIX столетия в обиход вошел городской костюм, местные головные уборы еще долго держались в предыдущих традициях. Костюм продолжал изменяться вместе с эволюцией аристократической моды, сохраняя отдельные детали минувших эпох: в XVIII–XIX вв. юбка сделалась более пышной, но продолжали бытовать чепцы старинных форм, воротники-фрезы, отложные воротники, наплечные косынки. Высокие головные уборы женщин Нормандии имели своим прообразом эннен эпохи готики, широкий и плоский убор Бресса (некогда части герцогства Бургундии) – средневековый шаперон, а описанный выше воротник бретонки из Понт-Авена – воротник Медичи, бытовавший в последней четверти XVI – начале XVII в.

В кукольных костюмах отразилась и политическая история. На одной из открыток из выше названной серии кукол в региональных костюмах (Ницца, 1950-е гг.) изображена эльзаска в ярко-красной юбке. По Франкфуртскому миру, завершившему Франко-Прусскую войну 1870–1871 гг., Эльзас, вместе с частью Лотарингии отошел к Германской империи. Протест коренных жителей выразился в том, что головной убор с большим черным бантом, появившийся еще в 1800-е гг., к началу XX в. достиг невероятно больших размеров, его стали

---

¹⁴ «Au beau pays de Savoie». Paris: Compagnie des Arts Photomécaniques, б.г.; 10,5x15 см. Прошла почту в 1986 г.

украшать трехцветной розеткой цветов французского флага. Это было маленькое, но очень заметное на черном фоне украшение.

На имеющейся открытке не очень удачно представлены две бретонки. Это – миньонки, поэтому их костюм очень условен. Лишь кружевные чепцы и характерные расцветки тесьмы, украшающей платья, говорят об их региональной принадлежности. Более крупные куклы, в частности работы фирмы «Le Minog» (Libouan, 2011: 56–63) позволяют разглядеть искусную вышивку лифа и рукавов, досконально описанную в научных изданиях (в частности: Gautier, Gravot, 1929).

Описанные открытки были задействованы во временной выставке «Исторический и традиционный костюм Франции: книжные иллюстрации, почтовые открытки и куклы из фондов БАН, отдела БАН при МАЭ, коллекции А.Э. Жабревой» (Библиотека РАН, С.-Петербург, май-август 2022 г.). Начало работы экспозиции было приурочено к XXV Международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые перспективы», в рамках которой уже несколько лет работает секция «Куклы и манекены: история и современность». Книжные памятники и изобразительные источники по историческому и традиционному костюму чередовались с куклами, почтовыми открытками с их изображениями и литературой о куклах, позволяя расширить визуальный ряд, сопоставить аналогичные костюмы¹⁵.

Коллекция кукол и почтовых открыток показывает разнообразие региональных костюмов, которые в каждой исторической области отличались цветом, формой, отделками, аксессуарами, украшениями. В кукольном костюме основную роль идентификатора взяли на себя головные уборы. Эту особенность отразили и фотовоспроизведения кукол на почтовых открытках. Фотооткрытки, на которых запечатлены куклы, изготовленные в разных технологиях, разными производителями и в различные периоды XX в., можно признать историческим и изобразительным источником. До определенной степени их можно рассматривать как наглядный материал для изучения костюмов разных регионов Франции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

---

¹⁵ Читать об этой выставке и смотреть фотографии можно на странице сообщества «История костюма в куклах» в группе ВКонтакте. URL: vk.com/wall-124206846?q=французские%20куклы

ЛИТЕРАТУРА

- Белицкий Я.М., Глезер Г.Н.* Рассказы об открытках. М.: Радио и связь, 1986.
- Брун В., Тильке М.* История костюма: от древности до Нового времени / пер. с нем. Г. Светличной. М.: Эксмо, 2005.
- Гдалин А.Д., Иванова М.Р.* Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка: энцикл. кат. СПб.: Инфо-да, 2007.
- Ёлкин В.И., Мелитонян А.А.* О некоторых вопросах истории и современной практике экспонирования открыток на примере деятельности коллекционеров иллюстрированных почтовых карточек и объединений филокартистов в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде – Санкт-Петербурге // Опыт участия в отечественных и международных филателистических выставках: материалы VIII науч.-практ. семинара по истории почты и филателии, 10 окт. 2017 г. / ЦМС им. А.С. Попова; науч. ред. *Л.Н. Бакаютова*. СПб., 2017. С. 231–244.
- Жабрева А.Э.* Исторический и традиционный костюм Франции в книжных иллюстрациях, почтовых открытках и сувенирных куклах (по следам выставки Музея истории БАН) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. / БАН. СПб., 2022. Вып. 5. С. 60–70.
- Жабрева А.Э.* Французский костюм в образах сувенирных кукол и их изображениях на почтовых открытках // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы 25-й Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 25–28 мая 2022 г. / СПбГУТД и др.; редкол.: *Н.М. Калашникова* (пред.) и др. СПб., 2022. С. 477–480.
- Мелитонян А.А.* Современная отечественная филокартия как пример комплексного подхода к изучению и использованию источников историко-культурных знаний // Почта. Филателия. Филокартия. Историко-культурное значение: сб. метод. материалов X науч.-практ. семинара, 9 окт. 2019 г. / ЦМС им. А.С. Попова; науч. ред. *Л.Н. Бакаютова*. СПб., 2019. С. 277–288.
- Народы Франции // Народы зарубежной Европы. М., 1965. Т. 2. С. 339–418. (Народы мира: этногр. очерки).
- Общество художников «Мир искусства» на почтовых карточках: кат. СПб.: Стандарт-Коллекция, 2006.
- Оршанский Л.Г.* Игрушки: ст. по истории, этнографии и психологии игрушек. М., Л.: Госиздат, 1923.
- Пантюхин В.А.* Почтовые карточки Великой Отечественной войны издания 1941–1945 гг.: ил. кат. односторонних почт. карточек СССР. М.: Деловой ритм, 2009.
- Плауде В.Ф.* Открытые письма Общины Святой Евгении. СПб.: Пушкин: ГМЗ «Царское Село», 2019.
- Третьяков В.П.* История коллекционирования открыток в России (1895–2017) // Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: сб. метод. материалов IX Науч.-практ. семинара по истории почты и филателии, 9 октября 2018 г. / сост.: *Л.Н. Бакаютова, А.А. Шмакова*. СПб., 2018. С. 335–343.
- Шлеев В.В., Файнштейн Э.Б.* Как собирать художественные открытки. М.: ИЗОГИЗ, 1963.
- D'Éze G., Marcel A.* Histoire de la coiffure des femmes en France. Paris: P. Ollendorff, 1886.
- Gautier J., Gravot M.* La Bretagne: sites, arts et coutumes. Paris: A. Calavas, 1929.
- Libouban A.* Le poupée Le Minor: un petit monde de haute couture / preface de S. Odin; Musée de la Poupée. [Paris]: Coop Breizh, 2011.
- Nevo J.* История прованских сантонов // 5Республика. 2019. 11 декабря. URL: <https://5respublika.com/style/santons-provencal.html> (дата обращения: 2.02.2024).
- Odin G., Odin S.* Poupées françaises 1850–1940. Paris: Musée de la Poupées, 1999.
- Reclus O.* La France et ses colonies. Paris: Hachette, 1887. Т. 1–2.

Ripert A., Frère C. *La cart postale: son histoire, a fonction sociale*. Lyon: Éd. du CNRS. Press universitaires de Lyon, 1983.

REFERENCES

- Belitskiy Ya.M., Glezer G.N. (1986) *Stories about postcards*. Moscow: Radio and communication Publ. (In Russ.)
- Brun V., Tilke M. (2005) *History of costume: from antiquity to modern times*. Transl. Svetlichnaya G. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- D'Éze G., Marcel A. (1886) *Histoire de la coiffure des femmes en France*. Paris: P. Ollendorff. (In French)
- Gautier J., Gravot M. (1929) *La Bretagne: sites, arts et coutumes*. Paris: A. Calavas. (In French)
- Gdalin A.D., Ivanova M.R. (2007) *Fighting Leningrad. Postcard: encyclopedic catalogue*. St. Petersburg: Info-da Publ. (In Russ.)
- Libouban A. (2011) *Le poupée Le Minor: un petit monde de haute couture*. Preface de S. Odin; Musée de la Poupée. Paris: Coop Breizh Publ. (In French)
- Melityan A.A. (2019) Modern domestic philocarty as an example of an integrated approach to the study and use of sources of historical and cultural knowledge. In: L.N. Bakayutova (ed.) *Mail. Philately. Philocarty. Historical and cultural significance*: Collection of method. materials of the 10th scientific-practical seminar. Oct 9 2019. St. Petersburg: A.S. Popov Central Museum of Communications Publ.: 277–288. (In Russ.)
- Neyo J. History of the Provençal Santons. In: *5Republic*. 2019. December 11. URL: <https://5espublika.com/style/santons-provencal.html> (accessed: 02.02.2024). (In French)
- Odin G., Odin S. (1999) *Poupées françaises 1850–1940*. Paris: Musée de la Poupées Publ. (In French)
- Orshansky L.G. (1923) *Toys: Articles on history, ethnography and psychology of toys*. Moscow, Leningrad: Gosizdat Publ. (In Russ.)
- Pantukhin V.A. (2009) *Postcards of the Great Patriotic War published in 1941–1945: illustr. Catalogue of USSR one-way postcards*. Moscow: Business Rhythm Publ. (In Russ.)
- Peoples of France (1965). In: *Peoples of foreign Europe*. Moscow. Vol. 2: 339–418. (Peoples of the world: ethnographic essays). (In Russ.)
- Plaude V.F. (2019) *Open letters from the Community of Saint Eugenia*. St. Petersburg, Pushkin: Tsarskoe Selo State Museum-Reserve Publ. (In Russ.)
- Reclus O. (1887) *La France et ses colonies*. Paris: Hachette. Vol. 1–2. (In French)
- Ripert A., Frère C. (1983) *La cart postale: son histoire, a fonction sociale*. Lyon, Éd. du CNRS. Press universitaires de Lyon. (In French)
- Shleev V.V., Fainstein E.B. (1963) *How to collect art cards*. Moscow: IZOGIZ Publ. (In Russ.)
- “World of Art” Society of Artists on postcards: catalogue. (2006) St. Petersburg: Standard-Collection Publ. (In Russ.)
- Tretyakov V.P. (2018) History of collecting postcards in Russia (1895–2017). In: L.N. Bakayutova, A.A. Shmakov (eds.) *Postage stamp and postcard: creators, publishers, collectors*: Collection of method. materials of the scientific-practical seminar on postal history and philately, October 9, 2018. St. Petersburg: 335–343. (In Russ.)
- Yolkin V.I., Melityan A.A. (2017) On some issues of history and modern practice in exhibiting postcards using the example of the activities of collectors of illustrated postcards and associations of philocartists in St. Petersburg – Petrograd – Leningrad – St. Petersburg. In: L.N. Bakayutova (ed.) *Experience of participation in domestic and international philatelic exhibitions*: Materials

of the 8th scientific and practical seminar on postal history and philately, October 10, 2017. A.S. Popov Central Museum of Communications. St. Petersburg: 231–244. (In Russ.)

Zhabreva A.E. (2022) French costume in the images of souvenir dolls and their images on postcards. In: N.M. Kalashnikova et al. (eds.) *Fashion and design: historical experience – new technologies: Materials of the 25th International scientific conference*, St. Petersburg, May 25–28, 2022. St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. St. Petersburg: 477–480. (In Russ.)

Zhabreva A.E. (2022) Historical and traditional costume of France in book illustrations, postcards and souvenir dolls (following the exhibition of the Museum of History of the BAN). In: *Science and library: collection of scientific works*. Library of the Academy of Sciences. St. Petersburg, Issue 5: 60–70. (In Russ.)

Сведения об авторе: Жабрева Анна Эрнестовна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, преподаватель кафедры мастерства художника кино и телевидения факультета искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, член Санкт-Петербургского Союза художников (199034, Биржевая линия, 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1246-9485>; e-mail: annazhabreva@mail.ru

About the author: Anna E. Zhabreva, Cand. Sc. (Pedgogy), Bibliographer and Research Fellow of the Library of the Russian Academy of Sciences, Lecturer at the Department of Arts, Film and Television Artist Skills, Faculty of Arts, St. Petersburg State University; member of St. Petersburg Union of Artists (1 Birzhevaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1246-9485>; e-mail: annazhabreva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 12.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised 20.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173>

Парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем»: реальный образ или вымысел?

Д.Ф. Гатина-Шафикова

Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

golocen@yandex.ru

Резюме. Объектом исследования является парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем» как историко-этнографический источник. Актуальность изучения подобного типа изобразительных материалов выражается в возможности выявления трансформации татарского женского костюма. Учитывая накопленный опыт этнографических исследований, сохранившиеся ранние письменные и визуальные материалы, в статье осуществляется сравнительно-исторический анализ парсуны. Указанная работа по некоторым оценкам датируется XVII–XVIII вв. По мнению автора статьи, она написана не ранее начала XIX столетия. Предложенная датировка объясняется отсутствием на изображенной Сююмбике характерных элементов татарского женского костюмного комплекса, присутствовавших в рисованных работах более раннего времени. Образ Сююмбике воспроизводится в девичьем головном уборе, состоящем из конусообразной шапки и покрывала, а находящаяся возле неё женщина – в женском многосоставном головном уборе. Учитывая традиции разной степени покрытия головы в комплексах разновозрастных групп татарок, можно сделать вывод о том, что в парсуне четко просматривается возрастная принадлежность изображенных. Стоящий ребёнок, которого считают Утямышем, с учётом ранних традиций одевания мальчиков в женскую одежду, облачён в девичий комплекс, повторяющий образ матери и замужней женщины. Это не является характерным для традиционной культуры.

В издании 1850-х гг. схожая работа печаталась, однако в названии к ней «Сююмбике» не обозначалась, что даёт право предположить о позднем включении этого образа в уже существующее изображение с воспроизведением одежды молодых татарских девушек и замужних женщин.

Ключевые слова: Сююмбике, татары, конусообразный головной убор, шапка, покрывало, женский костюмный комплекс, халатообразная одежда.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем»: реальный образ или вымысел? *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 159–173. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173>

Parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh”: a real image or fiction?

D.F. Gatina-Shafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

golocen@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh” as a historical and ethnographic source. The relevance of studying this type of visual materials lies in the possibility of identifying the transformation of Tatar women's costume. Taking into account the accumulated experience of ethnographic research and the preserved early written and visual materials, the article provides a comparative historical analysis of parsuna. The given piece, according to some estimates, dates back to the 17th–18th centuries. According to the author of the article, it was written no earlier than the beginning of the 19th century. The proposed dating is explained by the absence of characteristic elements of the Tatar woman's costume complex on the depicted Syuyumbike, which were present in drawn works of the earlier period. The image of Syuyumbike is reproduced in a young lady's head-dress, which consists of a cone-shaped hat and a veil, and the woman next to her is wearing a women's multi-piece head-dress. Taking into account the traditions of varying degrees of head coverage in the complexes of different age groups of Tatar women, we can conclude that the age of the depicted figures is clearly identifiable in the parsuna. The standing child, who is considered Utyamysh, taking into account the early traditions of dressing boys in women's clothing, is dressed in a girlish complex, repeating the image of a mother and a married woman. This is not typical of the traditional culture.

In the 1850s edition, a similar piece was published, but “Syuyumbike” was not indicated in the title, which allows us to assume that that image was later included in an already existing image with reproduction of the clothes of young Tatar girls and married women.

Keywords: Syuyumbike, cone-shaped headdress, hat, blanket, women's costume complex, robe-like clothing.

For citation: Gatina-Shafikova D.F. (2024) Parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh”: a real image or fiction? *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 159–173. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173> (In Russ.)

У каждого народа существуют легендарные личности, живущие в памяти и воспеваемые потомками, нередко забываемые, но и «оживающие», обретающие символическое значение. Для татар одной из таких фигур является Сююмбике – правительница Казанского ханства (1549–1551 гг.), дочь ногайского бия Юсуфа, жена казанского хана Джан-Али. К этой исторической личности не раз обращались не только ученые-историки, ею вдохновлялись писатели и художники. Сююмбике, как и другие статусные женщины XVI столетия, изображалась в живописных произведениях мастеров, работавших в XIX–XXI вв. Художники, в силу отсутствия достоверных сведений, прибегали к принципу реконструкции, художественной интерпретации женских образов и их одежды.

Рассмотрим наиболее известное изображение Сююмбике – парсуну неизвестного автора «Сююмбике с сыном Утямышем». Она хранится в фондах Музейного комплекса города Казани (№ МНК КП ОФ–13563). Сотрудники, исходя из описания, данного в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации, датируют указанное произведение искусства первой половиной XVII столетия. Искусствовед Р.Г. Шагеева в одноимённом альбоме «Сююмбике» также соотносит эту работу с XVII–XVIII вв. Она отмечает, что парсуна попала в музейную коллекцию из частного собрания академика А.Н. Каралина, предки которого по отцовской и материнской линии (Каверины и Карауловы) могли быть служилыми татарами (Шагеева, 1997: 15). В иллюстрированном журнале «Нива» от 1882 г. в №6 опубликована копия с этого портрета и указанием на то, что снимок был сделан с картины, представленной в 1877 г. на выставке в Казани во время четвертого археологического съезда (Нива, 1882: 137). Похожее изображение Сююмбике печаталось и ранее. В 1850-х гг. французский писатель-географ А.Л. Жоанн подготовил объёмный труд «Voyage Illustré dans Les Cinq Parties Du Monde» (Joanne, 1850), в котором собраны 663 гравюры. Среди них размещено изображение под №82 «Ancien costume des femmes tartares de Kasan» (Joanne, 1850: 44), которое, судя по подписи – «Древний костюм татарских женщин Казани» (перевод автора), ещё не имело отношения к Сююмбике, а лишь отображало одежды татарок.

H. Valentin. Russie. Ancien costume des femmes tartares de Kasan (Joanne, 1850: 381).

Образ Сююмбике активно воспроизводился в XIX – нач. XX столетиях. Исследователь Л.Р. Габдрафикова объясняет это тем, что «...рубеж XIX–XX вв. – время буржуазных преобразований и модернизации традиционной татарской культуры» (Габдрафикова, 2020: 615). Оно простимулировало активное тиражирование распространенных визуальных образов известных личностей татарского народа. Сююмбике изображалась на живописных копиях (№№ НМ РТ КП-5765, КП-1283), знаменитой работе А. Карнаухова 1913 г. (№ НМ РТ КП-16101) и хромоолитографии (№ НМ РТ КП-8571) – произведениях, хранящихся в фондах Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ). В собрании Государственного исторического музея (ГИМ) представлено изображение, исполненное гуашью (№ ГИМ 32890), и карандашный набросок (№ ГИМ 42949/1167), где Сююмбике представлена в узнаваемом конусообразном головном уборе, а на голове сына лишь покрывало, подвязанное на макушке сзади.

Можно ли считать парсуну неизвестного автора «Сююмбике с сыном Утямышем» полноценным историко-этнографическим источником для изучения раннего костюма высшего сословия татар? В поиске ответа на этот вопрос мы поставили перед собой следующие задачи:

- определить время бытования изображенного на картине костюмного комплекса;
- выявить степень соответствия воспроизведённой на картине татарской женской одежды традиционному женскому, девичьему костюмному комплексу, его возрастным и социальным особенностям;
- датировать время создания произведения.

К анализу привлекаются визуальные источники более раннего времени и имеющиеся историко-этнографические материалы XIX–XX столетий. Необходимость их применения объясняется отсутствием исторических материалов о костюме высшего сословия татар XVI столетия, сохранившихся до настоящего времени. Ранние и более поздние источники позволяют сопоставить изображение костюмного комплекса в парсуне «Сююмбике с сыном Утямышем» и бытовавшей у татар одежды в разные исторические периоды.

Актуальность научного изучения изобразительных материалов выражается в возможности определения трансформации татарского женского костюмного комплекса. Особенностью исследования является объединение разных наук – истории, этнографии, искусствоведения. Метод сравнительно-исторического анализа используется с целью понимания эволюции костюмного комплекса и его отдельных элементов, отображения традиционной одежды в изобразительных источниках и упоминания в письменных материалах разных периодов. Искусствоведческий подход применяется при интерпретации изобразительной работы как художественно-целостного образа и его авторского понимания.

Общая композиция парсуны «Сююмбике с сыном Утямышем» выстраивается вокруг сидящей в центре женщины, маленького ребёнка (слева от неё), ещё одной женской фигуры в профиль (справа, немного в стороне, чуть наклонённой вперёд) и мужчины (сзади).

Наиболее близкий по времени к жизни, изображенной на парсуне исторической персоне Сююмбике, относится такой исторический источник как «Лицевой летописный свод», написанный во второй половине XVI в. по распоряжению царя Иоанна IV, пожелавшего увидеть изложение всемирной истории от сотворения мира до XV в. и русской истории до 1567 г. Свод богато иллюстрирован миниатюрами разных жанров. В книге 21 «1560–1561 гг. от В.Х.» среди листов рукописного текста, на странице, где описывается исторический момент падения Казанского ханства – «царя Казанского Едигер-Магмета взял, и знамена их взял и царство, и город многолюдный Казанский захватил» (Лицевой летописный свод..., 2014: 450), размещена монохромная работа с воспроизведением массового скопления людей, покидающих город. Большой интерес представляет расположенная в нижнем левом углу фигура женщины в рубахе с характерными для знати длинными рукавами, превосходящими размер её собственных рук. Подобного типа рубахи сохранялись у городских зажиточных татарок вплоть до середины XIX в. Примером служит рубаха, представленная в собрании НМ РТ (№ НМ РТ КП-10197/12). В отличие от сужающихся к запястью в описываемом изображении рукавами она имеет широкие по всей длине рукава. В анализируемом изображении поверх рубахи накинута длинная безрукавная накидка, закрепляющаяся на груди. На голове небольшая, декорированная по всему периметру круглая шапочка на мягкой основе, напоминающая волосник или убор по типу *такья*. Будем учитывать замысел миниатюры – показ бегства населения. Поэтому художник не мог изобразить покидающую свой дом женщину в экстремальных условиях при полном парадном облачении. Он представил не весь костюмный комплекс, но понимал его основы.

Следующий изобразительный источник является письменным памятником XVII столетия. Немецкий путешественник А. Олеария по материалам, собранным им в 1636 г. во время работы в голштинском посольстве, написал труд «Ausführliche Beschreibung Der kundbaren...» (Olearius, 1663). А. Олеария лично подготовил часть иллюстраций. Они расположены как по тексту издания, так и выделены отдельными листами. В изображении, подписанном «Казань в татарской стороне» (Олеария, 1906: рис. между с. 368–369), показан город и две женские фигуры. Несмотря на общую схематичность воспроизведения костюмного комплекса, примечательным для исследования является конусообразный головной убор на одной из женщин. Он стал показательным для статусных женских уборов и впоследствии не раз реплицируемый в изображениях. Подробное описание бытования конусообразных каркасных шапок среди женского татарского населения дано в статье «Графическая визуализация...» (Гатина-Шафикова, 2022). Изображение А. Олеария даёт возможность предположить, что традиции ношения каркасных уборов представляют собой устойчивый признак, дошедший по бытованию вплоть до середины XIX столетия. Этот факт подтверждает, как ряд изображений, так и исследования разных авторов. К примеру, М. Невзоров писал, что татарки «...надевают шапки высокие пирамидальные, унизанные разными манерами, Голландскими и другими червонцами, чет-

вертаками, двугривенниками, вызолоченными или простыми, смотря по богатству» (Записки..., 2014: 246). Профессор К.Ф. Фукс в издании 1844 г. отмечал: «Лет 30 назад у татарок был головной убор, похожий на сахарную голову, из шелковой материи, покрытой русскими вызолоченными рублевиками, с кораллом и с жемчугом; вверху этот длинный конус оканчивался вызолоченную пуговкою» (Фукс, 1844: 18). Интересные материалы по головным уборам в качестве подтверждения бытования найдены в статье «Костюм казанских мещан...», в которой автор повествует об особенностях костюмного комплекса русского и татарского мещанства. Он основывается на описях имущества усопших: у М. Рахманкуловой, умершей в 1840-м г. хранилось наверху на шапку в виде серебряной шишки под золотом, обложенной по кругу корольками (Бессонова, 2018: 13).

Другой, не менее известной живописной работой, но уже относящейся к началу XVIII в., является «Татарская женщина» Корнелиса де Бруина. На поясном портрете изображена знатная татарская женщина с очень чёткой прорисовкой каждого элемента одежды – фактуры тканей, каркасного головного убора, декорированного составными деталями по всему периметру тканевого покрывала под ним, налобной повязки *баи хаситасе*, шейно-нагрудного трёхчастного ожерелья и общетюркского шейно-височного украшения по типу *сырга*. В изображенном костюмном комплексе присутствуют элементы, которые не совсем типичны для казанско-татарской традиции, а более характерны для одежды крымских и астраханских татар. В числе них декор рубахи или верхней распашной одежды без запаха с горизонтально нашитыми декоративными полосами оборок, застёгивающейся в центральной части на ряд небольших круглых пуговиц, узких рукавов и накладных манжет. В описании отсутствует информация об этнотерриториальной принадлежности изображенной женщины. Художник и основоположник изучения визуальных источников А.А. Мазанов считал, что на картине отображена казанская татарка (Мазанов, 1982: 65–66). Известный этнограф Р.Г. Мухамедова интерпретировала копию с этой гравюры как «Астраханская татарская женщина» (Мухамедова, 1997: 72). Проблема идентификации рассматривалась нами в специальной статье, в которой мы показали, что воспроизведённый костюмный комплекс не является «абстрактно» татарским. Он принадлежал знатной городской казанской татарке XVIII в. и включал элементы костюма более раннего, возможно, «ханского» времени (Гатина-Шафикова, 2014: 123). Позже, частично сохранившись в народной культуре, он постепенно полностью вышел из бытования и народной памяти.

С 1757 по 1762 гг. живописец и гравёр из Франции – Жан-Батист Лепренс, совершил вояж по территории Российской империи. Позже им была издана серия книг «A Collection of the Dresses of Different Nations...» (Jefferys, 1757–1772), посвящённая истории костюма. В третьем томе среди гравюр присутствует цветное изображение, в котором, судя по подписи, воспроизводится образ казанской татарки (№ 22, “Habit of a Tartarian woman in Kazan subject to Russia in 1768” / «Одеяние казанской татарки», 1768).

Нетипичным в изображении, как и для более ранних, так и последующих, стал каркасный головной убор, вернее его наклон. Такая традиция ношения была характерна для европейского костюмного комплекса, в котором подобные уборы именовались *ату́р*, *геннин*, *эннин*, *эннен*. Они были в ходу у женщин высших сословий в позднем средневековье. Присущий для татар, проживающих в Волго-Уральском регионе, декор монетами воспроизведён в анализируемой работе в виде нашитых круглых блях, как на самой шапке, так и на прикреплённом к ней тканевым наоснике. В связи с тем, что изображённая женщина стоит в полупрофиль, нагрудные украшения на ее головном уборе не видны, кроме небольшой части шейного ожерелья и крестообразных серёжек, напоминающих по форме бляху, воспроизведённую на головной повязке в работе Корнелиса де Бруина. Верхняя одежда показана с длинными широкими рукавами, сужающимися к манжете, и поясом, перекрученным вокруг талии в несколько оборотов.

Модернизация и преобразования Петра I и Екатерины II привнесли существенные изменения в исследования народов Российской империи. Открытая в 1724 г. Академия наук в Санкт-Петербурге и целая плеяда приглашённых ученых, а также экспедиционные выезды в отдалённые уголки страны, привели к новым этнографическим открытиям. Начали свое развитие гуманитарные дисциплины, в том числе история. Это было время, когда закладывался фундамент этнографической науки: накапливались вещественные и письменные памятники (Жабрева, 2006: 270). Народоизучение в XVIII в. становится системным, появляется инструментарий и научная школа.

Одними из наиболее известных и часто тиражируемых впоследствии изображений, относящихся к этому времени, стали две литографии из второго переработанного издания на русском языке немецкого учёного И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...» (Георги, 1799) – «Татарка казанская спереди» и «Татарка казанская сзади». Однако, у ряда исследователей возникли сомнения относительно их авторства. К примеру, А.А. Мазанов считал, что работы впервые были выполнены Г.Ф. Миллером (Мазанов, 1982: 67), и опубликованы в «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...» (Миллер, 1791) с указанием в тексте, что «на прочих же рисунках под № 6, 7 и 8, изображено с платья Кунгурских и Уфимских Татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами, и с оного я приказал снять рисунки» (Миллер, 1791: 15–16). Е.Е. Нечвалода, придерживается того же мнения, придя к выводу, что изображения в издании И.Г. Георги воспроизведены в «отредактированном» художниками виде и их нельзя использовать в качестве историко-этнографического источника при исследовании традиционного костюма (Нечвалода, 2023: 566).

Проводя сравнительный анализ, мы видим, что воспроизведённые костюмы действительно схожи, кроме использованного цвета (или его отсутствия) и обуви (у одного автора были представлены лапти, у другого – кожаная обувь).

Однако, в отличие от закрытых головных уборов, воспроизведённых у И.Г. Георги, в изображениях под № 7 и 8 (вид спереди/сзади) у Г.Ф. Миллера показан убор с открытым верхом на мягкой основе и нашитыми монетами наподобие *кашпау* у мишарей. Схожий головной убор был зафиксирован во время экспедиции к татарам-мишарям Окско-Сурского междуречья в середине XX в. (Суслова, Мухамедова, 2000: 166–167). В гравюре под №6 практически не наблюдаются отличия от поздней перерисовки, где воспроизведена невысокая конусообразная шапка с вытянутыми металлическими накладками по тулье и круглыми по нижнему краю.

Кроме рисованных изображений по тексту необходимо учитывать подписи к ним, которые делали исследователи. И.Г. Георги, учитывая большую географию расселения татар, в своей работе объединял под общим термином «татары» казанских и оренбургских татар, которых иногда именовал и уфимскими (Георги, 1799: 8). Подписывая изображения, как «татарка казанская», он в тексте одновременно использовал словосочетание «оренбургские татарки», не выделяя разницу, которую подчеркнул Миллер, описывая кунгурских и уфимских татарок. У И.Г. Георги появляется выделение женского головного убора, «у которого бывают обыкновенно великие ушки, а верх чешуйчато услан монетами. От шапки висит затылочное украшение, шириною в ладонь, во всём Черемискому подобен, до самых икр. Лоб покрыт решетчато низанным жемчугом. Когда она бывает в полном наряде, то надевает на оную шапку ещё и другую совсем плоскую с околышем из мягкой рухляди» (Георги, 1799: 13) и девичьего – «девки носят вместо бабьей шапки головную повязку, подобную сквозному венцу, и покрытую монетами, бисером и корольками» (Георги, 1799: 13). Оба головных убора были представлены художником в более ранней публикации (вид спереди/сзади). Таким образом, Г.Ф. Миллер впервые зафиксировал возрастные особенности головных уборов у татар, которые позднее описал И.Г. Георги.

Относительно воспроизведённой натальной одежды у Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги, то в работах обоих авторов нижняя рубаша полностью закрыта халатообразной верхней одеждой с длинными заууженными к низу рукавами и поясом. Верхний разрез рубахи прикрыт нагрудником с нашитыми монетами, а справа в грудной части приколоты ювелирная бляха в виде солнечного диска со стилизованными расходящимися лучами. Через левое плечо под правую руку перекинута перевязь, украшенная декоративными элементами. Это отмечал и И.Г. Георги: «По большей части носят они с плеча наискось пущенную перевязь, усыпанную корольками, или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами» (Георги, 1799: 13).

С начала XIX столетия всё больше профессиональных художников начинают уделять внимание татарскому костюмному комплексу. Уже к концу века количество художественных работ исчисляется десятками. В 1808 г. живописцем-пейзажистом А.Е. Мартыновым была подготовлена серия из 39 листов гравюр «Типы народов России и Монголии», среди которых представлены изоб-

ражения «Женщина Казанских татар» и «Девушка Казанских татар» (в профиль/анфас). В собрании ГИМ сохранились отпечатанные черно-белые (№№ ГИМ 58733/21, ГИМ 58733/22; ГИМ 58733/23) и цветные (№№ ГИМ 55709/34113; ГИМ 55709/34111; ГИМ 55709/34112) гравюры.

Особенностью произведений является то, что в них впервые показаны характерные черты в строении и многочастности элементов женских головных уборов, которые можно соотнести с парсуной «Сююмбике с сыном Утямышем». К примеру, если обратить внимание на убор воспроизведённый А.Е. Мартыновым в гравюре «Женщина Казанских татар», то не раз показанная конусообразная форма нижнего головного убора здесь только угадывается, она полностью скрыта за несколькими тканевыми покрывалами и платками. Следовательно, автор подчеркивает многослойность женского костюмного комплекса, где под накидкой на подобии казанско-татарского женского покрывала *өрпек* с характерным подворачиванием под подбородок и виднеющимся декоративным краем поверх верхней одежды надет небольшой конусообразный убор, возможно, на твердой основе для сохранения формы. Платок венчает убранство головы. Изображенный полумесяц на лбу может представлять собой частично прорисованное налобное украшение *баи хаситәсе*. Возвращаясь к парсуне «Сююмбике с сыном Утямышем» отметим, что образ в гравюре «Женщина Казанских татар» повторяется с помощью головного убора, но не в центральной фигуре замужней Сююмбике, а во второстепенном женском персонаже, находящемся рядом.

Художник А.Е. Мартынов в работах, подписанных как «Девушка Казанских татар», отобразил девичий костюмный комплекс в нескольких ракурсах. Если в гравюре «Женщина Казанских татар» основа головного убора скрыта, то на в данных изображениях во всех подробностях показана высокая конусообразная шапка по образу *такыя бурека*, украшенная в нижней части рядами крупных блях, с вертикальным и горизонтальным декором в верхней части убора и венчающей маленькой шишечкой. Под убором нарисовано большое покрывало, практически полностью скрывающее фигуру, и, возможно, с двух сторон убора крепящееся в височной части и под подбородком украшение из монет. Складывается впечатление, что именно девичий комплекс и стал прообразом для Сююмбике, так как в парсуне центральная женская фигура воспроизводится в подобной же каркасной шапке и покрывалом под ней.

Остальные элементы одежды и украшения как в женском, так и в девичьем варианте на гравюрах А.Е. Мартынова практически одинаковы, за исключением небольших деталей. В обоих образах рубахи полностью скрыты, кроме длинных рукавов, которые нарочито выпущены из-под верхней халатообразной одежды без запаха по типу *жилән*. Рубахи сшиты из разных тканей и чуть отличаются друг от друга по декору. В женском образе в нагрудной части виднеется одно из наиболее узнаваемых нагрудных украшений казанских татарок XIX в. – перевязь *хаситә* на тканевой основе с ювелирными накладками и подвесками. На ногах у женщины изображены туфли.

Примерно в этот же период работал ещё один художник и воспитанник Академии художеств Е.М. Корнеев. Объехав в 1803 г. Казанскую и Саратовскую губернии, он выполнил множество зарисовок с натуры. В них изображены обряды, праздники, игры, народные костюмы. В 1804 г. художник преподнес царю «эскизы видов и костюмов» (Гончарова, 1987: 24–28). Эти и другие работы были изданы Карлом Рехбергом в альбоме с гравюрами по его рисункам (Rechberg, 1812–1813). Часть работ публиковалась отдельными листами.

В исследовании для нас наиболее примечательны два офорта с изображениями Е.М. Корнеева. Первый представлен в собрании НМ РТ и называется «Татарка Казанская. Из серии «Народы России» (№ НМРТ КП-5945). В подписи к изображению отсутствует указание возраста женщины, автор прописывает лишь принадлежность к татарскому народу. Отображённый костюмный комплекс соотносится с работой А.Е. Мартынова «Женщина Казанских татар», художники скорее всего зарисовывали одну и ту же модель. Комплекс практически полностью повторён, за исключением некоторых деталей и авторского воспроизведения.

Особенностью второй работы «Ристалище казанских татар» / “La Couzse des Cheraux des Tartares de Cazan”, один из вариантов которой хранится в Государственном музее-заповеднике «Павловск» (№ ПМ КП-41608), является подача. Художник впервые представил не статичные фигуры, а через общее действие, объединив их композиционно. По женским образам представлены три группы. На заднем плане, в верхних левом и правом углах схематично показаны женские силуэты. На женщинах конусообразные шапки, на которых снизу размещены большие покрывала, закрывающие большую часть тела. На переднем плане, в нижнем левом углу в кибитке расположены ещё два женских образа: изображённая в профиль сидит в многочастном уборе с полным сокрытием нижней шапки покрывалами, а вторая, стоящая спиной – в конусообразном. Художник воспроизвёл вид со спины, что даёт возможность увидеть детали убора, а именно каркасную шапку с меховой опушкой по очелью и прикрепленным к ней тканевым накосником, декорированным лентами, бахромой и монетами. Под убором запечатлено большое полосатое покрывало, закрывающее плечи и руки.

Мы не можем точно определить, кто из указанных художников первым воспроизвёл, а кто повторил костюмный комплекс, тем более что одежда на женщинах очень схожа. Однако, исходя из работ А.Е. Мартынова, который указал в подписях возрастную дифференциацию костюмного комплекса, можно предположить, что и А.Е. Корнеев изобразил разновозрастных женщин.

Позже художники не изображали высокий каркасный головной убор, надетый поверх покрывала. В книге Дж. Кохрейна (Cochrane, 1824: фронтиспис) размещены рисованные образы татарской девочки и женщины. В женском образе, как и в изображениях А.Е. Мартынова и Е.М. Корнеева, воссоздан многочастный головной убор. В собрании ГИМ сохранились работы, выполненные Ф.Б. Залесским во время его службы в Оренбургской губернии в 1848–1856 гг.

Особый интерес представляет его карандашный набросок (№ ГИМ 63113/7). Художник, в отличие от других собственных зарисовок, никак не конкретизировал в подписи, кого он изобразил, лишь кратко прописав «XI canton». Сотрудники ГИМ, исходя из катонной системы управления в 1798–1865 г. на территории Башкортостана, подписали рисунок, как «башкирка». Они не учли тот факт, что работа создана в период с 1804 г. до 1855 г., когда в территорию XI башкирского кантона, входили Мензелинский уезд Оренбургской губернии, Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии, т.е. местность, где коренным населением было татары, а не башкиры. В одежде женщины отчётливо просматриваются казанско-татарские традиции. В пользу этого свидетельствует не раз воспроизведённый художниками начала XIX в. многочастный головной убор татарской женщины, конусообразной шапки скрытой разного размера покрывалами. Это не было характерно для женского башкирского костюмного комплекса. Данные факты дают нам возможность считать анализируемое изображение ещё одним визуальным источником середины XIX в. по костюму казанских татар.

Исходя из изученных материалов XVI – сер. XIX в. письменного и визуального характера, в которых в той или иной степени отражался, как костюмный комплекс, соотносящийся с периодом жизни Сююмбике, так и элементы, характеризующие более поздним временем, но воспроизведённые в парсуне, можно сделать следующие выводы.

Парсуна была нарисована не ранее начала XIX столетия, так как ни одно изображение, выполненное до нее, как в элементах, так и во всём костюмном комплексе (за исключением конусообразной формы каркасного головного убора) не соотносится с образами, воспроизведёнными в этом художественном произведении. Несмотря на сохранившиеся в рубахах XIX в. татарок широкие рукава, достигавшие в длину практически края рубахи, во всех ранних работах ширина рукава была достаточно узкая, сужающаяся к манжете. В летописном своде XVI в. на изображенной татарке присутствовал безрукавный плащ, который позднее нигде не фиксировался, он отсутствует и на парсуне. Отсутствие ранних головных и височных украшений, воспроизведенных в изображениях XVIII в. – налобной повязки *баш хаситәсе*, шейно-височного украшения по типу *сырга* – доказывает, что в парсуне изображены более поздние костюмы.

У татар существовала традиция разной степени сокрытия головы в разновозрастных группах: в отличие от девичьих, женские головные уборы были призваны закрыть не только голову, но и шею, плечи, спину (Суслова, Мухамедова, 2000: 136). В парсуне также четко прослеживается возрастная дифференциация. Так, женский образ, воспринимаемый современным обывателем, как Сююмбике, воспроизводится в девичьем головном уборе, состоящем из конусообразной шапки и покрывала. Стоящая рядом с ней женщина одета в женский костюм с обилием элементов, состоящих из разных покрывал и шапки. Возрастная специфика хорошо конкретизирована художником А.Е. Мартыновым, не только зарисовавшего комплексы, но и подписавшего их. Она подтвер-

ждалась и другими мастерами. Необходимо учитывать и тот факт, что изображенный ребёнок, которого считают Утямышем, с учётом ранних традиций одевания мальчиков в женскую одежду облачён в девичий комплекс, практически полностью копирующий центральную фигуру «Сююмбике» – замужней женщины и матери. Это не является характерным для традиционной культуры, в которой всегда очень чётко прослеживается возрастная дифференциация.

Для парсуны «Сююмбике с сыном Утямышем» наиболее достоверной и подходящей является подпись, опубликованная во французском издании 1850-х гг. «Voyage Illustre dans Les Cinq Party Du Monde» – «Ancien costume des femmes tartares de Kasan» («Древний костюм казанских татарок»). В XIX в. традиция ношения конусообразных головных уборов изживала себя, однако память о них сохранялась (Фукс, 1844: 18). Они в художественных произведениях отражали ушедший элемент общего костюмного комплекса. Ставший популярным в XIX в. образ Сююмбике очень хорошо вписался в парсуну, на которой воспроизведены одежды молодых девушек и замужней женщины.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 21. 1551–1553 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2014.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как-то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791.

Нива. Годъ XIII. №1–26. Спб.: Типография и Литография А. Траншеля, 1882.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1906.

Jefferys T. A Collection of the Dresses of Different Nations, ancient and modern. Particularly Old English Dresses. Vol. 1–4. London, 1757–1772.

Joanne A.L. Voyage illustré dans les cinq parties du monde en 1846, 1847, 1848, 1849. Aux Bureaux de l'illustration, 1850.

Cochrane J.D. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka. London: Printed for Charles Knight, 1824. Vols. I, II.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова Т.В. Костюм казанских мещан первой половины XIX века: знак и образ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 9–15.

Габдрафикова Л.Р. Образ Сююмбике в татарской культуре начала XX века // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 613–623. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623>

Гатина-Шафикова Д.Ф. «Татарская женщина» Корнелиса де Бруина как историко-этнографический источник. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, 2014. №1. С. 121–124.

Гатина-Шафикова Д.Ф. Графическая визуализация конусообразного головного убора татарок в XVIII–XIX вв. (историко-этнографический анализ) // Кунсткамера. 2022. №2 (16). С. 143–153. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2\(16\)-143-153](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2(16)-143-153)

Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: «Искусство», 1987.

Жабрева А. Э. Изображения костюмов народов России в иностранных изданиях XVIII – начала XIX века // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ; Сост. Н.К. Леликова. СПб., 2006. Вып. 10. С. 270–276.

Записки путешественников о Казани и Казанском крае. Ч. II. Описание Казанской губернии и живущих в ней народов путешественниками начала XIX века. Казань: ИСБ, 2014.

Мазанов А.А. Одежда татар XVI–XVII вв. (по старинным рисункам гравюр) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 62–73.

Мухамедова Р.Г. Татарская народная одежда. Казань: Татарское книжное издательство, 1997.

Нечвалода Е.Е. Визуальные образы представительниц народов волго-уральского региона, созданные на основе графических материалов великой северной экспедиции, в иллюстрациях изданий XVIII в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Том 17, № 4. С. 562–574. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574>

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начала XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000.

Сююмбике = Сөембикә [альбом] / Р.Г. Шагеева. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017.

Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Университетская типография, 1844.

Joanne A.L. Voyage illustré dans les cinq parties du monde en // L'illustration, Journal Universel. №381. Vol. XV. SAMEDI 15 JUIN 1850. P. 389–381.

Olearius A. Ausführliche Beschreibung Der kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien, So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen. Holwein, Schließwig, 1663.

Rechberg C. de Les Peuples de la Russie, ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie. Vol. 1-2. Paris: D. Colas, 1812–1813.

REFERENCES

- Bessonova T.V. (2018) Costume of Kazan townspeople of the first half of the 19th century: sign and image. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobac hevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod University]. No. 1: 9–15. (In Russ.)
- Fuchs K.F. (1844) *Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms*. Kazan: University Printing House. (In Russ.)
- Gabdrāfikova L.R. (2020) The image of Syuyumbike in the Tatar culture of the early twentieth century. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review]. Vol. 8, No. 3: 613–623. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623> (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2014) “Tatar Woman” by Cornelis de Bruin as a historical and ethnographic source. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. Kazan, No. 1: 121–124. (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2022) Graphic visualization of the cone-shaped head-dress of Tatar women in the 18th–19th centuries (historical and ethnographic analysis). *Kunstkamera* [Kunstkamera]. No. 2 (16): 143–153. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2\(16\)-143-153](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2(16)-143-153) (In Russ.)
- Goncharova N.N. (1987) *E.M. Korneev. From the history of Russian graphics of the early 19th century*. Moscow: Art Publ. (In Russ.)
- Joanne A.L. (1850) Voyage illustré dans les cinq parties du monde en. *L'illustration, Journal Universel* [Illustration, Universel Magazine]. No 381. Vol. XV. SAMEDI 15 JUIN: 389–381. (In French)
- Mazanov A.A. (1982) Clothing of the Tatars of the 16th–17th centuries (based on ancient engraving drawings). *Novoye v arkheologii i etnografii Tatarii* [New in the archeology and ethnography of Tataria]. Kazan: 62–73. (In Russ.)
- Mukhamedova R.G. (1997) *Tatar folk clothing*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Nechvaloda E.E. (2023) Visual images of representatives of the peoples of the Volga-Ural Region, created on the basis of graphic materials of the Great Northern Expedition, in illustrations from publications of the 18th century. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2023. Vol. 17, No. 4: 562–574. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574> (In Russ.)
- Notes from travelers about Kazan and the Kazan Region. Part II. Description of the Kazan Province and the peoples living in it by travelers of the early 19th century*. (2014). Kazan: HMB Publ. (In Russ.)
- Olearius A. (1663) *Ausführliche Beschreibung Der kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien, So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen*. Holwein, Schließwig. (In Germ.)
- Rechberg C. (1812–1813) *de Les Peuples de la Russie, ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie*. Vol. 1-2. Paris: D. Colas. (In French)
- Suslova S.V., Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga Region and the Urals (mid. 19th – early 20th centuries)*. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fen Publ. (In Russ.)
- Syuyumbike: [album]* (2017). R.G. Shageeva. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Zhabreva A.E. (2006) Images of costumes of the peoples of Russia in foreign publications of the 18th – early 19th centuries. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and bibliographic studies: collection of scientific works]. RNL; Comp. N.K. Lelikova. St. Petersburg, Issue. 10: 270–276. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

About the author: Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 2.02.2024

Принята к публикации / Accepted 1.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.174-183>

Информативные возможности аудиовизуальных источников при изучении истории и культуры татарского народа

А.Т. Галимзянова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alisabitva@mail.ru*

Резюме. Кино является ценнейшим источником при изучении общественно-политических, социально-культурных процессов. Этим объясняется популярность использования кинодокументов в научно-исследовательской деятельности ученых, в том числе историков. В статье дается краткий обзор содержания фильмов казанских киноработников с акцентом на киноленты, посвященные юбилейным датам Татарской АССР. Автор выявляет основные идеи, которые продвигали создатели фильмов и как они менялись со временем. Подчеркивается присутствующая во всех фильмах пропагандистско-агитационная задача, которая в условиях национального региона всегда сопровождалась демонстрацией исторической и этнокультурной специфики региона. Основываясь в научно-исследовательской деятельности на принципах историзма, объективности, комплексности, а также используя герменевтический метод при интерпретации аудиовизуальных источников, сделан вывод о том, что материалы кинохроники могут служить информативным источником материалом по культурной, экономической и политической жизни республики в советское время.

Ключевые слова: документальное кино, аудиовизуальный источник, Татарская АССР, Казанская студия кинохроники.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. Информативные возможности аудиовизуальных источников при изучении истории и культуры татарского народа. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 174–183. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.174-183>

Informative opportunities of audiovisual sources in exploration of the history and culture of the Tatar people

A.T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alisabitva@mail.ru*

Abstract. Cinema is the most valuable source in the study of socio-political and socio-cultural processes. This explains the popularity of using film documents in the research activities of scholars, including historians. The article provides a brief overview of the content of films made by Kazan filmmakers with an emphasis on films dedicated to the anniversaries of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. The author identifies the main ideas promoted by the creators of the film

and shows how they changed over time. The propaganda and agitation task, which is present in all films, is emphasized; in the conditions of a national region it was always accompanied by a demonstration of the historical and ethnocultural specifics of the region. Establishing the research activity on the principles of historicism, objectivity, complexity, as well as using the hermeneutic method when interpreting audiovisual sources, it was concluded that newsreel materials can serve as informative source material on the cultural, economic and political life of the republic in the Soviet times.

Keywords: documentary film, audiovisual source, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Kazan newsreel studio.

For citation: Galimzyanova A.T. (2024) Informative opportunities of audiovisual sources in exploration of the history and culture of the Tatar people. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 174–183. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.174-183> (In Russ.)

Технологический прогресс XX в. расширил источниковую базу исследователей аудиовизуальными материалами. Мы рассмотрим информативные возможности документального кинематографа советского периода в отражении культурно-исторических процессов в Татарской АССР.

Кинематограф вошел в повседневную жизнь общества после показа в декабре 1895 г. кинокартины «Прибытие поезда на вокзал Ла Сьота». Уже в мае 1896 г. братьями Люмьер были сняты первые в российской империи фильмы. Два года спустя, 18 апреля 1898 г. первая съемка была проведена и на территории Казанской губернии. На кадрах кинохроники запечатлен выход местных актеров из театра после репетиции. Следующий фильм в Казанской губернии был снят лишь в октябре 1909 г. На нем можно увидеть смотр войск Казанского гарнизона в честь именин Алексея Николаевича Романова (Алексеева, 2007: 108).

С началом Первой мировой войны, а потом и Гражданской, киносъемки были остановлены. Новый подъем в развитии регионального кинопроизводства произошел после установления советской власти, которая уделяла особое внимание кинохронике, как главному средству пропаганды.

Советское государство акцентировало внимание не только на развитии и популяризации кинопроизводства, но и на сохранении аудиовизуальных материалов. Благодаря Декрету 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» начался централизованный сбор и хранение документов Единым государственным архивным фондом (ЕГАФ). В 1926 г. появилась возможность организации Центрального кинофотоархива РСФСР, который в 1934 г. вместе с Центральным архивом звуковых записей был реорганизован в Центральный фонофотокиноархив СССР. Сегодня это Российский государственный архив кинофотодокументов, расположенный в г. Красногорск.

Несмотря на то, что в Казани существовали собственные кино-, телестудии и множество любительских киностудий, среди которых известная во всем мире студия светомузыки студенческого конструкторского бюро «Прометей» Казан-

ского авиационного института, понимание необходимости комплектования собственного регионального кинофонда пришло очень поздно. Центральный государственный архив аудиовизуальных документов Республики Татарстан был организован лишь в 2000 г. В настоящее время он входит в состав Государственного архива Республики Татарстан, а исследователи имеют возможность ознакомиться с оцифрованными материалами через интернет-портал net-film (Горохов, 2008: 20).

Кино является ценнейшим источником при изучении общественно-политических, социально-культурных процессов. Этим объясняется популярность использования кинодокументов в научно-исследовательской работе ученых, в том числе историков. В то же время мы можем заметить, что большая часть современных научных трудов посвящена методологии работы с художественными кинолентами, нежели с документальными (Беляков, 2019; Звонарева, 2019; Листов, 1974; Трофимов, 2011). Возможно это связано с особенностями разграничения доли постановочных сюжетов в неигровом кинематографе, которая служит основным критерием оценивания объективности изображения и интерпретации кинематографической реальности.

В данном исследовании осуществляется анализ содержания документальных фильмов, прежде всего посвященных юбилеям Татарской республики. Подобный выбор темы кинолент обусловлен наличием во всех сюжетах фильмов краткого экскурса в историю татарского народа и перехода к современности.

Первая документальная кинолента о ТАССР вышла в марте 1930 г. Она была посвящена 10-летию юбилею республики. Черно-белый, немой фильм под названием «Татарстан (Страна четырех рек)» начинается с кадра, на котором стоят двое крестьян: один из них держит плуг, запряженный в лошадь, второй, приставив руку ко лбу, вглядывается в даль¹. Второй кадр – текстовый, на нем приведены слова И.В. Сталина: «...Царизм намеренно заселял лучшие уголки страны колонизаторскими элементами для того, чтобы ОТТЕСНИТЬ ТУЗЕМЦЕВ В ХУДШИЕ РАЙОНЫ И УСИЛИТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ РОЗНЬ»². Далее идет изображение карты республики и после надписи: «Татарстан расположен в БОГАТЕЙШЕМ речном бассейне», – перед зрителями предстают лес и реки, рыбацкие сети, сплав бревен, бурлаки, тянущие баржу. Водные артерии республики (Волга, Кама, Вятка, Белая) изображаются одинаково, авторы монотонно показывают пейзажи и людей. После фразы: «Все это принадлежало не ТАТАРСКОЙ БЕДНОТЕ, а монастырям, помещикам, промышленникам», – перед зрителями предстает кадр, на заднем плане которого виден казанский Кремль, а на переднем – Храм-памятник воинам, павшим при взятии Казани в 1552 г. На последнем авторы кинокартины делают особый акцент. Отдельным кадром следует текст: «Памятник ПОКОРЕНИЯ КАЗАНИ». Затем –

---

¹ Татарстан (Страна четырех рек). URL: <https://www.net-film.ru/film-58515/?search=tt1001%7C78%7C22ft1%7C5%7C7%7C8%7C9qСтрана%20четырёх%20рек> (дата обращения: 16.02.2024).

² Здесь и далее выделено в соответствии с киноисточником.

крупный план строения, вход в него с надписью: «Въ память побѣды надъ Татарами 1852»³. Вид на казанский Кремль дается через решетку.

Несмотря на постановочность сюжетов киноленты, фильм ценен с историкографической точки зрения. Захват Казанского ханства предстает как страшная картина из прошлого татарского народа, а формулировки: «От богатых рек, лесов, лугов и плодородных земель основная масса татар была ОТТЕСНЕНА в засушливые бесплодные места», – еще не признавались как антисоветские, искажающие «социально-экономическое содержание прогрессивности присоединения народностей Среднего Поволжья к русскому государству» (Галимзянова, Галлямова, 2023: 213). С исторической точки зрения этот фильм ценен редкими кадрами старой Казани, в том числе деревянных построек Старо-Татарской слободы.

Вместе с тем, фильм «Татарстан (Страна четырех рек)» не произвел должного впечатления на жителей республики. Он создавался работниками «Совкино» и «Востоккино», кинематографисты Казани участвовали в нем лишь в качестве ассистентов (Галимзянова, 2020: 30). Вероятно, этот факт и стал причиной негативных отзывов на киноленту. Перед зрителями не предстала современная Татария с ее научной, культурной и производственной мощью; они не увидели фабрики, заводы, учебные заведения, достижения культуры и искусства (Алексеев, 1974: 39–40). Именно по этой причине было принято решение переснять юбилейный фильм о республике. Кинолента «Десятилетний юбилей Татарии», над которой работали режиссер К.Х. Поздняков и оператор К.Ф. Мотков, была сдана в Госкино в июне 1930 г. Допуск фильма на всесоюзный экран говорит о том, что он получился успешным. Это был первый документальный фильм, созданный на базе вновь образованного Татарского отделения «Востоккино». С этого времени можно начинать отсчет истории документального кино в ТАССР.

Вместе с указанными документальными фильмами о Татарской АССР стоит отметить звуковой фильм «Орденосная Татария», выпущенный в 1939 г.⁴ Кинокартина посвящена выборам в местные советы, поэтому она демонстрирует «огромные достижения» с которыми их встречает советская Казань.

Зритель видит оживленные улицы и дороги Казани, ее учебные заведения (Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, ул. К. Маркса, д. 65; Институт инженеров коммунального строительства, ул. К. Маркса, д. 70; Казанский государственный университет), промышленность (Казанский меховой комбинат, Казанский завод искусственной кожи, Теплоэлектроцентр им. Сталина), городскую архитектуру (общежитие студентов Авиационного института, новые жилые дома). Видео сопровождают слова диктора: «Облик грязного

³ Так в кадре.

⁴ Орденосная Татария. URL: <https://www.net-film.ru/film-58668/?search=v1tt1001%7C78%7C22%7C78%7C1001ft1%7C5%7C7%7C8%7C9%7C1%7C8%7C5%7C9qДесятилетний%20юбилей%20Татарии> (дата обращения: 16.02.2024).

купеческого города изменили широкие асфальтированные улицы, новые прекрасные здания».

В предвыборные дни усиливалась пропагандистско-агитационная работа представителей коммунистической партии каждой организации. На киноленте запечатлена беседа агитатора Ибрагима Гиреевича Сафина с домохозяйками на тему «Татария в 3-й Сталинской Пятилетке». Собрание было организовано в квартире главного энергетика Завода синтетического каучука (СК-4) Гельфанда. Можно увидеть не только скромную одежду женщин и детей, но и интерьер квартиры: стол, накрытый скатертью, фортепиано, люстру, белые занавески, в углу комнаты на высокой подставке с ножками – небольшая пальма, которую ни раз передвигали, чтобы захватить ее в кадр. Отдельным крупным планом зрители могут увидеть наполненный посудой буфет, диван с подлокотниками-валиками и высокой спинкой с полками и зеркалом по центру, над диваном висит большой портрет И.В. Сталина в деревянной раме. Так авторы фильма демонстрируют благополучие и достаток, в котором живет современный советский гражданин. Однако такое благосостояние было доступно лишь партийной и руководящей элите, положение рядового труженика зачастую было бедственным.

Отдельное внимание уделяется развитию села. Зрителям демонстрируют современную сельскохозяйственную технику, детские сады и школы для детей колхозников, рассказывают о процессе электрификации. Можно увидеть работу агитпункта в колхозе «Ударник» Чистопольского района: «Здесь всегда оживленно. Избиратель всегда может получить ответ на интересующие вопросы о выборах, ознакомиться с биографиями кандидатов сталинского блока, коммунистов и беспартийных». Фильм заканчивается фразой: «В колхозах Татарии деятельно готовятся к выборам в местные Советы».

Описанный фильм не является юбилейным, но также в пафосно-бравурном стиле рассказывает об успехах советской Татарии. Его авторы особо подчеркивают положительные изменения в жизни простых рабочих, которые трудятся во имя процветания республики.

В 1940 г. вышел фильм «Советской Татарии 20 лет»⁵, снятый казанскими киноработниками в качестве «экстренного выпуска» для «Межреспубликанского киножурнала» (№ 20 от 26 июня). В ней запечатлены уникальные кадры празднования Дня республики.

В ознаменование успешной этнонациональной политики советского государства, провозглашающей равенство и братство всех народов, по улицам Казани в тесном сплетении рук проходят одетые в национальные костюмы участники демонстрации. Они поют песни, кружатся в танцах и таким образом выражают радость по поводу новой счастливой жизни. Среди наблюдающей пуб-

---

⁵ Межреспубликанский киножурнал № 20 Советской Татарии 20 лет (1940). URL: <https://www.net-film.ru/film-57856/?search=v1q30%20лет%20Советской%20Татарии> (дата обращения: 16.02.2024).

лики есть представители союзных республик, возможно специально приглашенные на торжество.

На экране появляется надпись: «Более 125.000 демонстрантов прошли через площадь Свободы, славя большевистскую партию, родного и любимого СТАЛИНА». Далее звучит «Песня о Сталине» Михаила Исаковского:

Шумят плодородные степи,
Текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
Над нашим счастливым жильём.
Споём же, товарищи, песню
О самом большом человеке,
О самом родном и любимом, –
О Сталине песню споём [...].

Под эту песню участники несут транспаранты, портреты высших партийных руководителей. Портреты В.И. Ленина и Г.К. Орджоникидзе идут перед изображением И.В. Сталина. Кинозрителям показывают шествие представителей казанских вузов, спортивных обществ «Динамо», «Буревестник», «ДОСА-АФ». Согласно словам из фильма, всего на митинге участвовало 10 тысяч физкультурников. Молодежь дружным маршем шагает под «Физкультурную песню»:

Боевые песни громче запевайте!
Знамёна физкультурные выше поднимайте!
Боевые песни громче запоём!
Славу нашей Родины над миром пронесём!
Молодёжь рабочая, молодёжь колхозная,
Юность физкультурная радостью цветёт!
Сталину великому песня молодёжная
Звонким переливом свой привет несёт!

Можно заметить, что сценарий праздника тщательно разрабатывался с целью пропаганды и популяризации политики советского государства, которое, согласно организаторам торжества, ориентировано на построение нового общества с высоким социально-экономическим, культурным уровнем жизни.

Следующий фильм, посвященный Татарии, был снят в 1957 г.⁶ Он рассказывает о достижениях республики за последнее десятилетие в производстве, сельском хозяйстве, науке и культуре. Примечательно, что в этой киноленте звучат татарские мелодии, а фильм заканчивается песней о Казани на татарском языке.

Более подробно стоит остановиться на фильме «Татария, год 1970» (Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФ). № 21120. Ч. 1–

---

⁶ Советская Татария (1957). URL: <https://www.net-film.ru/film-58517/?search=tt1001%7C78%7C22ft1%7C5%7C7%7C8%7C9q30%20лет%20Советской%20Татарии> (дата обращения: 16.02.2024).

4). Это был первый документальный фильм о республике, работа над которой велась сотрудниками Казанской студии кинохроники (КСК).

КСК было образовано в 1961 г. В зону обслуживания казанских киноработников входили четыре автономные республики: Татарская, Чувашская, Марийская и Мордовская. В отдаленных республиках находились корреспондентские пункты (корпункты) со своими кинооператорами. Киностудия занималась съемками хроники для киножурнала «На Волге широкой», а также хроникально-документальных, научно-популярных и технико-пропагандистских фильмов (Галимзянова, 2021: 65).

Над фильмом «Татария, год 1970» работали режиссер Д.А. Дальский, операторы Л.А. Мирзоев и А.С. Стремяков. Эта кинолента наиболее полно отражает политическую, экономическую и культурную жизнь Татарской АССР.

Фильм состоит из пяти частей и начинается с рассказа о роли В.И. Ленина в образовании советского государства в целом и ТАССР в частности. Сюжет киноленты неоднократно возвращает к истории татарского народа, прежде всего для того, чтобы выигрышно показать современность на фоне «темного» до-революционного прошлого. Особый акцент режиссер кинокартины делает на отражении сплоченности двух братских народов: татарского и русского. Так, например, фотографии Казани 1920-х гг. сопровождаются словами: «И в дни революции, и в годы Гражданской войны рядом с русскими шли крестьяне и рабочие-татары. Они боролись против белогвардейцев, татарских националистов, белочехов и других врагов советской власти...». В кадре, в котором у вечного огня стоят участники Великой Отечественной войны Б. Юсупов и А. Шаповалов, звучит фраза: «У обелиска двое: татарин и русский – братья по духу, товарищи по оружию».

Большое место занимает освещение экономических достижений республики. В фильме представлены промышленные гиганты: Казанские заводы органического синтеза, синтетического каучука, Нижнекамский нефтехимический комбинат, Чистопольский часовой завод. Отдельное внимание уделено строительству Камского автомобильного завода, работе Казанского медико-инструментального и вертолетного заводов.

Создатели киноленты не упустили из виду сюжеты из жизни села. На кадрах можно увидеть быт, условия работы и досуга колхозников хозяйства «Игенче» Сармановского района. В сюжете, посвященном уборке урожая на колхозном поле, запечатлен выдающийся татарский певец и деятель культуры Ильхам Шакиров. Стоит отметить, что этот кадр, где он за работой исполняет песню на татарском языке, в комитете по кинематографии долгое время не принимали, и, посчитав замысел неудачным, рекомендовали вырезать (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-546. Оп. 1. Д. 1139. Л. 175). Вместе с тем данный эпизод все-таки удалось отстоять, и он был включен при монтаже киноплёнки.

Еще одной важной темой в фильме «Татария, год 1970» является Сабантуй. В фильме детально представлены традиции и обряды присущие этому на-

циональному празднику. На кадрах киноленты запечатлены как основные состязания (конные скачки и борьба *корэш*), так и развлекательные игры (бег с ведрами, бег в мешках, борьба с мешками на бревне, лазанье к верху столба). Большое внимание уделяется исполнению татарских песен и танцев.

Следующий сюжет освещает достижения Татарии в области высокого искусства, науки и спорта. Традиционным стал показ Казанского государственного университета, который позиционируется как место, где прошли студенческие годы В.И. Ленина. Представляется вечерняя Казань с ее иллюминациями и Домами культуры. Здесь можно увидеть здания цирка, Большого драматического театра имени В.И. Качалова, Театра оперы и балета им. М. Джалиля. В целом, замысел авторов кинокартины заключался в том, чтобы отобразить преемственность в развитии культуры Татарии. В фильме подчеркивается, что при советской власти татарский народ, как и другие национальности Союза, достигли небывалых высот в культурном развитии при одновременном сохранении лучших своих традиций. Это конечно же соответствовало главному лозунгу политики коммунистической партии о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры советского народа.

Несмотря на строгое следование официозным предписаниям, документальное кино «Татария, год 1970» является информативным и имеет большое фактографическое значение при изучении исторических процессов в Татарской АССР.

К 60-летию республики была подготовлена кинокартина «Советская Татария» («Дорога на Сабантуй») (РГАКФ. № 7319. Ч. 1–4). Это был последний юбилейный фильм, выпущенный КСК. Построение сюжетной линии во многом перекликалось с фильмом 1970 г. Перед зрителями снова демонстрировали успехи и прославляли достижения советской власти.

Несмотря на то, что советское документальное кино – это творческое представление реальности, оно служит уникальным и ценным источниковым материалом при изучении культурной, экономической, политической жизни республики в советский период.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ГА РФ. Ф. А-546. Оп. 1. Д. 1139. Л. 175.

ГА РТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 164.

РГАКФ. Татария, год 1970. 1970. Учетный номер документа 21120 части 1–4.

РГАКФ. Советская Татария. 1950. Учетный номер документа 7319 части 1–4.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев И.Н. Рубежи кинодокументалистов Татарии. Казань, 1974.
- Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.). Казань, 2007.
- Беляков В.К. Историко-художественный потенциал дореволюционной кинохроники. Дис. ... канд. наук искусствоведения. М., 2019.
- Галимзянова А.Т. Организация деятельности казанских киношников (1961–1991) // История повседневности. 2021. № 3 (19). С. 64–71.
- Галимзянова А.Т. Становление и развитие Казанской студии кинохроники (1961–1991 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.
- Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. №1. С. 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219>
- Горохов С.Н. Аудиовизуальные документы о прошлом и настоящем // Эхо веков. 2008. № 2. С. 20–22.
- Звонарева М.С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 98–107.
- Листов В.С. История смотрит в объектив. М.: «Искусство», 1974.
- Трофимов Е.А. Игровой фильм как исторический источник (на примере изучения кинодокументов по истории алжирского кризиса 1954–1962 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2011. № 18 (80). С. 201–212.

REFERENCES

- Alekseev I.N. (1974) *Frontiers of documentary filmmakers of Tatarstan*. Kazan. (In Russ.)
- Alekseeva E.P. (2007) *Development and formation of cinema in Kazan and Kazan Province (1897–1917)*. Kazan. (In Russ.)
- Belyakov V.K. (2019) *Historical and artistic potential of pre-revolutionary newsreels*. Dis. cand. art hist. sciences. Moscow. (In Russ.)
- Galimzyanova A.T. (2020) *Formation and development of the Kazan newsreel studio (1961–1991)*. Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)
- Galimzyanova A.T. (2021) Organization of the activities of Kazan filmmakers (1961–1991). *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3 (19): 64–71. (In Russ.)
- Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. (2023) A two decades long path: how the first collective monograph of the IYALI on the “History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic” was created. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review]. Vol. 11. No. 1: 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219> (In Russ.)
- Gorokhov S.N. (2008) Audiovisual documents about the past and the present. *Ekho vekov* [Echo of centuries]. No. 2: 20–22. (In Russ.)
- Sheets B.C. (1974) *History looks into the lens*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Trofimov E.A. (2011) Feature film as a historical source (on the example of studying film documents on the history of the Algerian crisis of 1954–1962). *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedeniye i arkhivovedeniye. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'* [RGGU bulletin. Series: Records management and archive studies. Computer science. Data protection and information security]. No. 18 (80): 201–212. (In Russ.)
- Zvonareva M.S. (2019) Documentary cinema as a historical source: peculiarities of analysis and interpretation. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysl* [Locus: people, society, cultures, meaning]. No. 3: 98–107. (In Russ.)

Сведения об авторе: Галимзянова Алина Тагировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-1988-0522>; e-mail: alisabitva@mail.ru

About the author: Alina T. Galimzyanova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow at the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-1988-0522>; e-mail: alisabitva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised 25.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.03.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200>

Визуальные источники о новой советской обрядности в татарской деревне 1970-х годов

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

Резюме. В 1960–1970-е гг. в советском обществе актуализировалось формирование новой гражданской обрядности, одной из составляющих которой являлись семейно-бытовые (лично-семейные) обряды – торжественная регистрация и свадьба. Статья раскрывает процесс внедрения новой гражданской свадебной обрядности в татарской деревне в 1970-е гг. В качестве источника использованы свадебные фотографии из семейных архивов Нурутдиновых, Маматовых, Хаковых, Ромазановых – уроженцев разных районов Татарской АССР, а также полевые материалы автора, собранные с помощью глубоких и лонгитюдных интервью. Свадебные фотографии являются ценным иллюстративным материалом по проблеме формирования новой «советской обрядности» в социокультурном пространстве деревни, в том числе деструкции свадебного образа и лишения его национальных черт и особенностей. Они могут рассматриваться в качестве многопланового источника, на основе которого базируется конструирование коллективной памяти о советском прошлом.

Ключевые слова: советская свадьба, торжество, деревня, традиции, обрядность, визуальная антропология, фотография, семейный альбом, татары.

Для цитирования: Ханипова И.И. Визуальные источники о новой советской обрядности в татарской деревне 1970-х годов. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200>

Visual sources about new Soviet rituals in a Tatar village in the 1970s

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

Abstract. In the 1960s–1970s in the Soviet society, formation of new civil rituals gained relevance. One of the newfound components was family and household (personal family) rituals – ceremonial registration and a wedding. The article reveals the process of introducing a new civil wedding ritual in a Tatar village in the 1970s. The sources include wedding photographs from the family archives of the Nurutdinovs, the Mamatovs, the Khakovs, and the Romazanovs – natives of different regions

© Ханипова И.И., 2024

of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, as well as the author's field materials collected through in-depth and longitudinal interviews.

Wedding photographs represent valuable illustrative material on the problem of the formation of a new "Soviet rituals" in the socio-cultural space of the village, including the destruction of the wedding image and deprivation of its national features and characteristics. They can be considered a multifaceted source upon which the formation of collective memory about the Soviet past is based.

Keywords: soviet wedding, celebration, village, tradition, ritual, visual anthropology, photography, family photo album, Tatars.

For citation: Khanipova I.I. (2024) Visual sources about new Soviet rituals in a Tatar village in the 1970s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200> (In Russ.)

В последние годы все чаще объектом исследований визуальной антропологии становятся любительские (частные, домашние) фотографии (Круткин, 2005). Как показывает опыт полевой практики, во многих сельских семьях Татарской АССР (с 1990 г. Республики Татарстан) даже в последней четверти XX в. семейные фотоальбомы были редкостью. Об этом в свое время писала Р.О. Абилова, отмечая, что семейные альбомы как культурное явление в жизни сельчан распространялись гораздо медленнее, чем в городской среде, «как в силу отсутствия традиции, ограничений по религиозным мотивам, так и реальных возможностей приобщения к процессу фотографирования» (Абилова, 2022: 276).

Знакомство с семейным архивом Нурутдиновых, где в альбомах были представлены не только редкие послевоенные снимки членов семьи, групповые портреты, фотографии друзей и родных с традиционной подписью «Истәлеккә» («На память»), но и коллекция любительских снимков со свадьбы, позволило наглядно проиллюстрировать только-только появляющееся в пространстве татарстанской деревни гражданское свадебное торжество. В тоже время, основываясь на методологическом подходе «насыщенного описания» К. Гирца, с его «интерпретативностью» и фиксацией «сказанного» в доступной форме (Гирц, 2004: 7–41), автор статьи вводит в научный оборот документы из личных (семейных архивов) для дальнейших исследований.

Источниковедческий анализ снимков показал, что ни одна из свадебных фотографий не атрибутирована (не подписана). Даже фотоснимки, сделанные во время проведения официальной церемонии, черно-белые, более лучшего качества, не имеют никаких подписей. Качество большинства фотографий, неровная обрезка фотоснимков доказывают, что они «самоделные», «домашние». Вместе с тем, именно «непрофессиональный» взгляд фотографа позволил запечатлеть на кадрах весьма интересные с точки зрения социальной и культурной антропологии сюжеты. Сами же фотоснимки стали артефактами массовой культуры (Круткин, 2018).

В 1960–1970-е годы в советском обществе актуализировалось формирование новой гражданской обрядности, одной из составляющих которой являлись

семейно-бытовые (лично-семейные) обряды – торжественная регистрация и свадьба. Основой для государственного регулирования брачной обрядности стало принятое Советом Министров РСФСР Постановление 1964 г., направленное борьбу с религиозными суевериями путем внедрения в социуме новых гражданских праздников и обрядов с целью «воспитания советского патриотизма, коммунистического отношения к труду», а также укрепления семейных ценностей (Постановление, 1964). Этим же документом вводился контроль за заполнением актов книг органами записи актов гражданского состояния.

Повсеместно в периодической печати, в общественной литературе, в сфере кино пропагандировался опыт внедрения чисто светских – без религиозных элементов, праздников и ритуалов, т.н. новых гражданских обрядов. В это же время наблюдалось ужесточение контроля не только над православным обрядом венчания и мусульманским обрядом *никах*, но и в целом за религиозными взглядами, отправлением ритуалов.

Р.Г. Нурмухаметова 1956 г.р., уроженка Кукморского района Татарской АССР рассказывала:

Жили мы в деревне Красный Октябрь, это был колхоз «Дружба» Кукморского района. Семья у нас была религиозная. В те времена очень строго было. Учительница постоянно интересовалась, спрашивала, читает ли *эбийка* намаз. Я всегда «тормоз» включала: «Не знаю. А что это такое?». *Эбийка* всегда в потайной комнате читала намаз, чтобы никто не видел. Никогда вне семьи разговоров не было. Но, чтобы проверить, держат ли уразу, читают ли намаз под окнами ходили – по свету проверяли, очень рано же надо было читать утренний намаз. Когда мы учились, даже в школе нас проверяли, уразу держим или нет. Если на обед не идем – проверяли, заставляли кушать. В 1970-м г. помню мы остались ночевать в интернате, с райкома комсомола или из горкома партии приехала женщина, всем конфеты раздавала, говорила: «Скушайте при мне конфетку». Так проверяли (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Интересные воспоминания остались в памяти Р.Г. Нурмухаметовой о свадьбе старшей сестры.

Свадьбы тогда были другие – просто вечер. Сначала расписывались в сельсовете. Никаких пышных свадеб. На будущей жене простое нарядное платье. Одна сестра вышла замуж в 1965 г. Савея апа вышла в деревне в нач. 1970-х гг. В нашей семье свадьбы были религиозные, родители негласно продолжали читать намаз. Было и застолье, зятя, когда в гости приезжали, не пили, никогда водки на столе не было (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Еще одна информантка Г.С. Хакова (Миннибаева) 1949 г.р., уроженка с. Апазово Арского района Татарской АССР, вспоминая свадьбы 1960-х гг., рассказывала:

У татар фаты не было в наше время. Я вообще про это не знала. У нас, у татар, девушки фату не носили. В 1960-х никаких свадебных платьев то не было, просто любое новое платье, потому что у людей денег не было. “Яхшы кулмәк кияләр дә, бетте-китте” («Хорошее платье надевают, и все на этом» – прим. авт.). Марийцы даже в наше время в своих национальных платьях замуж выходили. В детстве я помню все свадьбы на лошади у всех были, и зимой, и летом (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

О простоте нарядов молодоженов в день регистрации, причем далеко не белом платье, а «красном в клеточку», хотя и с белыми туфлями, белыми носочками, розовой рубашке в комплекте с черными брюками, отсутствии обручальных колец вспоминала и М.А. Зайнуллина (Буреева, 2020: 510–511).

Воспоминания очевидцев подтверждает исследование этнографа Р.К. Уразмановой, писавшей об отсутствии у татар традиции пошива особого, ритуального назначения свадебного платья и о новациях в конце 1960-х гг. в сфере свадебной одежды – специального белого платья разового пользования, темного костюма с белой рубашкой для жениха, а также обручальных колец (Уразманова, 2014: 114). Изучая функционирование обычаев, обрядов и праздников у татар в советский период, она отмечала значительные изменения в свадебной обрядности. Исследователь выделила три этапа в ее трансформации и отнесла период с начала 1960-х гг. к третьему этапу, когда все меньше соблюдались традиционные элементы свадебной обрядности, сменявшиеся ритуалами «торжественной» государственной регистрации брака (Уразманова, 2014: 106, 112).

В интервью Р.Г. Нурмухаметовой отражены традиции проведения деревенских свадеб в татарской деревне. Рассказывая о замужестве своих старших сестер, она упомянула, что в их краях в 1960-х гг. еще сохранялся обычай красть невесту:

Вот Савея апа. Ее же просто так забрали, как-бы украли. Парень из другой деревни, отец Дамиры, посадил в машину грузовую и не выпустил, увез. Несколько раз пытались своровать, то одни, то другие, то третьи. Один раз чуть не перевернулись, она схватилась за руль: “Сейчас руль поверну и все умрем”. Дамиры отец после клуба уговаривал замуж выйти, приходил, провожал, не хотела. Все равно забрали. Воевала-воевала, но увезли. А тут еще сосед у меня рядом жил. Его мама и моя в 17 лет хотели нас поженить – пусть мол, выйдет замуж, нечего учиться – ох я повоевала¹. А он украд девчонку с соседней деревни, на колхозной машине привез. С утра украд. Стали

---

¹ Р.Г.Нурмухаметова получила медицинское образование, стала известным в г. Елабуга специалистом-физиотерапевтом. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Вернулась жить в деревню, где помогает односельчанам с медицинским обслуживанием.

стол собирать, сказала за водой схожу, на роднике коромысла бросила и убежала. Ждали-ждали, не дождалось к столу (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Иногда будущему мужу, чтобы открыто не воровать невесту, приходилось проявлять смекалку. Г.С. Хакова (Миннибаева), которая вышла замуж в 1969 г., рассказывая о своей регистрации брака – двух молодых специалистов, приехавших с разных концов республики в колхоз с. Сикертан Арского района Татарской АССР, вспоминала:

Нашему зоотехнику как молодому специалисту выделили двухколесный мотоцикл. Ну, а меня – бухгалтера председатель колхоза Габдельбар абый Файзрахманов отправил вместе с ним регистрировать мотоцикл. В соседней деревне Старая Масра оформили, там же заехали в какой-то дом, я думала дела какие председатель поручил, стояла ждала около мотоцикла. Стеснительная очень была. Еще смотрела на покрытый зеленой травой двор и думала, наверное, скотину не держат, раз такая красивая лужайка во дворе. Тут Габбас абый выходит, зовет: “*Әйдә, кызым, кер, оялма*” (“Заходи, дочка, не стесняйся” – прим. авт.). Зашла, подпись поставила, а когда начала внимательно читать – оказалось, что это документы о регистрации. Расстроилась, что меня мама убьет, хоть бы фамилию мою красивую оставил. А потом еще и председатель долго ругал меня, почему не сказала, свадьбу красивую бы в колхозе сыграли, как положено, с машинами нарядными. А я отвечала ему, что и сама не знала. Вот так и вышла замуж. А жених то видный был. Я его в первый раз вообще на фото в газете «Социалистик Татарстан» увидела, когда еще в своей деревне жила. Он в хоре пел. По телевизору с концертом выступал². Еще подругам своим говорила – если выходить замуж, то вот за такого красавца. Кто ж знал, что в одном колхозе потом работать будем (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Если в городах еще в 1960-е гг. появились особые наряды для жениха и невесты, обручальные кольца как следствие переноса властными структурами свадьбы в публичное пространство (Лебина, 2021: 317), то деревня пока еще не знала таких костюмов новобрачных и уж тем более в условиях дефицита не знала обручальных колец. Так, даже в 1970-х гг. далеко не все деревенские не-

---

² Молодые специалисты Ильдус и Гульнара приехали работать в колхоз им. Куйбышева, славившийся в 1960-е годы культурным строительством села. И.Г.Хаков был секретарем комсомольской ячейки. В семейном архиве Г.Л. Файзрахманова, председателя колхоза, сохранилась концертная программа колхозного ансамбля песни и пляски за 1967 г., где И. Хаков был ведущим концерта, исполнял стихи, солировал в танце (Нация. Эпоха. Личность..., 2008: 13).

весты выходили замуж в белом – покупном в специализированном салоне или специально пошитом платье.

Г.С. Хакова (Миннибаева) вспоминала:

Расписал нас председатель сельсовета, поздравил. Вечер какой-то уж небольшой устроили. А уж настоящую свадьбу потом у мамы в деревне сделали. На мне было просто белое красивое платье, нарядное. Чисто белое, из тафты блестящей. Покупала еще на выпускной 10-го класса, в нем и была. Потом из него я дочери платье «снежинки» сделала на новый год. Готовое платье покупала то ли в Казани, то ли в Кушве, скорее всего в Кушве у тети Сони. Так-то готовые платья деревенские больно не покупали, даже для выпускного в школе. Дорого было. Но у мамы–учительницы зарплата была, да и шила она всегда хорошо, подрабатывала. А расписывались тогда все в сельсовете. Это уж меня случайно белое оказалось. Да и на выпускной деревенские особо платья не покупали, даже ситцевые за 3 рубля, купить было дорого. Откуда у колхозников деньги? Сами шили или заказывали. В магазине платья были прямые ситцевые. В них и работать плохо и ходить. А так, мы “татьянки” шили, в них же работать, не в клуб ходить. Школьные-то формы не у всех были. В моем уж детстве тем более (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Далеко не у многих деревенских молодоженов сохранились фото с официальной регистрации. Например, у семьи Маматовых в семейном альбоме всего несколько кадров, где невеста в специально заказанном сшитом белом платье с букетом купальниц, что цвели на окраине деревни, жених с букетом сирени, у свидетелей отсутствуют привычные последующим поколениям атласные ленты, в руках свидетеля небольшой каравай хлеба, а гости в простых, далеко не парадных одеждах. Фото, сделанное во время регистрации в сельском клубе, фиксирует попытку придать событию торжественность – на столе, где подписывается первый документ, молодоженов «приветствует» кукла в фате. До сих пор в семье хранится свадебный сувенир, многим сегодня незнакомый предмет из советской эпохи – диаскоп³ – пластмассовый шар с глазком, внутри которого размещен отрезок фотопленки с изображением жениха и невесты на фоне «Волги» – машины одного из дальних родственников, клуба, где проходила регистрация и попавшей в кадр хозяйственной постройке (деревенского сарая) соседнего двора.

---

³ Диаскоп представлял собой оптический прибор для воспроизведения диапозитива (кадра пленки) через окуляр, производившееся с помощью внешнего света. Мог быть любой формы. Для новобрачных обычно делали неразборные, сферической формы (в виде шара).

Регистрация в сельском клубе. 1977 г. Семейный архив Маматовых. Примечание: обращает на себя внимание кукла в свадебной фате как символ новой внедряемой свадебной обрядности на селе.

Диаскоп со свадебной фотографией. 10.03.2024 г. Фото И.И. Ханиповой.

Гости у деревенского клуба. 1977 г. Семейный архив Маматовых. Примечание: женщины старшего поколения – в платках, т.е. продолжают придерживаться традиции обязательного ношения головных уборов.

Наблюдавшиеся в 1960-е гг. новые элементы в одежде жениха и невесты, свадебный церемониал лишь в городском пространстве (Шаповалова, 2013), в 1970-е гг. стали проникать и в деревенское общество. Изучение семейных альбомов, сохранившихся в семье Р.Р. Рафагетдиновой (Нурутдиновой), выявило целую серию фото о сельской свадьбе, которая при более тщательном знаком-

стве с фотографиями и историей семьи оказалась торжеством с включением элементов городского свадебного обряда.

Способствовало тому и относительная близость родительского дома (с. Каркали) к городу Лениногорску, и финансовые возможности семьи, поскольку будущий глава работал в нефтяной отрасли буровиком. Недаром, одна из респондентов, описывая свадьбы 1970-х гг. говорила, что «у кого были деньги – зарплата (у учителей) старались с города, с городских брать пример» (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Учитывая, что в 1970-е гг. фотоаппарат был далеко не самым распространенным предметом в деревне, молодоженам повезло. Очевидцы событий вспоминают, что фотографировал их, а потом и печатал снимки, для того чтобы раздать гостям и друзьям, друг со стороны жениха.

Это особая история в нашей семье, – рассказывала старшая дочь. – Папа в нашей большой семье был фотографом. У него после армии остался фотоаппарат ФЭД. Он до сих пор живой, мы пробовали заправлять туда цветную пленку, у снимков очень хорошее качество. Возможно этот друг фотографировал по просьбе папы с его фотоаппаратом. В компании своих друзей именно папа был фотографом. Он был очень увлечен фотографией (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Новациям в свадебном торжестве предшествовало традиционное ухаживание и сватовство. Вспоминая о беседах с родителями об их жизни, Р. Рафагетдинова 1978 г.р., рассказывала:

Папа наш из очень простой семьи. Бабушка четырех детей растила одна, так как муж погиб на буровой. Жили стесненно, скромно. А мама «фифа» такая была, преподавала в деревенской школе, и папа залезал на тополя, школа 2-х этажная, и смотрел как она преподает. Так «преследовал», ухаживал, смотрел на нее, любовался. Жили они дома через 4-5 на одной улице. Мама говорила, что, когда вышла замуж в доме не было даже холодильника, свекровь мясо солила, получала в колхозе всего 12 руб. А мама-учительница, дочь директора сельской школы – Гакили Салимжановны Магизяновой, деревенская интеллигенция. В доме у них и книги, и ковры, и хрусталь. Для деревни диковинные вещи – проигрыватель с пластинками, радиола большая. Сватовство, когда приходили просить руки, традиционно соблюдали. По рассказам родителей, сватать ходили папина мама, тетушки. Сватовство очень интересно проходило в наших краях, весело, доброжелательно. Мамина мама осталась с тремя детьми, муж умер в 40 лет. Жила с ними еще *карт эби* (бабушка – прим. авт.). Они видимо без мужчин жили, поэтому очень любили, ухаживали за зятем, можно сказать – боготворили. У нас, у татар к *кияу* (зятю – прим. авт.) – всегда уважительно относились, угощали, почитали. В наших краях невеста вышивала полотенце, когда приходили сватать, жених уносил вышитое полотенце с собой, в знак того, что ему невесту отдадут. Эти

полотенца в первой половине 1980-х гг. собирали потом на сабантуй как призы. Я сама видела, как только недавно вышедшая замуж женщина привязывала такое полотенце на *киртэ* (шест – прим. авт.) (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

По воспоминаниям очевидцев свадьбу специально подгадывали на время урожая, поэтому на столе были свои и овощи, и фрукты. Свадебный букет невесты составлялся из характерных для летних месяцев цветов, те кто играли свадьбу в мае-июне, держали в руках сирень, черемуху, в августе – гладиолусы, георгины.

Справка, выданная ЗАГСа будущим молодоженам Нурутдиновым с пресловутой формулировкой «дана для приобретения новобрачными необходимых вещей и обручальных колец», лишняя раз свидетельствовала о пресловутых временах дефицита, когда большинство свадебных предметов (начиная от колец и заканчивая туфлями) не были доступны рядовому покупателю. Наряду со свадебными туалетами по таким справкам в зависимости от уровня снабжения района могли закупаться постельным бельем, столовой посудой и другими необходимыми для молодой семьи предметами быта. Многие девушки, выходящие замуж в 1970-е гг., в условиях недостатка модной одежды промышленного производства приспособивали свои платья для повседневной носки. «Свадебное платье из материала кримплен⁴, модный по тем временам материал, сшили в ателье. Оно было длинное, простых линий, по фигуре. Потом мама отрезала длину, по моде того времени – выше колен, и носила. Она была худая, с красивыми ногами» (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Справка из органов ЗАГСА г. Ленинград. 1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

⁴ Одна из популярнейших синтетических тканей 1970-х гг., придававшая вещам достаточно жесткий силуэт.

Брачно-семейный кодекс 1969 г., подытоживший произошедшие изменения в процедуре заключения брака, вводил в систему нормативных предписаний новые традиции, четко указывая на торжественный характер церемонии регистрации (Брачно-семейный кодекс, 1969: ст. 14.). Тогда же начали формироваться и новые формы проведения брачной церемонии – с торжественными речами и поздравлениями родных, поцелуями и шампанским, после которой городские молодожены направлялись к знаковым памятным местам в городе для возложения букета. Об этом в свое время писала известный специалист в области социальной истории Н.Б. Лебина, говоря о задачах формирования новой обрядности, поставленных перед государственными структурами и усилении «парадности ритуала бракосочетания» (Лебина, 2021: 315). Сам факт поцелуя, вынесенный на всеобщее обозрение и запечатленный на фотоснимке после официальной регистрации пары, являлся, на наш взгляд, противовесом таинству православного обряда венчания или мусульманского *никах*.

Как правило, в 1960-е гг., когда актуализировалось значение Победы, а в канун 20-летней годовщины по всей стране возводились монументы, связанные с Великой Отечественной войной, знаковыми местами для посещения молодоженами стали обелиски и памятники, посвященные героизму советских солдат в годы войны, или в простонародье – «Вечный огонь», либо памятник В.И. Ленину. По наблюдениям К.Р. Уразмановой со временем и в сельской местности появились особые маршруты, которые объезжали свадебные кортежи после регистрации брака (Уразманова, 2014: 115).

Новые традиции. Возложение цветов к Вечному огню. г. Лениногорск. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Свадебный кортеж. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Несмотря на то, что регистрация состоялась в г. Лениногорске, Нурутдиновы «отмечали» свадьбу в деревенском доме у родителей жениха. На фотографиях запечатлен свадебный кортеж, который, судя по рассказам, сохранившимся в семье, был в те годы очень масштабным – состоял из 12 машин. Укра-

шения были самые минимальные, доступные атласные ленты. Флагманская машина «Волга» украшена куклой, одетой в национальный наряд, запомнилась гостям свадьбы. Р.Р. Рафагетдинова вспоминает:

Машин было много по рассказам родителей, да и на фото я сама видела. У родственников таких машин не было, они с папиной работы. У него был старший товарищ, который поддерживал, отечески опекал, так как папа вырос без отца. Папа называл его «мой генерал». Он и организовал свадебный кортеж, все машины, собрали наверно по предприятиям города. Папа рассказывал, что у них были «топовые» машины для тех времен, в том числе и «Волга» типа «Победы». Его, деревенского парня, на работе поддержали, нашли машины (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Отметим, такое количество автомобилей не только для деревенской свадьбы, но и для Лениногорска было действительно необычным явлением. Оно показывало достаток семьи, близость к нефтяному городу и достаточно высоко оплачиваемые в те годы профессии. К примеру, на свадьбе у Р.М. Валитовой была только одна машина (ПМА, 2024: Валитова).

Появление кукол на капотах⁵ свадебных машин в 1970-х гг. несло в себе некую символику, связанную с ожиданием будущего малыша. По версии современников такие куклы служили просто украшением машины, чтобы все понимали, что едут жених и невеста. «За куклами тогда охотились. Кукла ушла маленькой 6-летней девочке, ее подарили моей троюродной сестре. И она эту куклу всю жизнь берегла. Стояла в деревне на серванте всю жизнь» (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Традиционно свадьбы на селе предпочитали проводить в теплое время года, так удавалось усадить всех гостей за накрытыми столами во дворе. По воспоминаниям очевидцев, свадьба Нурутдиновых тоже проходила во дворе. Не было привычного для современных свадеб обилия цветочных букетов, украшений – плакатов, шаров. Не смущала гостей свадьбы и простота обстановки двора.

Было жаркое лето. Родственников у нас очень много. Поэтому папиной мамы простой пятистенок не вместил столько гостей. Отмечали прямо на улице. Тепло же. Все родные и с той и с другой стороны любят петь, плясать. Семья вся поющая, танцующая, знали много народных песен, песни тех времен – Альфии Авзаловой, Ильгама Шакирова. У нас в деревне без баяна ни одного мероприятия не проходило. Папин друг играл на баяне. Все любили петь. Все папины сестры, мама хорошо пела. Все любили танцевать. Мама хорошо вписалась, пела вместе с папиными сестрами (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

---

⁵ Иногда на фотографиях более позднего времени видны куклы, привязанные к бамперу машины.

Р.Б. Магизьянов, младший брат невесты рассказывал: «Основная свадьба была у жениха дома, на улице (во дворе). Народу было как обычно много. Человек 80. Это было норма. Деревенские тоже были. Но в основном родственники. На свадьбе гармонист был. Но были и записи, колонки из дома вынесли, к магнитофону подсоединили усилитель» (ПМА, 2024: Магизьянов).

В том же дворе провели второй день торжества. Дарили молодоженам все, что могло пригодиться в повседневной жизни – «принадлежности для дома» – ложки, тарелки, всевозможную посуду, деньгами, «все что нужно молодой семье. Крупных подарков не было. Семьи довольно простые» (ПМА, 2022: Рафагетдинова). Своей посуды, по воспоминаниям старшей дочери Нурутдиновых, явно не хватило, хотя родители невесты по деревенским меркам были достаточно обеспеченными. На помощь пришли соседи, одалживая тарелки, ложки, стаканы. На фото свадебного застолья много эмалированной посуды.

В обыденной жизни эмалированная посуда была у папиной бабушки. Она – деревенская женщина, посуда без изысков, простая. А вот у маминой бабушки – вкус, где что видела, несмотря на скромный достаток, все равно старалась приобрести. У нее всегда все было изысканно, даже японские тарелки были с надписью “made in Japan”. Она и на деревенскую женщину была не похожа. Уточненная, с не деревенскими длинными пальцами... Папина мама вкусно готовила. Моя тетя говорит, что бабушка – жена буровика, стоявшего у истоков бурения в первые послевоенные года, всегда следовала за дедом. В одной русской деревне они с дедом снимали дом, там она научилась готовить капустный суп, оттуда она привезла семена и рассаду *кабестэ* (капусты – прим. авт.), начала сажать, выращивать. Очень вкусно готовила. Самый вкусный *баурсак* (сладкий мучной десерт – прим. авт.) – на свадьбу или другие мероприятия всегда у нее заказывали. В наших краях на свадьбах были только *баурсак* и *бәлеш* (пирог с картофелем, мясом и луком – прим. авт.). Мы не знали *губадии* (сладкий пирог с многослойной начинкой – прим. авт.), *чак-чака* (сладкий мучной десерт – прим. авт.). На столах все со своего огорода – яблоки, овощи. Нечего, да и негде было покупать (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

По рассказам дочери Нурутдиновых 1978 г.р., основанных на воспоминаниях родителей и собственных ранних детских впечатлениях, мамин брат жил в Минеральных Водах и чемоданами привозил фрукты в виде гостинцев.

Такого качества фруктов у нас не было. В деревне свадьбу долго помнили – и людей много, и весело. На стол всегда ставили парно – «*пар икмәк, пар каз*» (пару хлеба, пару гусей – прим. авт.) как символы. В нашей семье много поколений эта традиция соблюдалась. А когда я замуж выходила, мои свекор со свекровь городские, немножко традиции нарушили, поэтому мои родственники до сих пор помнят, шутят да посмеиваются (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Во дворе дома. с. Каркали. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Изучение фотографий показывает, что праздничное свадебное застолье не обходилось без шампанского. В большом количестве на столе стояли бутылки лимонада – узнаваемые современниками 1970–1980-х гг. так называемые «чебурашки» – популярного газированного безалкогольного напитка с этикетками в форме мандариновой дольки – «Крюшон», «Дюшес», «Буратино», «Квас русский». На уровне бытовой памяти, через рассказы очевидцев проясняется, что «свадьба была не без алкоголя, хотя явно на столе и не стоял. Но, точно никто не напился, такого не было».

Свадебное застолье. Молодожены. с. Каркали. 5.08.1977 г.

Семейный архив Нурутдиновых. Примечание: на праздничном деревенском свадебном застолье расположены весьма популярные в то время газированные безалкогольные напитки – лимонад, квас, выпускаемые в бутылках-«чебурашках», а также только что появившееся шампанское.

На фотографиях присутствует сам процесс свадьбы, настроение гостей, непритязательных к украшениям обстановки. Внимание не акцентируется на простоте убранства двора или дома. Это не было главным. Фото, сделанные к концу вечера – те же гости, парно, группами, словно несли желание того, кто за объективом, сохранить в памяти гостей не только свадьбу, но и себя на этом торжестве.

Свадебное застолье. с. Каркали. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Свадьба Шамиля и Флеры Фархутдиновых. с. Каркали. 1975 г.
Семейный архив Нурутдиновых. Примечание: невеста в свадебном платье с коромыслом
являет собой сочетание «татарскости» и «советскости» в традиционном свадебном обряде.

Явное отсутствие «идеологии визуальных форм» (Круткин, 2005: 172), или т.н. «показухи», доказывает наличие на фотоснимках вполне себе «непродуманных» моментов – повседневной одежды, висящей на гвозде и попавшей в кадр, кастрюль, тазов на дополнительном столе.

Анализ фотографических снимков навел на мысль, что торжество семьи Нурутдиновых не являлось рядовой деревенской свадьбой для того времени. Оно вносило в деревенское пространство новые элементы, характерные для городского празднования. Эти выводы подтверждаются материалами интервью, во время которых респонденты рассказывали о своем опыте свадебных церемоний.

Изучение коллекции свадебных фотографий позволило выявить еще несколько важных с точки зрения антропологии моментов фиксации обрядов, когда невеста в нарядном платье с коромыслом несет в дом воду или ее ставят на белую-белую подушку, а также внешности гостей, моды того времени, посуды.

В свое время Р. Барт высказал мысль о том, что функция фотографического письма (фотографии – прим. авт.), «в масштабе общества в целом – интегрировать, то есть ободрять человека» (Барт, 2003: 392). На наш взгляд, не менее важный функционал фотоснимков, наряду с эмоциональным воздействием – сохранение исторической памяти об уходящем советском прошлом. Свадебные фотографии являются не только иллюстративным материалом по проблеме формирования новой «советской обрядности» в социокультурном пространстве деревни, в том числе деструкции свадебного образа и лишения его национальных черт и особенностей, но и многоплановым источником, на основе которого базируется конструирование коллективной памяти о советском прошлом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6> (дата обращения: 16.02.2024).

ПМА 2020 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Елабуга Республики Татарстан (Г.С. Хакова (Миннибаева), апрель 2020 г.

ПМА 2022 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Тимяшево (Ромашкино) Лениногорского района Республики Татарстан (Р.Р. Рафагетдинова (Нурутдинова), июнь 2022 г.

ПМА 2024 – Полевые материалы автора. Интервью с Равиль Бариевичем Магизьяновым 3 марта 2024 г.

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Елабуга Республики Татарстан, (Р.М. Валитова), март 2024.

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Старая Кня Кукморского района Республики Татарстан (Р.Б. Нурмухаметова), февраль 2024.

Постановление Совета Министров РСФСР №203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» от 18.02.1964 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/885249509> (дата обращения: 16.02.2024).

Семейный архив Р.М. Маматовой (Валитовой).

Семейный архив Р.Р. Рафагетдиновой (Нурутдиновой).

Семейный архив Ромазановых.

ЛИТЕРАТУРА

Абилова Р.О. Детство в сельской «глубинке» сквозь призму семейных альбомов // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И.И. Ханипова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 274–286.

Барт Р. Фотографическое сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступит ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.

Буреева Е.В. Комсомольская свадьба 1960-х годов в системе идеологического воспитания советской молодежи: замыслы и реализация // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 503–520. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.215>

Гириц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №1. С. 171–178.

Круткин В.Л. Фотография и фильм в исследованиях социокультурной материальности // Вояджер: мир и человек. 2018. №10. С. 124–129.

Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград: 1950–1960-е годы. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб.: Крига, 2021.

Нация. Эпоха. Личность. Сборник памяти доктора исторических наук Г.Л. Файзрахманова. Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников у татар. XIX – нач. XXI вв. Историко-этнографические очерки. Казань: Ихлас, 2014.

Шаповалова Я.А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 354–359.

REFERENCES

Abilova R.O. (2022). Looking at family photo albums: Childhood in the rural area. In: I.I. Khanipova (ed.) *Social and national components in the Soviet culture: To the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow*: Collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.: 274–286 (In Russ.).

Bart R. (2003) Photographic message. In: *Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. Transl. from French, intro. and comp. S.N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publ. House: 378–392. (In Russ.)

Bureeva E.V. (2020) The Komsomol wedding of the 1960s in the ideological education of Soviet youth: intentions and implementation. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. Vol. 10. No. 2: 503–520. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.215> (In Russ.)

Gierts K. (2004) *Interpretation of cultures*. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.).

Krutkin V.L. (2005) The anthropological meaning of photographs of a family album. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 8. No. 1: 171–178. (In Russ.)

Krutkin V.L. (2018) Photography and film in studies of sociocultural materiality. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: the world and man]. No. 10: 124–129. (In Russ.)

Lebina N.B. (2021) *The everyday life of the epoch of space and corn: the destruction of the grand style: Leningrad: 1950s–1960s*. 2nd edition. St. Petersburg: Kriga Publ. (In Russ.)

Nation. Era. Personality. (2008) Collection of the memories of G.L. Fayzrakhmanov, Doctor of Historical Sciences. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ., Tat.)

Urazmanova R.K. (2014) *Festive culture and the culture of holidays among the Tatars. 19th – early 21st centuries. Historical and ethnographic essays*. Kazan: Ikhlas Publ. (In Russ.)

Shapovalova Ya.A. (2013) Soviet wedding ceremony in the 1950s and 1980s: traditions and innovations. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 11: 354–359. (In Russ.)

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

About the author: Il'nara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised 12.01.2024

Принята к публикации / Accepted 26.02.2024

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.201-213>

Традиции, связанные с почитанием старшего поколения в туркменской сельской общине

Т.Б. Хоммиев ✉

*Туркменский государственный университет им. Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан
hommyewt@mail.ru*

А.Ш. Абдырахманова

*Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана
Ашхабад, Туркменистан
annagulabdyrahmanowa@gmail.com*

Резюме. В статье вводятся в научный оборот и анализируются сведения о традициях почитания старшего поколения в туркменской сельской общине.

В крупных туркменских селах самый уважаемый из старшего поколения являлся главным советником и наставником для всех его жителей. Во время принятия важных решений он всегда советовался с другими старейшинами поселения. Для этого самый старший по возрасту созывал совет. Мнение старейшины было очень значимым. Сельчане полагались на его мудрость, жизненный опыт и честность. Старейшины не получали и не ждали никакого вознаграждения, так как служение обществу считали святым долгом. Все важные вопросы, начиная от имянаречения новорожденного до погребения усопшего, доводились до сведения представителей старшего поколения, к их словам прислушивались и действовали согласно их наставлениям. В результате многовекового развития в туркменской сельской общине были выработаны правила народного совета, принципы управления туркменским обществом, опирающиеся на знания и мудрость старшего поколения.

Ключевые слова: туркмены, сельская община, старшее поколение, гуманизм, воспитание, почет, уважение, обычаи и традиции.

Для цитирования: Хоммиев Т.Б., Абдырахманова А.Ш. Традиции, связанные с почитанием старшего поколения в туркменской сельской общине. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 201–213. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.201-213>

Traditions associated with honouring the elders in the Turkmen rural community

T.B. Khommyev ✉

Magtymguly Turkmen State University

Ashgabat, Turkmenistan

hommyewt@mail.ru

A.Sh. Abdyrakhmanova

Institute of History and Archeology of the Turkmenistan Academy of Sciences

Ashgabat, Turkmenistan

annagulabdyrahmanowa@gmail.com

Abstract. The article introduces into scientific circulation and analyses information about the traditions of respecting the older generation in the Turkmen rural community.

In large Turkmen villages, the most respected person of the older generation was the main adviser and mentor to all its residents. When making important decisions, he always consulted with other elders of the settlement. For this purpose, the oldest person convened a council. The elder's opinion was of much significance; the villagers relied on his wisdom, life experience and honesty. The elders did not receive or expect any remuneration, since service to society was considered a sacred duty. All important issues, from naming a newborn to the burial of the deceased, were brought to the attention of representatives of the older generation. People listened to what the elders had to say and acted upon their instructions. As a result of the centuries-old development in the Turkmen rural community, the rules of the people's council, the principles of managing Turkmen society, based on the knowledge and wisdom of the older generation, were developed.

Keywords: Turkmen, village community, elders, humanism, manners, politeness, reward, respect, traditions.

For citation: Khommyev T.B., Abdyrakhmanova A.Sh. (2024) Traditions associated with honouring the elders in the Turkmen rural community. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 201–213. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.201-213> (In Russ.)

Известный этнограф А.К. Байбурин был одним из первых советских ученых, заложивших основы изучения правил национального этикета на территории бывшего СССР. Исследователь выявил, что уважение к родителям и старшим было особенно характерно для мусульманских народов и это правило не так ярко выражалось у европейских народов (Байбурин, 1988: 34). Добавим, что особый почет и уважение к старшему поколению среди народов, исповедующих ислам, во многом определен принципами исламской культуры. Наша цель: проанализировать смысл, содержание института старейшин в туркменской сельской общине и дать оценку его положительного влияния на туркменское общество.

Для начала разберемся с терминами *аксакал*, *яшули*. Между ними имеется определенная разница. В туркменском языке слово *аксакал* означает сельский старец, старейшина, советник, старик, старик с седой бородой. Термин *яшули* определяется как старый или престарелый человек, почтенный человек к которому прислушиваются. На первый взгляд, между терминами *аксакал* и *яшули* нет никакой разницы. Близким к ним является слово *кетхуда* – советник, руководитель, аксакал, участник совета. Население нередко использовало все три слова как синонимы.

Одним из ученых, глубоко изучивших этикет старейшинства у туркменского народа, является востоковед Ю.Э.Брегель. Людей, возглавляющих отдельные родовые ветви в туркменском обществе, он называл старец, аксакал, старейшина. Исследователь отмечает, что по-туркменски слово «старейшина» произносилось и как *кяхуда* (Брегель, 1961: 123). По его мнению, все эти три слова употреблялись как синонимы. Ю.Э. Брегель предполагал, что туркмены сначала использовали слова *яшули* и *аксакал*, а позже *кетхуда* – понятие, заимствованное от иранцев и жителей Хорезма (Брегель, 1961: 123). Опираясь на исторические источники и литературные данные, он отмечает, что все три термина туркмены в равной степени употребляли в XIX в. Это подтверждают сами туркмены, а также русские исследователи, писавшие о них (Брегель, 1961: 123–124).

Крупный специалист по истории Хивинского ханства Ю.Э.Брегель излагает свои научные взгляды в основном по одним и тем же источникам, трудам исследователей-историков Хивинского хана Муниса и Агехи. Исследователь подчеркивает, что в хивинских архивных источниках, в трудах названных авторов, туркмены часто называли сельского руководителя *кетхуда* (Брегель, 1961: 124). Он, ссылаясь на архивные источники о хивинских ханах, труды дворцовых историков, пишет о том, что туркмены, жившие в Хорезме во 2-й и 3-й четвертях XIX в., называли руководителей общества как *хан*, *бег*, *бахши*, *онбеги*, *юзбаши*, *сердар* и *батыр* (Брегель, 1961: 125). На наш взгляд, эти понятия не относятся к тем старейшинам сел, о которых мы будем писать в статье. В историко-этнографической литературе *ханы*, *сердары* описываются как военные, хозяйственные, административные руководители сельской общины (Язлыев, 1992: 183). На эту особенность в некоторой степени указывает и сам Ю.Э. Брегель. Однако, он путает ханов, сердаров и бегов на общеплеменном и племенном уровне с сельскими старейшинами. В некоторых случаях исследователь рассматривает родовых руководителей как родовую аристократию (Брегель, 1961: 123–137).

Обратим внимание на представления исследователей XVIII–XX вв. об институте старейшин в туркменском обществе. Большинство из них указывало на него в смысле выполняемых ими функций. Во время посещения Мангышлака в 70-х годах XVIII в. немецкий географ С.Г. Гмелин заметил, что у местных туркмен имеются лица, выполняющие функции общинных лидеров или старейшины. Местные жители часто называют их аксакалами (дословно «белобо-

родые»). На эту должность выбирали самых пожилых жителей села, которые зачастую были с белыми бородами. Исследователь писал, что богатые знания и многолетний жизненный опыт дают этим людям возможность выполнять роль старейшины (Гмелин, 1958: 207). Французский картограф Г. Блоквиль описал, как в Мерве проявляют уважение к старейшинам: «Если два туркмена имеют разногласия или возникает какой-либо другой спорный вопрос, то обращаются к старейшине племени или кази» (Блоквиль, 1992: 63).

Некоторые авторы XVIII – начала XX вв., в частности С.Г. Гмелин, Н.И. Гродеков и Г.И. Карпов считали старейшинство выборной и даже наследственной служебной обязанностью (Гмелин, 1958: 207-208; Гродеков, 1883: 61–67; Карпов, 1937: 2–3).

Относительно функций старейшин в туркменском обществе конкретные сведения приводятся в трудах этнографов. Одним из первых советских ученых, начавший с научной точки зрения изучать роль старейшин-*яшули* на сельском и общинном уровнях в туркменском обществе, является Г.И. Карпов, внесший большой вклад в изучение культуры туркменского народа. Он писал научные работы на эту тему еще до появления марксистско-ленинского учения. В статьях «Пережитки бескультурья» (Карпов, 1927: 34) и «Туркмения и туркмены» (Карпов, 1929: 10–11) говорится о том, что старейшины не избираются путем выборов. Они выделялись среди сверстников особым поведением и мировоззрением, благодаря чему постепенно достигали статуса уважаемого человека. Ученый подчеркивал, что во многих случаях старейшинами признавались известные сельские сердары и батыры. По свидетельству Г.И. Карпова, в 60-х годах XIX в. бедный, но храбрый Маммаметдурды Кюртели из селения Карагёкдже Ахалского района был признан старейшиной всех баминцев благодаря личным заслугам (Карпов, 1937: 2).

Туркменский ученый-этнограф А. Оразов указывает на выборность старейшины села у скотоводов северо-западного региона Туркменистана. При этом он подчеркивает, что старейшина, несмотря на имеющийся авторитет села, не мог никем повелевать. Согласно описаниям А. Оразова, старейшины в основном могли давать добрые советы жителям села по насущным бытовым или семейным делам (Оразов, 1972: 73–74). Другой туркменский ученый Г. Ниязгылыджов также на примере жителей юго-западного Туркменистана пишет, что сельскими старейшинами выбирали самых богатых и влиятельных людей, но во многих случаях этот статус передавался по наследству (Ниязклычев, 1963: 68). Известный советский и российский этнограф Г.П. Васильева повторяет эту мысль на примере населения Дашогузского ваялата (Васильева, 1969: 309). Она в работе, посвященной этнографии туркмен-нохуров, освещает проблему сельских старейшин. По мнению Г.П. Васильевой, на такую должность выбирались люди из числа богатых и «уважаемых», а старейшинство передавалось по наследству (Васильева, 1962: 234). Ее оформление слова «уважаемые» с помощью кавычек подчеркивает специфическое, пренебрежительное отношение к институту старейшин в советской этнографии. Он оценивался с позиции

воспитания молодежи старшим поколением в феодально-патриархальной традиции, желания пожилых властвовать над молодыми, не уважать их. Такой стереотип прослеживается в работах, изданных в первые годы постсоветского Туркменистана (Союнова, 1993: 118–119).

Немецкий ученый В. Кениг, специализирующийся на этнографии населения Ахала, подчеркивает, что спорные семейные вопросы в этом регионе решаются не по шариату, а на основе адата. Но при этом жители прислушаются к советам старейшин. По мнению исследователя, селом в основном управляет богатый, состоятельный старейшина. К нему прислушиваются все, а его советы считаются обязательными. Старейшина не имел права на единоличное самоуправление, принуждение, наказание, он выполнял свои обязанности с учетом общественного мнения, соблюдая право свободы мнения жителей. Неограниченные права он имел только в своей семье. В. Кениг резюмирует свое мнение, ссылаясь на труды советского ученого Г. Костина и генерала царской России Н.Г. Петрусевича (Кениг, 1962: 254).

Влияние и роль старейшин-*яшули* в жизни жителей Сумбарской и Чендирской долин освещается в работах туркменского ученого Дж. Овезова. Он отмечает, что аксакалов в тех краях называли *кетхуда*, как и у гокленов Хорезма. Дж. Овезов указывает на то, что старейшины участвовали в решении спорных вопросов между отдельными людьми, семьями и малочисленными этническими группами, они оказывали положительное влияние на их разрешение. По оценке исследователя, такое позитивное влияние аксакалов продолжалось до конца XIX в. Дж. Овезов пишет, что в жизни жителей Чендир-Сумбарского района сельские старейшины передавали свое положение по наследству (Овезов, 1976: 185–187). Однако это утверждение не соответствует реальности, оно опровергается конкретными примерами, приведенными в опубликованных трудах других этнографов.

Непоследовательными и противоречащими друг другу представляются рассуждения другого русского ученого-этнографа Я.Р. Винникова относительно института старейшин в туркменском обществе. Так, исследователь указывает на то, что юго-западными йомудами, сумбарскими гокленами, ахалскими, тедженскими и мургабскими текинцами, сарыками, серахскими салырами и другими племенами, родовыми ветвями управляют старейшины и ханы. Он ссылается на вышедшую в 1957 г. монографию «История Туркменской ССР» (книга 2, том 1) и подчеркивает, что «старейшины выбираются из богатых и влиятельных высших слоев села» (Винников, 1969: 77). Одновременно, опираясь на труд Г.И. Карпова «Туркмения и туркмены», написанного на основе собранных авторских этнографических данных, Я.Р. Винников пишет, что, как и во всей Туркмении старейшины на среднем течении реки Амударьи не избирались населением. Он справедливо и уместно отмечает, что такие люди признавались обществом как влиятельные личности на основании их деятельности во благо народа и постепенно приобретали статус старейшин среди родственников (Винников, 1969: 77). При выборе старейшин туркменское общество руково-

дствовалось наличием у них жизненного опыта, чувства долга и справедливости, их преданности и верности народу.

Как пишет Я.Р. Винников, у туркмен во всех племенах всегда особым почетом и уважением пользовался всесторонне развитый, мудрый человек. Люди просили у таких людей не только советы по разным жизненным проблемам, но и просили их быть посредниками при решении возникающих спорных вопросов. Мнение аксакала, которого многие признавали старейшиной, принималось обществом беспрекословно. Исследователь пишет, что очень редкими были ситуации, когда ни одна из спорящих сторон не прислушивалась к мнению аксакала и не принимала его совета. Он подчеркивает, что спорящие стороны не обращались к мулле в поисках другого решения. Я.Р. Винников указывает на то, что если спорщики не могли решить вопрос с помощью сельского старейшины, то они обращались к старейшинам общинного уровня и всегда просили решить проблему мирным путем. Таким образом, опираясь на свой авторитет общепризнанных старейшин, они призывали своих родственников, соседей и односельчан к единению и согласию. Ссылаясь на сведения информантов, в качестве примера заслуженных старейшин автор приводит имена Рахима Берели из селения Пельверт Керкинского бекства¹ и Кадырбая из группы Довче туркмен-эрсари (Винников, 1969: 87–88).

Я.Р. Винников указывает на другой интересный факт: поскольку туркмены, жившие на среднем течении реки Амударьи, зависели от Бухарского эмирата, то аксакалы по мере своих возможности занимались и решением государственно-хозяйственных вопросов. Он пишет, что старейшины не забывали об интересах населения при сборе поземельного налога, выступая «защитниками благосостояния» односельчан перед государственными структурами. По оценке Я.Р. Винникова, такая ситуация была особенно характерна для Керкинского и Бурдалыкского бекств (Винников, 1969: 88). Известны примеры, когда бухарский эмир освобождал старейшин от тяжелых общественных работ (Винников, 1969: 88). Такая ситуация не соответствовала нормам и обычаям традиционного туркменского общества.

В историко-этнографической литературе некоторые ученые писали, что термины «аксакал» и «старейшина» редко употреблялись в семейной сфере. По их оценке, слово «аксакал» часто использовалось лишь на уровне села или общины. Я.Р. Винников делил старейшин на группу аксакалов сельских племен и на группу аксакалов родоплеменных объединений. Племенных (родовых) старейшин избирали, обсудив кандидатуры на совете сельских аксакалов и духовенства (Винников, 1969: 88).

В 30-х годах XX в. чиновники, участвовавшие в создании советской власти в животноводческих районах Туркменистана, писали в отчетах о роли старейшин в жизни скотоводов. Старейшины – главные советчики и наставники в ре-

---

¹ Бекство – административно-территориальная единица, земля, область, находившаяся во владении бека.

шении проблем в жизни местного населения. Они пользуются неограниченным авторитетом и уважением среди односельчан. Мнения, высказанные старейшинами, являются выражением общего мнения жителей села (Язлыев, 1992: 184).

Работы этнографов Г.Е. Маркова и А. Оразова показывают, что институт старейшин оставался очень влиятельным в жизни туркмен вплоть до 30-х годов XX в. Когда они писали о роли старейшин в жизни людей, живущих в Балканских горах, то особо отмечали, что скотоводческими селами управляли именно аксакалы, а не сердары (Марков, 1976: 231; Оразов, 1972: 73–74). В крупных селах самый старший выполнял руководящую роль среди старейшин. Но все проблемы он решал, советуясь с другими старейшинами села. В архивных источниках указывается на то, что старейший аксакал организовывал совет, где предлагал обсудить текущие вопросы. Исследователи подчеркивают, что его мнение лежало в основе общего решения (Язлыев, 1992: 185).

Военные царской России не раз указывали на то, что старший аксакал не имел права единолично вершить суд и принуждать участников совета к принятию именно его решения. В 70-х годах XVIII в. немецкий путешественник С.Г. Гмелин на примере мангышлакских туркмен писал, что «старейшины почти не имеют прав на своих соплеменников, односельчан, потому что не могут физически наказывать того, кто не следует общему мнению» (Гмелин, 1958: 207). Спустя более 100 лет генерал армии Российской империи Н.Г. Петрусевиич отмечал, что у южных туркмен старейшина не мог насильно никого заставить следовать принятому на совещании решению (Язлыев, 1992: 185). Данные, представленные в историко-этнографической литературе, свидетельствуют о том, что решения совета сельских старейшин имели нравственное, а не юридическое значение.

Г.И. Карпов отмечает, что население старейшинам не присягало, клятв им не давали и их не опекало. Когда было необходимо защитить старейшин, жители села выделяли им несколько молодых людей (Карпов, 1927: 38).

Одной из основных обязанностей старейшины села являлось решение проблем жителей деревни. К ним обращались, если кто-то совершал преступление, кражу, возникала необходимость примирения противоположных сторон, решения спорных вопросов. Если проблема была крайне сложной, то старейшины села совещались между собой, а при необходимости привлекали представителей духовенства. В районах Иолотани и Пенди в конце XIX в. в редких случаях на совет приглашали именитых старейшин (Язлыев, 1992: 185). По словам информаторов, после бесед, посреднических переговоров и советов старейшин и *яшули*, изначально непримиримые группы людей часто приходили к мирному соглашению друг с другом, обе стороны пожимали друг другу руки и говорили: «Мы простили их». После таких соглашений спорный вопрос считался разрешенным. Нередки были случаи, когда к мирному согласию по просьбе старейшин и *яшули* приходили по вопросам, связанным с гибелью людей.

Отказ от примирения сторон в туркменском обществе всегда осуждался. Свидетельством этому является выражение «*Төвалла зордан яман*» («Насилие

не приближает мир, а отказ от посредничества миру даже хуже насилия» – перевод авт.). Туркменская сельская община стремилась следовать традициям, принципу «примирения сторон». Это позволяло избегать применение силы. Возможно, пословица «*Уят өлүмден артык, уятсызың йүзи йырттык*» («Позор хуже смерти и водой его с лица не смоешь, оно там навсегда» – перевод авт.) связана с тем, что непринятие посредничества старшего поколения могло считаться позором. Так общество призывало к солидарности, а гуманистический подход становился принципом воспитания подрастающего поколения. Когда старейшины села видели драку детей, их ругань, грубость по отношению друг другу, то независимо от того, чей ребенок, они говорили: «Что ты делаешь? Не делайте этого, не ссорьтесь, не ругайтесь. Будьте мудры, уважайте друг друга, придите к согласию. Миритесь!» Такими словами они призывали молодое поколение к порядку и миру. Старшее поколение ко всем детям села относилось с большой любовью и считало своим долгом дать им достойное воспитание. Сельчане всеми силами поддерживали эту добрую традицию, потому что она призывала к единству, порядку, взаимному уважению, согласию в селе. Когда дети не слушались, родители, упоминая имя уважаемого старейшины в деревне, говорили в качестве назидания им такие слова: «Вот придет такой-то и поругает тебя, когда увидит твое поведение», «Не будешь слушаться, все скажу такому-то».

Общество резко осуждало тех, кто не прислушался к старейшинам, к близким родственникам почтенного возраста и называло их изгоями. Бывали случаи, когда такие люди были вынуждены уезжать из родного села и селиться в других местах. На новом месте им было нелегко, поскольку люди узнавали причины их переезда, их нравы и характер. Им в новых селах не выделялась земля, ограничивался доступ к воде.

Туркмены особо почитали старшее поколение в вопросах управления обществом, полагались на их мудрость и жизненный опыт. Народом былработан свод правил для совета, на котором руководящие принципы управления туркменским обществом основывались на мнении старшего поколения. Их советы представляли сложную и многоуровневую систему, выстроенную в соответствии с родоплеменной и общинной структурой туркмен. Это были общеплеменные (общем оазисном) советы, племенные советы, советы на уровне сельской общины (Türkmenistanyň taryhy, 1994: 190). До 80-х годов XIX в. в связи со сложной политической обстановкой в регионе часто созывались общеплеменные советы. На них обсуждались важные военные и хозяйственные вопросы, касающиеся всех членов племени: объявление войны, заключение договоров, подписание контрактов, защита населения от врагов, переселение на новые земли, очистка старых и рытье новых оросительных каналов, строительство и управление ими, сохранность посевов и скота, строительство крепостей, ремонт и восстановление домов, распределение земли и воды между племенами. По обсуждаемым вопросам делались выводы, принимались общие решения (Türkmenistanyň taryhy, 1994: 190).

Когда выбирали старейшин, особое внимание обращали на манеру их поведения, мировоззрение, ум, щедрость, великодушие, доброту и отдельно на то, что ставят ли они собственные семейные интересы выше общественных. Не каждый, кто прожил долгую жизнь, мог считаться сельским старейшиной. Для признания старейшин на уровне села большое значение придавалось их личной репутации и репутации их семей, сплоченности и порядочности их родственников. Об этом пишет поэт Махтумкули: «*Магтымгулы, овал өзүң дүзетгил, өзүңи сен өзгелере гөз этгил*» («Махтумкули, вначале исправь себя, стань примером для других» – перевод авт.). В стихотворении «Зор болар» («Будет») он подчеркивает:

*Ягшылыкда иле өзүн алдыран,
Алкыш алып, дережеси зор болар*
/ Кто был с людьми хорош, творил добро им, тот
Везде прославленным, везде воспетым будет

(Магтымгулы, 1976: 178).

Важность репутации будущего старейшины просматривается в фольклоре туркменского народа. Например, в пословицах: «*Кетхудасыны гөр, кендини ал*» («Посмотри сначала на старейшину, а после выбирай село» – перевод авт.); «*Чопансыз мал болмаз, кетхудасыз – ил*» («Без пастуха нет стада, а без старейшины – народа» – перевод авт.). У туркмен есть такая мудрость: «*Гарры – өйүң сүтүни*» («Старики – столб дома» – перевод авт.) и «*Гарры – өйүң диреги*» («Старики – опора дома» – перевод авт.). Смысл приведенных выражений заключается в подчеркивании роли мудрых и справедливых старейшин, способных управлять общиной и селом во имя всеобщего народного блага. Неслучайно старейшин называли «людьми народа».

Ряд ученых подчеркивает, что в прошлом пожилое поколение не имело права принуждать и судить односельчан, соплеменников. Это объясняется тем, что в условиях отсутствия централизованного государства лица, управлявшие сельской общиной, в том числе ханы, сердары, не имели оснований для наказаний народа. Правило старейшинства, просуществовавшее сотни лет в туркменском обществе, не являлось государственным институтом и не имело по-настоящему уголовно-правового характера (Язлыев, 1992: 183–196). Люди, выступающие старейшинами, не получали никакого вознаграждения от общины и ее членов за свой труд. Такую работу они считали служением обществу. По данным историко-этнографической литературы и сведениям информантов, старейшинство не было должностью, передававшейся по наследству. Туркменский этнограф Ч. Язлыев, опираясь на историко-этнографическую литературу, архивные источники и собственные этнографические материалы, пишет, что в туркменском обществе до начала XX в. право земельно-водное распределение отдавалось пожилому поколению до конца их жизни. Специалист отмечает, что старейшины освобождались от хозяйственных и воинских повинностей общины (Язлыев, 1992: 81). Это правило сохранялось у их семей.

Все важные вопросы от имянаречения новорожденного ребенка до погребения умершего человека доводились до старейшин, к их словам прислушивались и действовали согласно их наставлениям. Особую роль старейшины играли в урегулировании взаимоотношений между пожилыми и молодыми людьми. В народе на этот счет существовало несколько уникальных и общепризнанных неписаных правил. В традиции почитания старшего поколения считалось безнравственным и неуважительным по отношению к ним проявлять неумеренное бахвальство, допускать пустые разговоры, грубо вступать в разговор, неуместно комментировать и смеяться. Подобное поведение считалось неприемлемым в обществе. Старейшины призывали молодых людей вести себя благородно и достойно как на публике, так и в семье. Серьезность поведения считалась проявлением ума и такта. Сами *яшули* могли разговаривать, обсуждать и вести беседы с молодежью. Разговоры взрослых с подрастающим поколением рассматривались как народная школа воспитания.

Туркменский этнопедагог Г. Пирлиев об отношениях между туркменскими пожилыми и молодыми людьми пишет:

Когда молодые люди встречали стариков, они здоровались с ними немного склонившись, с уважением. Вежливо спрашивали о здоровье. Они помогали им выйти из машины, если что-то было в руках, то они помогали донести вещи до места назначения, поддерживая за локоть, поддерживали их при ходьбе. Считали неправильным слишком много говорить при них, если они сами о чем-то не спрашивали (Пирлиев, 1981: 31).

По сведениям наших информантов, молодежь в туркменском обществе прислушивается к советам старших, часто выполняет работу, следуя их советам. Сами советы и наставления, высказанные пожилым поколением, называются «золотыми словами». Осуждаются те, кто не прислушивается к их мудрости и не следует их советам. Молодежь могут осудить за то, что они сидят спиной к старшим на свадьбах и праздниках, поминках, считая это проявлением неуважения к присутствующим. Не нравится старшим и когда молодежь проходит перед сидящими родственниками, долго разговаривает с девушками, женщинами. Такое поведение осуждается, оценивается как несоответствующее национальному воспитанию. В разговоре с пожилыми не стоит говорить им, что они состарились и что у них преклонный возраст. Такие разговоры считаются неуместными, невежливыми и неуважительными.

Как видим из проведенного анализа выявленных сведений, разные исследователи, в том числе этнографы XVIII–XX вв., отмечали положительную роль старшего поколения в организации жизни туркменского народа, их важную роль в воспитании подрастающего поколения. Старейшины пользовались безусловным почетом и уважением со стороны общества. Институт старейшин должен быть важным жизненным принципом для нынешнего туркменского общества и примером для будущих поколений.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А.К.* Об этнографическом изучении этикета // *Этикет у народов Передней Азии.* Сбор. стат. М.: Наука, 1988. С.12–37.
- Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М.: Изд. Вост. лит., 1961.
- Васильева Г.П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969.
- Васильева Г.П.* Разложение водоземельной общины туркмен-нохурли в конце XIX – начале XX века // *Труды института истории, археологии и этнографии АН ТССР.* т. VI. А.: Изд. АН ТССР, 1962. С. 220–243.
- Винников Я.Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969.
- Гмелин С.Г.* Путешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // *Труды Туркменского географического общества.* Вып. I. А.: Изд. АН ТССР, 1958. С. 193–226.
- Гродеков Н.И.* Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. I. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1883.
- Карпов Г.И.* Пережитки бескультурья // *Туркменоведение.* 1927. № 1. С. 34–36.
- Карпов Г.И.* Туркмения и туркмены // *Туркменоведение.* 1929. № 10. С. 10–12.
- Карпов Г.И.* О туркменских ханах, сардарах, аксакалах, мирабах, джарчи и другие в Ахале (XIX). Ашхабад, 1937.
- Кёниг В.* Скотоводческое хозяйство у текинцев Ахала во второй половине XIX века // *Труды института истории, археологии и этнографии АН ТССР.* Т. VI. А.: Изд. АН ТССР, 1962. С. 244–261.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М.: Изд-во Московского университета, 1976.
- Ныязклычев К.* О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX – начала XX в. // *Труды института истории, археологии и этнографии АН ТССР.* Т. VII. А.: Изд. АН ТССР, 1963. С. 58–70.
- Овезов Дж.* Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. А.: Ылым, 1976.
- Оразов А.* Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX – начале XX в. А.: Ылым, 1972.
- Союнова А.* Традиционная система воспитания детей у туркмен // *Этнография Туркменистана.* Сб. статей. А.: Ылым, 1993. С.105–120.
- Язлыев Ч.* Туркменская сельская община. А.: Ылым, 1992.
- Генри де Блоквиль.* Туркменлеринкиде есирликде. А.: Алтын гушак, 1992.
- Магтымгулы.* Сайланан гошгулар. А.: Туркменистан, 1976.
- Пириев Г.* Туркмен халк педагогикасы. А.: Магарыф, 1981.
- Türkmenistanyň taryhy.* 1-nji kitap. А.: Ýlham, 1994.

REFERENCES

- Bayburin A.K. (1988) On the ethnographic study of etiquette. In: *Etiquette among the peoples of Western Asia. Digest of articles*. Moscow: Nauka Publ.: 12–37. (In Russ.)
- Bregel Yu.E. (1961) *Horezm Turkmens in the 19th century*. Moscow: Eastern Literature Publ. (In Russ.)
- Genri de Blok wil (1992) *In captivity in the Turkmen*. Ashgabat: Altyn Gushak Publ. (In Turkmen.)
- Gmelin S.G. (1958) Travel along the Caspian Sea to its eastern shore in 1773. In: *Proceedings of the Turkmen Geographical Society*. Vol. I. Ashgabat: AN TSSR Publ.: 193–226. (In Russ.)
- Grodekov N.I. (1883) *War in Turkmen's place: Skobolev's campaign in 1880–1881 years*. Vol. I. Saint-Petersburg: W.S. Balashev Publ. (In Russ.)
- History of Turkmenistan* (1994). Book 1. Ashgabat: Ylham Publ. (In Turkmen.)
- Karpov G.I. (1927) Vestiges of lack of culture. No 1: 34–36. (In Russ.)
- Karpov G.I. (1929) Turkmenistan and the Turkmens. *Turkmenovedeniye* [Turkmen Studies]. No 10: 10–12. (In Russ.)
- Karpov G.I. (1937) *About Turkmen khans, sardars, aksakals, mirabs, jarchis and others in Ahal (XIX)*. Ashgabat. (In Russ.)
- Kyonig W. (1962) Cattle breeding among the Tekins of Ahal in the second half of the 19th century. In: *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the TSSR*. Vol. VI. Ashgabat: AN TSSR Publ.: 244–261. (In Russ.)
- Magtymguly. (1976) *Selected poems*. Ashgabat: Turkmenistan Publ. (In Turkmen.)
- Markov G.E. (1976) *Nomads of Asia*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)
- Nyyazklychew K. (1963) About the cattle breeding and agricultural economy of South-Western Turkmenistan in late 19th – early 20th centuries. In: *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the TSSR Academy of Sciences*. Vol. VII. Ashgabat: AN TSSR Publ.: 58–70. (In Russ.)
- Owezow J. (1976) *Population of the Chandyra valley and the middle reaches of Sumbar*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)
- Piriyew G. (1981) *Turkmen folk pedagogy*. Ashgabat: Magaryf Publ. (In Turkmen.)
- Soyunowa A. (1993) Traditional system of raising children among Turkmens. In: *Ethnography of Turkmenistan. Digest of articles*. Ashgabat: Ylym Publ.: 105–120. (In Russ.)
- Wasilowa G.P. (1962) Decomposition of the water-land community of the Turkmen-Nokhurly in late 19th – early 20th century. In: *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the TSSR Academy of Sciences*. Vol. VI. Ashgabat: AN TSSR Publ.: 220–243. (In Russ.)
- Wasilowa G.P. (1969) *Transformations of life and ethnic processes in northern Turkmenistan*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Winnikow Y.R. (1969) *Economy, culture and life of the rural population of the Turkmen SSR*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Yazlyyew Ch. (1992) *Turkmen rural community*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)
- Orazow A. (1972) *Economy and culture of the population of North-Western Turkmenistan in late 19th – early 20th centuries*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Хоммьев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель, Туркменский государственный университет им. Махтумкули (744000, пр-т С.Туркменбашы, 31, Ашхабад, Туркменистан); <https://orcid.org/0009-0006-5641-9734>; e-mail: hommyyewt@mail.ru

Абдырахманова Аннагуль Шахимовна, соискатель, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана (744000, пр-т С.Туркменбашы, 18, Ашхабад, Туркменистан); <https://orcid.org/0009-0000-7152-2728>; e-mail: annagulabdyrahmanowa@gmail.com

About the authors:

Toyly B. Khommyyev, Senior lecturer at Magtymguly Turkmen State University (31 Saparmurat Turkmenbashy Ave., Ashgabat 744000, Turkmenistan); <https://orcid.org/0009-0006-5641-9734>; e-mail: hommyyewt@mail.ru

Annagul Sh. Abdyrahmanova, Doctoral Candidate at the Institute of History and Archeology, Turkmenistan Academy of Sciences (18 Saparmurat Turkmenbashy Ave., Ashgabat, 744000, Turkmenistan); <https://orcid.org/0009-0006-5641-9734>; e-mail: annagulabdyrahmanowa@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 14.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised 15.03.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.214-223>

The ritual of “qo‘sh chiqarish” among Uzbeks and its territorial features (on the example of the Fergana Valley)

A.A. Sarimsokov

*Namangan State University
Namangan, Republic of Uzbekistan
abdulsarimsokov@gmail.com*

Abstract. The settled population of the Fergana Valley is distinguished by a unique agricultural culture. It had a strong influence on the agriculture of the Kyrgyz, Kipchak, Kuramin, Yuzi, and Karakalpaks, who were engaged in cattle breeding in the past. Traditions and rituals associated with agriculture were formed on the basis of belief in the magical power of various agricultural cults. In such rituals as khudoyi (sacrifice), kosh chiqarish (plowing with an ox-drawn plow), shokhmoylar (lubrication of horns), kosh oshi (food prepared before plowing with an ox-drawn plow), performed before the start of spring work, ancient agrarian cults were preserved in syncretism with Islamic views.

Keywords: Ferghana, agriculture, peoples, sacrifice, qo‘sh chiqarish, shokhmoylar, qo‘sh oshi.

For citation: Sarimsokov A.A. The ritual of “qo‘sh chiqarish” among Uzbeks and its territorial features (on the example of the Fergana Valley). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 214–223. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.214-223>

Ритуал кош чикариши у узбеков и его территориальные особенности (на примере Ферганской долины)

A.A. Саримсоков

*Наманганский государственный университет
Наманган, Республика Узбекистан
abdulsarimsokov@gmail.com*

Резюме. Оседлое население Ферганской долины отличается уникальной земледельческой культурой. Оно оказало сильное влияние на земледелие киргизов, кипчаков, кураминцев, юзи, каракалпаков, занимавшихся в прошлом скотоводством. Традиции и обряды, связанные с земледелием, формировались на основе веры в магическую силу разных аграрных культов. В таких ритуалах, как *худойи* (жертвоприношение), *кош чикариши* (пахота плугом, запряженным волами), *шохмойлар* (смазывание рогов), *кош оши* (еда, приготовленная перед началом

пахоты плуг, запряженный быком), выполняемых перед началом весенних работ, древние аграрные культы сохранялись синкретично с исламскими воззрениями.

Ключевые слова: Фергана, земледелие, народы, жертвоприношения, пахота плугом, смазывание рогов, еда.

Для цитирования: Sarimsokov A.A. The ritual of “qo‘sh chiqarish” among Uzbeks and its territorial features (on the example of the Fergana Valley). *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 214–223. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.214-223>

Farming culture was an important factor in the emergence and development of the first centers of human civilization.

The study of the history of farming is very important to scientifically analyse the socio-economic development of nations and the development of manufacturing forces, specific features of farming culture, the stages of formation and development of irrigated farming and the related urbanistic processes at different stages of history.

Ancient farming culture, traditional agriculture and related rituals and agrarian cults have always been one of the most relevant and interesting problems for historians, archaeologists and ethnologists. In particular, the Fergana Valley, one of the ancient agricultural oases of Central Asia, is unique with its characteristic farming culture. The sedentary nations of the Fergana Valley such as Uzbeks, Tajiks and Uyghurs, which have long-standing experience in farming, have always had their influence in the field of farming on semi-sedentary and semi-nomadic nations, such as Kyrgyz, Kipchak, Kurama, Turk, Yuz, Karakalpak, who were engaged in live-stock breeding in the past.

The customs and ceremonies related to this occupation in the nations, who had been engaged in sedentary farming since the ancient times, were formed on the basis of beliefs in the magical power of various agrarian cults. For this reason, many customs and rituals related to farming are based on pre-Islamic deification of natural phenomena and worship of gods of heaven and earth. Historical and ethnographic materials show that the ancient agrarian cults did not completely disappear after the introduction of Islam, but were preserved syncretically with Islamic views and even reached the 20th century over the ages (Ashirov, 2007: 129). The patron saint of farming – the cult of Baba Dekhkan, which appeared on the basis of such thoughts, was widespread among the nations of Central Asia (Basilov, 1970: 144). According to local beliefs, Khizr is also the patron of farming. According to the Islamic views, farming was founded by Adam (Snesarev, 1969: 219). In particular, the Islamic views related to farming are clearly reflected in the “Pamphlet of Farming”.

Like other nations of Central Asia, the Uzbeks of the Fergana Valley also started their spring agricultural work according to the local calendar from the time of the transition from Pisces (Hut) to Aries (Hamal) constellation, that is, simultaneously with Navruz celebrations. According to the current lunar calendar, it includes the period from March 21 to April 21.

In the first month Hamal in farmer's calendar, the days get warm, the grass begin to grow and this month is a time full-scale of farming activities. Therefore, there is a saying “*Hamal kirdi, amal kirdi*” (*Aries arrived, sprouting began*). Farmers, gardeners, and livestock breeders had a wide range of use of these folk beliefs, proverbs, and sayings about the unique climate, weather, and other features of this month, emerged on the basis of long observations and experiences.

In almost all Turkic Muslim nations, before the spring works begin, “*khudoyi*” (sacrifice) is performed near mosques and graves. This ceremony is often held at the beginning of March under the leadership of old farmers and elders. In the past, wheat and food products were collected from each household, but later, a certain amount of money was collected as well. A calf or a sheep was bought with the collected money from the market, it was slaughtered for sacrifice, and cooked *halim* (a dish made out of boiled wheat and meat) from its meat. Halim is a ritual dish cooked mainly in various religious and public ceremonies, in which slaughtered mutton and wheat are put into a pot filled with water and boiled for about a day. Before the meal was ready, the men of the village divided into three or four groups and cleaned the village ditches. At lunch time, when everyone gathered, they ate the food prepared for “*khudoyi*”.

In similar ceremonies held in the first half of the 20th century, if the number of dishes was not sufficient, the workers ate the food on their washed and cleaned hoes. The food was sent to those who could not attend the ceremony. After lunch, the village mullah recited verses of the Holy Qur'an and the elders devoted this divine reward to the pure souls of those who passed away, and prayed the God asking for help to be prosperous and blessed, to get a good harvest in farming and to realise other good intentions.

These activities were usually done before the Navruz holiday. The Navruz holiday, which was rich in various traditions and rituals, ended with the beginning of field works, ploughing in the fields.

It can also be observed in the Fergana Valley that the farmers visit sacred places with their families before starting their farming works and after harvesting.

Particularly, the farmers from Altiariq Region visit Khizr Buwa in Rishtan, and the farmers from Almas Region visit the shrine of Khoja Abdurakhman ibn Awf in Chust and the Sunbul tomb related to it.

The visitation to these sacred places in two seasons of the year, according to its genesis, must be a reflection of the natural cults, i.e. the ancient calendar rituals related to the awakening and sleeping of nature. In general, the ancient Turks mainly held various sacrificial ceremonies in spring and autumn (Traditional worldview..., 1988: 46).

Even in the present day, although the land is ploughed with the help of machinery, on the first working day of the new year, the custom of performing “*khudoyi*” in the fields and in the sacred shrines has been preserved. For example, “Sad piri komil” in Kasansay District of the Fergana Valley, “Buonamozor” in Chust district, “Dosti Khudo” in Altiariq district are among them.

And in tractor parks, sacrifices are made for the sake of Prophet David, who was considered the “Patron saint of Blacksmithing”, for the smooth operation of machinery throughout the year.

The farmers of the Fergana Valley ploughed mainly in autumn. Because if the land is ploughed in spring, it can cause difficulties for the farmers all year round to crush the cuttings of the land. Therefore, there is a folk proverb “If you plough land, plough in autumn, if you don't plough in autumn, plough it hundred times”. Wheat and barley are sown and watered in autumn and brought to a state of lawn. Spring ploughing is for spring crops. The rituals such as “*qo’sh chiqarish*” (ploughing with an ox drawn plough) and “*shokhmoylar*” (horn greasing) were held during the spring ploughing period, and according to archeological data, its historical roots date back to the late 3rd century BC and the early 2nd century BC. In particular, the rock paintings found in Soymalitosh in the Fergana Valley depict the “first ox drawn plough” ceremony. Yu.N. Golendukhin analysed 32 pictures of Soymalitosh paintings depicting a farmer ploughing a field with a pair of oxen, and found that the tribes who left their petroglyphs were mainly engaged in farming. The number of rays in the symbol of the sun reflected on the rock is consistently repeated as 7, 12, 13, 15, 28. This gives reason to conclude that our ancestors, who used the traditional calendar representing the dates of field work, were aware of certain astronomical and mathematical patterns (Golendukhin, 1971: 181-202).

A.I. Bernstam, who described the pictures depicting the situation of ploughing as a “ritual-religious tablet”, also mentioned that the roots of farming culture in Central Asia were deep (Bernstam, 1952: 61).

G.A. Pomaskina, who researched the ancient views related to the cult of the Sun on the basis of Soymalitosh materials, also admitted that these rock paintings depicted the ceremony of ploughing the land and sowing crops in spring. (Pomaskina, 1976: 29).

The day of the “*qo’sh chiqarish*” was determined by public accountants and village mullahs. Because the first working day was of great importance for the future harvest. Rituals were often held on Wednesdays and Saturdays of the week, which were considered lucky and remarkable.

On the first day of ploughing by an ox driven plough, the local farmers prepared a pair of their best oxen. In the morning on the day of “*qo’sh chiqarish*”, the oxen were fed by soaked straw with a little flour and bran on. An animal, usually a ram, is slaughtered for the sake of Baba Dekhkan, and “*qo’sh oshi*” (a meal cooked before starting to plough with an ox drawn plough), in some areas “*qo’sh go’ja*” (a meal cooked before starting to plough with an ox drawn plough) made from wheat was cooked and served as a ritual meal. Usually, the products for the ritual food were collected from the houses in the neighborhood. Every house tried to make their contribution hoping that the harvest would be plentiful, the life would be good, and the family members would be healthy in the coming year.

In some areas, the ceremonial food was cooked by the villagers at the head of the field. “Khudoyi soup” was cooked in Uychi District of the Fergana Valley while

the Karakalpaks in the Qairogochovul Village of the Mingbulok District an animal (usually a rooster) was slaughtered at the head of the field before sowing the seeds in the ground. They got a single teenager do this work with the intention of having a blessed and fruitful year. Sacrificing a rooster on the day of the “*qo'sh chiqarish*” also existed in Bulgaria, where the bones of the rooster were buried in the ploughed land and it was believed that it would give power to the ground (Calendar customs..., 1983: 87). Women did not participate in the ceremony.

Until the ceremonial food was ready, the village mullah and senior farmers read the “Pamphlet of Farming” to the participants. According to the pamphlet, farmers should follow seven rules when ploughing the land and sowing seeds:

1. To be fair.
2. To be honest.
3. To be generous.
4. To believe in the unity of God.
5. To be in contact with respectable people.
6. To do what God commanded.
7. Not to try to deceive Allah.

It was believed that farmers who did not follow these rules could not get a good harvest. After that, they started working under the leadership of a senior farmer, asking God for a bountiful harvest and making good intentions.

On the eve of Navruz, on the eve of “*qozon tuldi*” (the pot is full) ceremony, if a delicious dish is prepared by filling the pots and filling all the pots with water, it is believed that the harvest will be plentiful in the coming year, and the pots filled with water will be blessed with God's grace. On this day, some oil, which the fried dough, a symbol of fertility, is fried in, is taken, and later during the ceremony of “*shokhmoylar*” they grease the horns, neck, and yokes of the oxen (Juraev, 2006: 83–90). According to the old people, if this was done, the horns of the oxen would be strong, the neck would not be injured by the yoke, and the oxen themselves would not get tired of work. In Kazakhs, an ox horn was greased in order to protect from an evil (Karmisheva, 1986: 56). Among the Uzbek Mangits in Khorezm, during the first sowing the seeds in spring, the horns of oxen were greased “for the sake of Adam” (Leonid, 1995:22).

Greasing the horns of oxen is probably one of the preserved manifestations of the belief in Central Asia that there is a special magical power in the horns of animals such as goats, rams, and mountain goats.

In all rituals related to farming, one can see that the cults of Baba Dekhkan and Khizr are prevalent. In each village, the oldest and most experienced farmer controlled the ceremonies and customs associated with taking the first plough to the field in spring, dedicating it to the patron of farming.

Among the various ethnic groups living in Central Asia, the first plough was brought by an old, respected elder of the village. What concerns the Caucasian peoples, among the Tabasaran and Lezgins, one person from the community slaughtered the ram and ploughed the land, while others did not interfere. If the harvest was good

that year, the same person would fulfill that work in the following year as well (Ragimova, 1987: 66). This work requires great responsibility from the person.

In general, at the beginning of any work in agriculture, there were old people, symbolised by Baba Dekhkan. The elder ploughed one, three or five times, and generally an odd number of times depending on his strength and then the first day of ploughing was finished in order to prevent the oxen from getting tired. In ancient Egypt, the first plough was driven by a pharaoh, by an emperor in China, and by kings in India. Their ministers sowed the seeds (Chibirov, 1976: 127). According to the ancient Indian epic “Mahabkhorat”, the king of the country took the burden of thousands of insects that died when the land was ploughed and started the first ploughing.

Uzbek-Karluks also made “is” (*the ritual in which people cook and give away the food in order to please the spirits of jinn and for the sake of the deceased*) before ploughing the field for the first time in early spring. They fried the doughnuts in the hot oil in the pot. The spirits of deceased ancestors would enjoy the “is” during this process and would wish good luck to their loved ones. Neighbors and close relatives ate the doughnut together, and they even gave a little doughnut to the oxen. Then they greased the horns of the oxen with the oil and put on amulets. According to the custom, the first ploughing was started by one of the elders of the village (Shaniyazov, 1964: 51).

This ritual was divided into three stages among the Kipchaks of Kosonsoy district of the Namangan Region:

1. *Dastlov* (Preparation) – on the first day yokes were placed on the oxen, and the ceremonies such as “Shokhmoylar”, “Khudoyi” were held and the elders started the work.

2. *Kashlov* (Scratch) – the second day.

3. *Boshlov* (Starting) – on the third day, more land than the previous days was ploughed and the oxen were adapted to the work. After the ceremony, all the farmers led their oxen and returned to their homes and continued the celebration. In some regions, at the end of the ceremony, water was sprinkled on the ploughed land in intention of having abundance of water throughout the year. Such customs date back to the Zoroastrian era and are associated with the cult of fertility.

The first ploughing ceremony is called “Saban wedding” in Tatars and Bashkirds (Gareeva, 2012: 27; Sinitskaya, 2014: 106–110; Urazmanova, 1977: 94–100; Sharafutdinov, 1997). Saban means a double ox, ploughing the land with oxen (Makhmud, 2005: 379).

Among the Tatars “Saban wedding” has its own characteristics, in the past it was held in spring with the participation of relatives, but at present it is celebrated in summer state-wide as a multi-staged holiday (Rakaeva, 2018: 158–166).

Formerly, in “qo‘sh chiqarish” ceremonies Patir (*a big loaf of tandoor bread*) and Kulchas (*a small loaf of tandoor bread*) made from “Mother wheat”, which was collected from the wheat harvest of the previous year, were distributed to the participants. Oxen were also given some of these loaves of bread and fumigate with wild

ruе. The seed grain was also mixed with “mother wheat” grain. If this was done, it was believed that it would be possible to get a bountiful harvest in the future. In many nations of the world, there were customs such as mixing nuts and eggshells with seeds, sowing the seeds when the moon was full, and placing an ax in the seeds in order to protect them from worms (Pirkulieva, 1975: 159; Sokolova, 1979: 148).

Sowing the seeds was entrusted to an experienced farmer. The farmer brought a handful of grain close to his mouth and said: “*Bismillahir Rahmanir Rahim! May Baba Dekhkan help us!*”, “*For the bird, the worm, the ants*”, “*For the orphans and the widows, the rest is mine*”, “*Give to the many, give to me among the many*”, “*Let one be a hundred, and a hundred be a thousand*” and then began sowing.

According to ancient views, the ox is a symbol of the man and the land is the symbol of the woman, and ploughing the land with an ox is considered as their mutual marriage (Tolstov, 1947: 282–341; Sharafutdinov, 2005: 42). It is said in “Avesta” about that: “If a farmer ploughs the land that has not been ploughed for a long time, this land will be satisfied with the farmer. It is like a pretty, young woman was yearning for an offspring and she reached her goal becoming pregnant from the man she desired.” (Avesta..., 2007: 22). Comparison of the land to the woman and the image of it as “mother land” can be seen in other nations as well (Tsybikov, 1981: 170).

In general, the ceremonies called by the names “qo’sh chiqarish”, “shokhmoylar”, “qo’sh oshi” were the first working day of the farmers in the new year, and they tried to welcome it as joyfully as possible. This is a view of the ancient peoples that the way the New Year is greeted, the same mood will accompany the whole year.

In conclusion it can be pointed out that the traditional farming rituals of the Uzbeks of the Fergana Valley are one of the oldest and most stable forms of folk traditions in terms of their appearance and existence. In the folk traditions related to farming, not only farming traditions and rich agrotechnical experiments, but also the traditional way of life of the people, ethnic history, traditions, religious views, in short, its past are reflected entirely. In addition, during the ethnological analysis of customs and ceremonies related to farming, it can be noticed that many aspects of farming culture have been preserved from ancestors to generations in the form of various customs and ceremonies.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

REFERENCES

- Ashirov A. (2007) *Ancient beliefs and rituals of the Uzbek people*. Tashkent: Alisher Navoi National Library of Uzbekistan Publishing House. (In Uzb.)
Avesta: The Book of Videvdat. (2007) Tashkent. (In Uzb.)

- Basilov V.N. (1970) *The cult of saints in Islam*. Moscow: Mysl Publ. (In Russ.)
- Bernshtam A.I. (1952) Rock carvings of Saimala Tash. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 2: 50–68. (In Russ.)
- Calendar customs and rituals in foreign European countries. Historical roots and development of customs (1983)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chibirov L.A. (1976) *Ossetian folk agricultural calendar*. Tskhinvali: Yrystan Publ. (In Russ.)
- Gareeva S.M. (2012) *Calendar and ritual traditions of the Russians of Bashkortostan (late 19th – early 20th centuries)*. Abstract of diss. cand. hist. sciences. Izhevsk. (In Russ.)
- Golendukhin Yu.N. (1971) Questions of classification and the spiritual world of the ancient farmer based on the petroglyphs of Saimaly-Tash. In: *Primitive art*. Novosibirsk: 181–202. (In Russ.)
- Joraev M. (2006) “Shokhmoylar” or “first double” movement in the system of Uzbek folk agrarian rituals. In: *Akademik Ya. Proceedings of the 37th meeting of the republican scientific seminar named after Ghulomov*. Tashkent: 83–90. (In Uzb.)
- Karmysheva Y.H. (1986) Agricultural rituals among the Kazakhs. In: *Ancient rituals of belief and culture of the peoples of Central Asia*. Moscow: Nauka Publ.: 47–70. (In Russ.)
- Mahmoud al-Kashgari. (2005) *Divan Lughat at-Turk*. Almaty: Dyke-Press Publ. (In Russ.)
- Pirkulieva A.N. (1975) Farming techniques in the Ahal oasis at the end of the 19th – early 20th centuries. In: *Economic and cultural traditions of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Nauka Publ.: 154–169. (In Russ.)
- Pomaskina G.A. (1976) *When the gods were on earth*. Frunze. (In Russ.)
- Potapovs L.P. (1995) *Materialien zur Kulturgeschichte der Uzbekenen aus den Jahren 1928–1930*. Mit begleitenden Worten des Sammlers herausgegeben und eingeleitet von Jakob Taube. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. (In Germ.)
- Ragimova B.R. (1987) Community rituals and holidays of the Samur Lezgins associated with the folk calendar (the 19th – early 20th centuries). In: *Calendar and calendar rituals of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: 64–70. (In Russ.)
- Rakaeva R.R. (2018) Traditional calendar holidays of Tatars of the post-Soviet period: cultural and historical aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. No. 1 (81): 158–166. (In Russ.)
- Shaniyazov K.Sh. (1964) *Uzbeks-Karluks (historical and ethnographic essay)*. Tashkent: Fen Publ. (In Russ.)
- Sharafutdinov D.R. (1997) *Sabantui is a way of life of the people*. Kazan: Gasyr Publ. (In Russ.)
- Sharafutdinov D.R. (2005) *Historical roots and development of traditional culture of the Tatar people. The 19th – early 20th centuries*. Abstract of diss. doc. hist. sciences. Kazan. (In Russ.)
- Sinit'skaya O.A. (2014) Bashkir holiday Sabantuy in the works of scientists and researchers. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 8 (337). Story. Vol. 59: 106–110. (In Russ.)
- Snesarev G.P. (1969) *Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Sokolova V.K. (1979) *Spring-summer calendar rituals of Russians, Ukrainians, Belarusians*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tolstov S.P. (1948) *Ancient Khorezm*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and peace*. Real world (1988). Novosibirsk: Nauka, Siberian branch Publ. (In Russ.)
- Tsybikov G.Ts. (1981) *About central Tibet. Mongolia and Buryatia*. Novosibirsk. Vol. II. (In Russ.)

Urazmanova R.K. (1977) National holiday Sabantuy among the Tatars. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography] No. 1: 94–100. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРА

- Авеста: Видевдат китоби. Тошкент, 2007.
- Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2007.
- Басилов В.Н. Культ святых в исламе. Москва: Мысль, 1970.
- Бернштам А.И. Наскальные изображения Саймалы Таш // Советская этнография. 1952. – № 2. С. 50–68.
- Гареева С.М. Календарно-обрядовые традиции русских Башкортостана (конец XIX – начало XX в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012.
- Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовной мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 181–202.
- Жўраев М. Ўзбек халқ аграр маросимлари тизимида “шохмойлар” ёки “биринчи кўш” удуми // Академик Я. Фуломов номидаги республика илмий семинарининг 37- йиғилиши материаллари. Тошкент, 2006. Б. 83–90.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. Москва: Наука, 1983.
- Кармышева Дж.Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды верования и культуры народов Средней Азии. Москва: Наука, 1986. С. 47–70.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- Помаскина Г.А. Когда боги были на земле. Фрунзе, 1976.
- Пиркулиева А.Н. Приёмы земледелия в Ахальском оазисе в конце XIX – начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. Москва: Наука, 1975. С. 154–169.
- Рагимова Б.Р. Общинные обряды и праздники самурских лезгин, связанные с народным календарем (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 64–70.
- Ракаева Р.Р. Традиционные календарные праздники татар постсоветского периода: культурно-исторический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 158–166.
- Синицкая О.А. Башкирский праздник сабантуй в трудах ученых и исследователей // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 106–110.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Москва: Наука, 1969.
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. Москва: Наука, 1979.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Москва: МГУ, 1948.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и мира. Вещный мир. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение, 1988.
- Уразманова Р.К. Народный праздник Сабантуй у татар // Советская этнография. 1977. № 1. С. 94–100.
- Цыбиков Г.Ц. О центральном Тибете. Монголия и Бурятия. Новосибирск, 1981. Т. II.
- Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ырыстан, 1976.
- Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки (историко этнографический очерк). Ташкент: Фан, 1964.

Шарафутдинов Д.Р. Сабантуй – образ жизни народа. Казань: Гасыр, 1997.

Шарафутдинов Д.Р. Историческая корни и развитие традиционной культуры татарского народа. XIX – начало XX вв. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2005.

Potapovs L.P. Materialien zur Kulturgeschichte der Uzbeken aus den Jahren 1928–1930. Mit begleitenden Worten des Sammlers herausgegeben und eingeleitet von Jakob Taube. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 1995.

Сведения об авторе: Саримсоков Абдилатип Абдирахимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, Наманганский государственный университет (160107, ул. Бобуршоҳ, 161, Наманган, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0001-3685-8012>; e-mail: abdulsarimsokov@gmail.com

About the author: Abdilatip A. Sarimsokov, Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Archeology, Namangan State University (161 Boburshokh St., Namangan 160107, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0001-3685-8012>; e-mail: abdulsarimsokov@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 28.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 15.04.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.224-232>

Урмай авылы мэхэллэләре тарихыннан (XVIII йөз уртасы – XX йөз башы)

Х.З. Баһаветдинова

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Ш.Мәрҗани исемдәге Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
halida12_61@mail.ru*

Кыскача аңлатма. Мәкаләдә Россия төбәкләрендә яшәүче татарлар тарихының бер аспекттын үз эченә алган Урмай авылы мэхэллэләре тарихына анализ ясала. Революциягә кадәр Казан губернасы составына кергән Урмай авылы хәзер Чувашстан Республикасы Комсомол районына карый. Архив чыганаclarы нигезендә авылда мөселман җәмгыяте (мэхәллә) барлыкка килү, яңа мәчет төзү тарихы, указлы муллалар сайлау тәртибе күрсәтелә. Авылда мөселманнар белән яңа чукундырылган керәшеннәр бергә яшәгәннәр.

Урмай авылы мэхэллэләрендә ике буын муллалар хезмәт иткәнлеге ачыкланды. Алар арасында низаглар да чыгып торган. Бүгенге көндә беренче мэхәлләне 65 ел житәкләгән имам Фәхретдин Сәйфетдин улы Солтановның оныкчылары аның эшен дәвам итәләр.

Ачык сүзләр: татар халкы тарихы, төбәк тарихы, мәҗрифәт, мэхәллә, имам, Урмай, Чуел өязе.

Сылтама ясау өчен: Баһаветдинова Х.З. Урмай авылы мэхэллэләре тарихыннан (XVIII йөз уртасы – XX йөз башы). *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 224–232. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.224-232>

Из истории мусульманских приходов села Урмаево (середина XVIII – начало XX вв.)

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
halida12_61@mail.ru*

Резюме. В статье проанализированы отдельные аспекты истории истории мусульманской общины деревни Урмаево. Это поселение, до революции входившее в состав Казанской губернии, сейчас является частью Комсомольского района Чувашской Республики. В публикации на основе архивных источников показана история возникновения мусульманской общины деревни, строительства мечети, порядок назначения указных мулл. Выявлено, что в деревне Урмаево татары-мусульмане проживали совместно с крещеными татарами. В общине служило два рода потомственных имамов, имевших между собой непростые отношения.

Сейчас дело имама Фахретдина Сайфетдина Султанова, 65 лет возглавлявшего первую махаллю деревни, продолжают его внуки.

Ключевые слова: история татарского народа, краеведение, образование, махалля, имамы, Урмаево, Цивильский уезд.

Для цитирования: Баһаветдинова Х.З. Урмай авылы мэхәлләләре тарихыннан (XVIII йөз уртасы – XX йөз башы). *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 224–232. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.224-232>

From the history of the Muslim parishes of the Urmaevo village (mid-18th – early 20th centuries)

Kh.Z. Bagautdinova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

halida12_61@mail.ru

Abstract. The article analyzes certain aspects of the history of the Muslim community of the Urmaevo village. This settlement, which was part of the Kazan province before the revolution, is now part of the Komsomolsky district of the Chuvash Republic. The publication, based on archival sources, shows the history of the emergence of the Muslim community of the village, the construction of the mosque, and the procedure for appointing decree mullahs. It was revealed that in the Urmaevo village Muslim Tatars lived together with baptized Tatars. Two families of hereditary imams served in the community, who had difficult relationships with each other. Now the work of Imam Fakhretdin Sayfedin Sultanov, who headed the first mahalla of the village for 65 years, is continued by his grandchildren.

Keywords: history of the tatar people, local history, education, mahalla, imams, Urmaevo, Tsivilsky district.

For citation: Bagautdinova Kh.Z. (2024) From the history of the Muslim parishes of the Urmaevo village (mid-18th – early 20th centuries). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol.9. No.2: 224–232. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.224-232> (In Tat.)

Казан губернасы Чуел (Цивиль) өязенә караган гыйбрәтле үткәнебезнең бер кисәген үзенә сәндәргән авылларның берсе – хәзерге Чувашстан Республикасы Комсомол районына кәргән Урмай авылы.

Административ-территориаль яктан Урмай авылы башта Казан өязе Нугай даругасы, ә 1780 нче еллардан Казан губернасы Чуел өязе составына керә.

Инкыйлабка кадәр татар авылларында дини тормыш, әхлакый тәрбия һәм горөф-гадәтләр нигездә дин әһелләре житәкчелегендә тормышка ашырыла. Дини-тәрбия институтларын өйрәнгәндә, мэхәллә тарихы үзәк урынны алып тора, руханиларның язмышы гыйбрәтле һәм игътибарга лаек.

Урмай авылында мөселман жәмгыяте (мэхәллә) барлыкка килү һәм беренче мәчет төзелү тарихы серләрен ачыклаучы төгәл мәгълүматлар безнең

көннэргэ кадэр килеп житмэгэн. Шулай да мөселман жәмгыяте тарихы авылның борынгы тарихы белән тыгыз бәйләнгән.

Безнең көннэргэ кадэр сакланган язма чыганакта – 1716 елгы ландрат кенәгәсендә Урмай авылы халкы исемлегә бар (Россия дәүләт борынгы актлар архивы (РДБАА). 350 ф. 1 тасв. 158 эш. 92–98 кгз.и.я.). «Казан губернасы татар мәчетләре» турындагы документта мәчетнең төзелү вакыты «йөз ел элек» дип теркәлгән (Ислаев, Галлямов, 2005: 309). Шулай булгач, Урмай авылы мөхәлләсенен борынгы булуына шик юк. Ичшиксез, татар халкы авылга нигез салу белән мәчет төзөгән, мәчет каршында мөхәлләсен дә оештырган.

Авил жәмгыяте тормышында аның рухи житәкчесе – имам аерым бер роль уйнаган. Халыкның дини ихтыяжларын канәгатьләндерү буенча үзеннән турыдан-туры вазифаларын башкарудан тыш, мулла хөкемдар ролен дә үти, бәхәсләрне шәригать кануннары буенча хәл итә. Яшь буынга дини белем бирә, мөхәллә кешеләреннән эхлакый халәтләрен күзәтә. Авылның дини-мәдәни тормышында мөһим роль уйнавы, эхлак ягыннан пакълегә һәм зур рухи абруе нәтижәсендә мулла крестьяннары арасында зур хөрмәт казана.

1829 елда мөселман руханиларына мөһим дәүләт функцияләре йөкләнә. Мулла мөхәллә кешеләреннән гражданлык хәле турындагы актларны алып барырга – махсус документларда (метрика кенәгәләрендә) туу, никахлашу, аерылышу, үлү актларын теркәргә тиеш була. Бу документларны күпмедер дәрәжәдә хәзерге заман паспортларының аналогы дип атарга мөмкин. Дәүләтнең хокук киңлегендә кешеннән социаль-юридик хәле шуларга бәйле була. (Бүгенге тикшеренүчеләр өчен элекке документлар нәсел тарихларын тергезүдә, аерым шәхесләреннән шәжәрәләрен төзүдә иң әһәмиятле һәм мәгълүмати чыганакларның берсе булып тора.) Алай гына да түгел, муллалар жомга намазы вакытында патша указларын житкерергә, югары хакимияткә тугрылык анты кабул итәргә, мөхәллә кешеләреннән сәяси рухын, тәкъвалыгын күзәтеп торырга тиеш була.

1730 нче елларда төзелгән «Яңа чукундырылганнар эшләре комиссиясе» 1740 елдан «Яңа чукундырылганнар эшләре конторосы» дип үзгәртеләп, башка милләт халыкларын, шул исәптән мөселманнарны, көчләп чукундыру белән шөгылләнә. Миссионерлар үзләреннән уңышсызлыкларын мөселманнар йогынтысы белән аңлата башлагач, 1742 елның 10 маенда Синодның мәчетләреннән жимерү турындагы указы дөнъя күрә. Казан, Түбән Новгород, Әстерхан һәм Себер губерналарында мәчетләр күпләп юк ителә (Заһидуллин, 2021: 21).

1742 елда төзелгән «Экстрат в Правительствующий сенат ис Казанской губернии о татарских мечетях» дип аталган документ Мәскәү шәһәреннән Россия дәүләт борынгы актлар архивында саклана (РДБАА. 248 ф. 126 тасв. 803 эш). Чыганакта Нугай даругасына кергән Урмай авылы мәчете турында: «... В деревне Урмаево одна мечет[ь] при тридцати дворах, которая не сломана. Рас[с]тоянием она имеетца от Шихарданской мечети в пятидесят дву, от ново-крещенской деревни Киртелей в семидесят, от рус[с]кой ясашной деревни Тинбы в сороки верстах. А по скаске той деревни татар показано: она мечеть была

построена тому со ста лет. А новокрещен во оной деревне Урмаевой не имеетца», – дип язылган (Ислаев, Галлямов, 2005: 309).

Бу елларда Лука Канашевич (Аксак Каратун) Казан епархиясе епископы була. Аның эшчәнлеге тарихка чукындыру сәясәтенең иң көчле чоры булып кереп калган. Шулай булуга да карамастан, 30 хужалыктан торган Урмай авылы мәчете жимерелүгә дучар ителми. Әлбәттә авылны чукындыру сәясәте читләп узмый, халыкның бер өлеше православие динен кабул итәргә мәжбүр була.

Алга таба хөкүмәт белән татарлар арасындагы мөнәсәбәتلәр 1764 елда, патшабикә Екатерины II идарә иткән чорда йомшара. «Яңа керәшен контора»сы бетерелә, татарларны православиегә өндәү эшендә теләсә нинди көчләр чаралары тыела (Законнар тулы жыйнагы (ЗТЖ (ПСЗ)) – 1. XVI т. №12126). 1773 елның 1 июнендә чыккан «Барлык диннәргә тигез караш» указы ислам динен тануны үз эченә алган гаять мөһим закон акты булып санала. Ул мөселманнарның ирекле табынуга хокукларын ныгыта һәм жирле чиркәү башлыктарына һәм миссионерларга «барлык чит диннәргә кагылышлы» эшләргә тыкшынуны тыя (ЗТЖ–1. XIX т. №13996). 1783 елның 28 гыйнвар законы нигезендә мөселман руханиларын жирле мөселман жәмгыяте сайлавы буенча Россия гражданны арасынан билгеләп кую рәхсәт ителә (ЗТЖ–1. XXI т. №15653). Әлеге законнар Россиядәге мөселман жәмгыятең империянең дәүләт системасына ныклап кереп урнашуының, мөселман татарларның дини тормышы һәм табынулары тәртибе хокукый яктан билгеләнүнең башлангычы була.

Христиан чиркәүләреннән аермалы буларак, мөселман татарларның дини жәмгыяتلәрендә рәсми рәвештә билгеләнгән кырыс иерархик система булмый. Шуңа күрә алар белән идарә итү уңайлырак булсын өчен, 1788 елда хөкүмәт тарафыннан «Оренбург мөселман диния нәзарәте» оештырыла. Ул Эчке Россия һәм Себердә яшәүче барлык мөселманнарның югары житәкчелек һәм суд органы булып китә (ЗТЖ–1. XXII т. №16710, №16711).

1865 елда Урмай һәм Бәймәт авылларыннан торган мэхәлләдә 530 ир һәм 523 хатын-кыз санала. Жәмигъ мәчетендә имам вазифаларын 1835 елны указ алган имамнар Тажетдин Ильясов (15 май), Фәхретдин Сәйфетдин улары (26 июль) башкаралар.

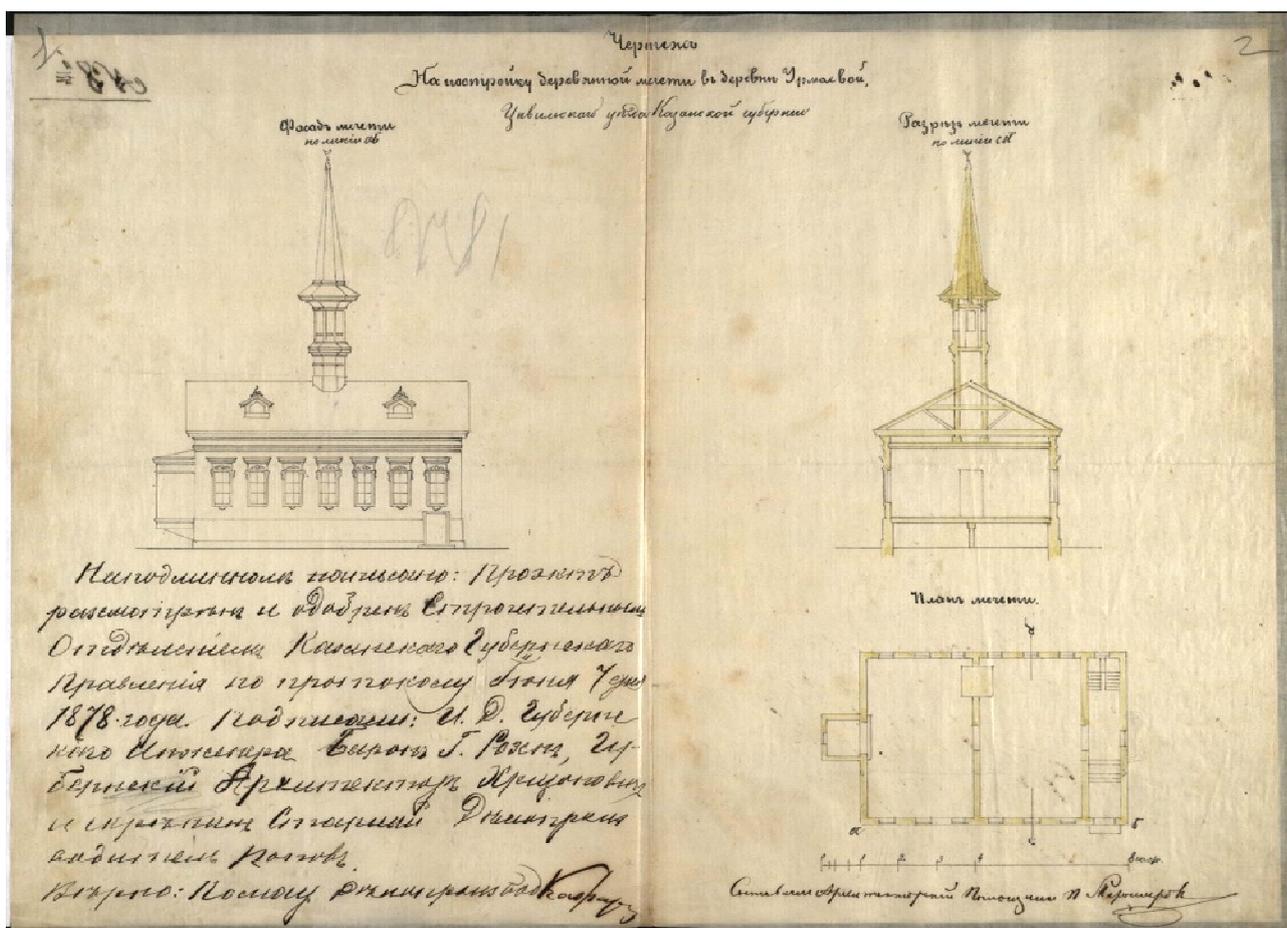
Авыл мулласының төп кереме булып мэхәллә халкының акчалата һәм әйберләтә биргән бүләкләре исәпләнә. Мөселман руханилары һәм мэхәллә кешеләре арасындагы финанс мөнәсәбәтләрен көйләүче билгеле бер дәүләт законы булмый. Алар электән килгән традицияләргә, мэхәллә эчендәге үзара килешүләргә, крестьяннарның матди мөмкинлекләренә нигезләнә. Шәригать кануннары жәмгыять эчендәге финанс мәсьәләләрен көйләүче төп чыганак булып исәпләнә. Мэхәллә халкы хезмәтләре өчен указлы муллаларга елына 20 сумга кадәр, азанчы – Габделмән Батый улына (указы 20 апрель, 1835 ел) 8 сумга кадәр иганәчелек ярдәме күрсәтә (Татарстан Республикасы Дәүләт архивы (ТР ДА). 2 ф. 2 тасв. 8 эш. 65–65 кгз.и.я.).

1875 елда мәдрәсәдә 18 шәкерт беләм алса (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 710 эш. 36 кгз.и.я.–37 кгз.), 1897 елда ир балалар саны 70 кә, ә 1902 елда 85 кә житә. Шу-

лай ук 1897 елда 50 (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 5568 эш. 332 кгз.и.я.—333 кгз.), 1902 елда 70 кыз бала абыстайдан сабак ала (ТР ДА. 2 ф. 1 тасв. 1510 эш. 310 кгз.и.я.—311 кгз.). Мәдрәсә ата-аналар ярдәме белән жылытыла һәм яктыртыла. Түбәндә китерелгән саннар укучы балаларның елдан-ел арта барганлыгын күрсәтә.

1878 елда мәхәллә халкы яңа мәчет төзү мәсьәләсен күтәрәп чыга. 1866 елда ук Урмай авылы мәчетендә янғын чыккан була. Барлык оештыру эшләрен алып бару өчен үзләре арасыннан Гафиятулла Ибәтуллинны вәкил итеп билгелиләр.

Мәхәллә исеменнән төзелгән карарда: «1 нче һәм 2 нче Урмай авылларында православие диненнән исламга кире кайткан 68 ир заты аерым яшиләр. Алар безнең белән дин эшләре буенча аралашмыйлар, руханиларыбыз аларны үзләре белән дога кылырга кертмиләр һәм кертмәячәкләр дә», – дип язылган (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 1256 эш. 1–1 кгз.и.я.). Моны дәрәс аңларга кирәк. Әйе, закон нигезендә исламга кайтучыларны мәхәллә исемлегенә рәсми рәвештә кертәргә ярамаган. Шулай да алар ислам кануннары нигезендә яшәгәннәр. Мәхәллә халкы аларга тискәре карамаган. 1905 елның 17 (30) апрелендә император Николай II нең «Дин ирегән ныгыту турында»гы указы нигезендә рәсми рәвештә үз диннәренә кайтырга хокук алганнар.

Урмай авылы агач мәчете планы. 1878 ел. ТР ДА. 2 ф. 14 тасв. 616 эш.

1878 елның 7 июнендә Казан губерна архитекторы Хрщонович мәчет проекты раслый (ТР ДА. 2 ф. 14 тасв. 616 эш). Мәчет бинасы агачтан, шул чорга хас типик план буенча төзелә.

1900 елның 30 августында Урмай авылыннан – 425, Яңа Бәймәттән – 3 гаиләдән 10 кеше, икенче мэхәллә төзеп, аерылып чыгу теләген белдереп карар төзиләр. Сәбәп итеп мәчетнең кысан булуын күрсәтәләр. 1857 елда кабул ителгән законда мәчет төзү өчен мэхәлләдә ир-ат затлар саны 200 дән ким булмаса, дин әһелләре хезмәтенә түләүне һәм хужалык чыгымнарын үзләре күтәрергә тиешлеге ассызыклана (ЗТЖ-3. VI т. 1 б. №4102).

Мэхәллә халкының карары шул пунктларны истә тотып төзелә: «Ислам шәригате нигезендә дин әһелләренә безнең тарафтан һәрбер йорт хужасы: 1) кеременең $\frac{1}{10}$ өлешен, 2) чалган хайванның тиресен һәм 3) “Ураза” бәйрәмендә һәр гаилә әгъзасыннан 10 кадак күләмендә бөртекле ашлык бирергә тиешлеген истә тотып, яңа мәчет каршындагы руханиларга карата да шәригать таләпләрен үтәрбез», – дип ышандыралар. Шулай ук яңа туган балага исем кушу, мәет озату, никах уку һ.б. йолаларны үтәгән өчен түләүне, мәчетне төзекләндереп тору, аеруча жылылык, яктылык һәм башка чыгымнарны мэхәллә халкы үз өсләренә алачакларын белдерәләр (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6309 эш. 15 кгз.).

Чуел өязе Беренче стан приставы мәчет бинасы төзеләчәк урынны килеп тикшерә һәм түбәндәге белешмәне төзи: «Мәчет бинасы авылның уртасында, хужалык утарларыннан берәз калкуырак жирдә булачак: көнчыгыштан-көнбатышка – 46 сажин, төньяктан-көнъякка – 53 сажин; көнчыгыштан – Сафиулла Вәлиев, көнбатыштан – урам, төньяктан – Әһлиулла Хәйбуллин һәм көнъяктан Гыйззәтулла Гобәйдуллин утарлары белән чикләнгән» (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6309 эш. 17 кгз.).

Авыл халкы яңа төзеләчәк мәчеткә мулла итеп беренче мэхәлләнең икенче имамы Тажетдин Жәмәлетдиновны сайлап куярга теләк белдерәләр. Ләкин икенче мэхәллә ачуга имам Фәхретдин Сәйфетдин улы каршы чыга. Карарның дәрәжә төзелмәгәнлеген күрсәтеп, рапорт яза: «Икенче мэхәллә исемлегенә беренче мэхәллә кешеләрен дә керткәннәр, авыл халкы болай да ярлы яши, имана жирләре төрле урыннарда урнашкан», дип, янадан тикшерүне сорый (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6309 эш. 18 кгз.и.я.). Барлык тикшерүләрдән соң, Диния нәзарәте мәчет төзүгә рөхсәт бирә һәм №1677 номерлы указ нигезендә 1902 елның 4 декабрдә Урмай авылында икенче мэхәлләгә нигез салына.

1901 елны 65 ел имам вазифасын башкарган, 50 еллык хезмәте өчен «Тырышлык өчен» («За усердие») көмеш медале белән бүләкләнгән, зур ихтирамга лаеклы имам Фәхретдин Сәйфетдин улы Солтанов вафат була.

1902 елгы исемлектә беренче мэхәлләнең имам вазифаларын 55 яшьлек хатыйб һәм мөгаллим Жәмәлетдин Тажетдин улы; ә икенче мэхәлләдә имам хатыйб вазифасын 57 яшьлек Насретдин Фәхретдин улы башкара дип күрсәтелгән (ТР ДА. 2 ф. 1 тасв. 1510 эш. 310 кгз.и.я.–311 кгз.). Чыганаclarны өйрәнү нәтижәсендә документта буталчылыklar булганлыгы ачыкланды. 1835 елдан алып беренче мэхәлләдә имам вазифасын башкарган Фәхретдин

мулланың улы Насретдин этисенең вафатыннан соң аның эшен дәвам иткән, димәк, иске мәчеттә беренче мәхәллә имамы вазифаларын үтәгән.

XIX йөз ахырында авыл муллаларын сайлау тәртибенә үзгәрешләр кертелә. 1896 елдан алар өяз училищелары советларында русча сөйләшә һәм укый алулары турында имтихан тотарга тиеш булалар (Заһидуллин, 2021: 143). 1897 елда Россия империясенең Беренче жан исәбен алу вакытында татарлар арасында булган каршылыklar, чуалышлар да эзсез калмаган. Булачак муллаларны бу мәсьәләдә дә ныгытып тикшерә башлыйлар.

Фәхретдин имамның улы Насретдин 1846 елның 7 мартында Урмай авылында туа. Ул 25 еллар чамасы Тамбов губернасы Елатьма өязендәге татар авылы Бастанда (хәзер Рязань өлкәсенә керә) мөгаллим булып хезмәт итә (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6465 эш. 4 кгз.).

Насретдин Фәхретдинов 1901 елның 1 гыйнварында Шацк шәһәрндә рус теленнән имтихан тапшырып, шул ук елның 5 маенда Диния нәзарәтеннән имам-хатыйб, мөгаллимлеккә дә сынау биреп, белешмә ала (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6465 эш. 11, 12 кгз.). 1902 елның 13 сентябрндә 34 номерлы указ нигезендә Губерна идарәсе тарафыннан беренче мәхәлләгә хатыйб итеп билгеләнә (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6465 эш. 29 кгз.).

Мөхәммәтзари́ф Жәмәлетдин улы 1878 елның 1 октябрндә Урмай авылында мулла гаиләсендә туа (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6627 эш. 14 кгз.). Ул 1902 елны Арча шәһәрндә мэдрәсә тәмамлый. Сентябрь аенда имтиханнар тапшырып, Диния нәзарәтеннән имам-хатыйб, мөгаллим дигән белешмә ала һәм икенче мәхәлләгә мулла итеп сайлана (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6627 эш. 1 кгз.).

Шулай да яңа мәчет ачылганчы муллалар арасында низаг чыгып тора. Диния нәзарәтенә шикаятләр язала.

Жәмәлетдин Тажетдин улы, үзе беренче мәхәлләдә калып, улын икенче мәхәлләгә куярга тели. Өяз исправнигы ике шикаят ала. Берсе – имам Насретдин Фәхретдиновтан: «Мин, Насретдин Фәхретдин улы, узган ел Урмай авылындагы иске мәчет каршында мулла вазифасына сайландым. Минем авылдашым Жәмәлетдин Тажетдинов хәзрәт, икенче мәхәлләгә расланганчыга кадәр, үз теләге белән яңа жәмигь мәчетенә күчеп, гыйбадәт кыла башлады. Ул, ялган юллар белән улы Мөхәммәтзари́фны икенче мәхәлләгә сайлап куяр өчен жәмгыятьтән карар төзетте. Үзе беренче мәхәлләдә калып, улын икенче мәхәлләгә куярга уйлый. Бүгенге көндә беренче мәхәлләдә мин имам булып торам» (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6627 эш. 5–5 кгз.и.я.). Икенче шикаяттә Урмай мәхәлләсенә кергән Яңа Бәймәт авылы крестьяннары Госманов һәм Төхфәтуллиннар карарның дәрәс төзелмәгәнлеген күрсәтәләр. Тикшерүләр уздырылганнан соң, Мөхәммәтзари́фның икенче мәхәлләгә сайлануында ялгышыклар табылмый һәм тугрылык анты бирергә рөхсәт ителә (ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6627 эш. 22 кгз.).

Революциядән соң илдә зур үзгәрешләр башлана. Репрессияләр көчәя, урта хәлле крестьяннары, дин әһелләрен сайлау ирегәннән мәхрүм ителә. Сталин репрессиясе корбаннары – «кулак»лар барлыкка килә. Авыл хужалыгында кол-

лективлаштыру башлана. Бу хәл авылда яшәүче хәлләрәк кешеләрнең малларын тартып алуға китерә. Аларны чит жирләргә, авыр эшләргә жибәрәләр. Мәчетләр ябыла. Фәхретдин мулланың оныгы, алты тел белгән укымышлы мөгаллим, мөезин Хәлим Сафиулла улы гаиләсе белән Ашхабадка китәргә мәжбүр була. Ире вафат булгач, Зәйрә ханым дүрт баласын алып туган якларына кайтырга чыга. Юлда өч кыз баласы авырып вафат була. Бердәнбер улы Габделбари белән Урмай авылына кайтып урнаша.

Бүгенге көндә Урмай авылында 3 мәчет халыкка хезмәт күрсәтә. Фәхретдин мулланың бишенче буын оныклары – жәмәгать эшлекләләре, дин әһелләре, нәсел тарихлары белән кызыксыналар, эзләнүләр алып баралар. Сафиуллин Хәйдәр Габделбари улы Чувашстан Республикасы татар милли-мәдәни мохтарияте рәисе, Фәнис Габделбари улы – Чувашстан Республикасы Диния нәзарәтенен үзәкләштерелгән дини оешмасы рәисе (мөхтәсиб), Урмай авылы Кара Пулат мәчете имам-хатыйбы. Аның улы Сафиуллин Ариф-Радик Фәнис улы (1992) Кострома шәһәре жәмигь мәчетендә имам.

Фәхретдин имамның нәселе зур, тармаклары киң таралган. Аның дәвамчылары арасында эшмәкәрләр, медицина хезмәткәрләре, дин әһелләре һ.б. һөнәр ияләре булу шатландыра.

Йомгаклап шуны әйтәсе килә, төрле авырлыктар, киртәләр булуға карама-стан, безнең бабаларыбыз үзләренең дини үзәкләрен сакларга тырышканнар, алай гына түгел, халык саны арту сәбәпле, үз хисапларына яңа мәчетләр, балалары белемле булсын өчен мәктәпләр төзөгәннәр. Шулар рәвешле горәф-гадәтләрен һәм традицияләрен буыннан-буынга тапшыруға ирешкәннәр.

Мәнфәгатьләр конфликты

Автор мәнфәгатьләр конфликты булмау хакында хәбәр итә.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЧЫГАНАКЛАР

- ЗТЖ–1. XVI т. №12126.
- ЗТЖ–1. XIX т. №13996.
- ЗТЖ–1. XXI т. №15653.
- ЗТЖ–1. XXII т. №16710, №16711.
- ЗТЖ–3. VI т. 1 б. №4102.
- РДБАА. 248 ф. 126 тасв. 803 эш.
- РДБАА. 350 ф., 1 тасв. 158 эш.
- ТР ДА. 2 ф. 1 тасв. 1510 эш.
- ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 8 эш.
- ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 710 эш.

ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 1256 эш.
ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 5568 эш.
ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6309 эш.
ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6465 эш.
ТР ДА. 2 ф. 2 тасв. 6627 эш.
ТР ДА. 2 ф. 14 тасв. 616 эш.

ӘДӘБИЯТ

Заһидуллин И.К. Мөфтиләр һәм казылар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021.

Ислаев Ф., Галлямов Р. Татарские мечети Казанского уезда середины XVIII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №2. С.303–311.

REFERENCES

Zagidullin I.K. (2021) *Muftis and qazis*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Tat.)

Islaev F., Gallyamov R. (2005) Tatar mosques of the Kazan District of the mid-18th century. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of centuries]. No. 2: 303–311. (In Russ.)

Автор турында белешмә: Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы, Идел буе һәм Урал алды тарихы бүлеге фәнни хезмәткәре, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенен Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты (420111, Батурин ур., 7, Казан, Россия Федерациясе); <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>; e-mail: halida12_61@mail.ru

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>; e-mail: halida12_61@mail.ru

About the author: Khalida Z. Bagautdinova, Research Fellow at the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>; e-mail: halida12_61@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 15.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.04.2024

СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРОЕКЦИИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.233-248>

Кооперативные организации северных карел в 1920-е годы (на примере Ухтинского уезда)

Е.В. Дианова

*Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация
elena-dianowa@yandex.ru*

Резюме. В статье показывается деятельность кооперативных организаций Ухтинского уезда в 1920-е годы. Основные задачи исследования состояли в том, чтобы выявить различные виды и формы кооперативных объединений жителей Ухтинского уезда Карелии; установить наиболее важные направления их деятельности. Ведущими методами выступили исторический нарратив, анализ и синтез информации, выявленной в архивных и печатных материалах, методы микроистории и регионалистики. Главными источниками стали документы из фондов Национального архива Республики Карелия. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на примере Ухтинского уезда, населенного северными карелами, рассматривается развитие различных видов кооперативных объединений крестьянства в Карелии с учетом не только национальной специфики, но и природно-климатических и внешнеполитических факторов. Автором выявлены трудности восстановления хозяйства в начале нэпа в Ухтинском уезде, пострадавшем от военных действий и плохих погодных условий. На примере Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов обнаружены отличительные черты работы кооперативных обществ в пограничной зоне и общие недостатки потребительской кооперации в 1920-е годы. Установлены другие виды кооперативных объединений, созданных в Ухтинском уезде: кредитное товарищество, сельскохозяйственная коммуна, мелиоративные товарищества. Выявлена особенность крестьянских кооперативов в северных селах, где создавались оленеводческие товарищества; показано значение кооперирования крестьянства для подъема экономики Ухтинского уезда.

Ключевые слова: северные карелы, нэп, потребительская кооперация, кредитное товарищество, сельскохозяйственная коммуна, мелиоративные товарищества.

Для цитирования: Дианова Е.В. Кооперативные организации северных карел в 1920-е годы (на примере Ухтинского уезда). *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 233–248. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.233-248>

Cooperative organisations of northern Karelians in the 1920s (based on the example of the Ukhta District)

E.V. Dianova

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russian Federation

elena-dianowa@yandex.ru

Abstract. This article presents the activities of cooperative organisations in the Ukhta District in the 1920s. The main objective of the research is to consider the various types and forms of cooperative associations of residents of the Ukhta District of Karelia and establish the most important areas of their activities. The leading research methods are historical narrative, analysis and synthesis of information identified in archival and printed materials, methods of microhistory and regional studies. The main sources of the research are documents from the funds of the National Archives of the Republic of Karelia. The scientific novelty of the study lies in the fact that, using the example of the Ukhta District, inhabited by northern Karelians, it examines the development of various types of cooperative peasant associations in Karelia, taking into account not only the national specifics, but also natural environment and climatic and foreign policy factors. In this regard, the difficulties of restoring the economy at the beginning of the New Economic Policy in the Ukhta District, which suffered from military operations and bad weather conditions, are revealed. Using the example of the Kemsk-Ukhta District Union of Cooperatives, distinctive features in the work of cooperative societies in the border zone were discovered and general shortcomings of consumer cooperation in the 1920s were detected. Other types of cooperative associations created in Ukhta district have been established: credit partnership, agricultural commune, land reclamation partnership. The peculiarity of peasant cooperatives in northern villages, where reindeer herding partnerships were created, was clarified; the importance of peasant cooperation for the economic growth of Ukhta district is shown.

Keywords: northern Karelians, NEP, consumer cooperation, credit partnership, agricultural commune, reclamation partnerships.

For citation: Dianova E.V. (2024) Cooperative organisations of northern Karelians in the 1920s (based on the example of the Ukhta District). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol.9. No.2: 233–248. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.233-248> (In Russ.)

В XX в. Республика Карелия часто меняла свой статус и внутреннее административно-территориальное деление. В 1920 г. появилась Карельская Трудовая Коммуна, куда вошли населенные карелами волости Олонецкой губернии и волости Кемского уезда Архангельской губернии, или Беломорская Карелия. В марте 1922 г. приграничные волости Кемского уезда были выделены в самостоятельный Ухтинский район в составе Карельской Трудовой Коммуны, с 25 июля 1923 г. – в составе Автономной Карельской ССР (АКССР). В октябре 1923 г. вместо этого района образован Ухтинский уезд. В 1927 г. территорию Ухтинского уезда разделили между Кестеньгским и Ухтинским районами (сейчас Лоухским и Калевальским районами).

В результате миграционных процессов в прошлом столетии Карелия превратилась в полиэтничный регион. В крае сохранились районы компактного

проживания карел. По наречиям карельского языка они делятся на этнолокальные группы: ливвики – юго-западные карелы (олонецкие или приладожские), людики – юго-восточные карелы (прионежские карелы) и собственно карелы (каръялани) или северные (беломорские карелы).

В 1920-е годы этнограф Д.А. Золотарев выделил отдельные подгруппы северных карел, имевших особенные «культурно-бытовые навыки» (Золотарев, 1927: 6). В Ухтинском уезде проживали ухтинские и кестеньгские карелы. Географическое положение и природно-климатические условия Ухтинского уезда определили специфику хозяйственного уклада и занятия населения.

Изучением различных этнолокальных групп карельского народа занимались многие советские и российские ученые (Тароева, 1965; Жербин, Морозов, 1983; Кочкуркина, 2004), а также финские исследователи (Киркинен, Невалайнен, Сихво, 1998). Опубликованы сборники статей, один из которых посвящен изучаемой территории (Исторические судьбы..., 2000), другой представляет собой историко-этнографические очерки (Народы Карелии, 2019).

Функционирование кооперативов в национальных районах Карелии в 1920-е годы раскрыто в публикации о крестьянских товариществах на примере Олонецкого уезда (Дианова, 2023). В данной статье раскрывается деятельность кооперативных организаций Ухтинского уезда этого же времени. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные виды и формы кооперативных объединений жителей Ухтинского уезда в 1920-е годы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть трудности восстановления хозяйства в Ухтинском уезде в начале нэпа; изучить работу Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов как уездного центра потребительской кооперации; установить другие виды кооперативов Ухтинского уезда и показать наиболее важные направления их деятельности.

Основными методами исследования выступают исторический нарратив, анализ и синтез информации, выявленной в архивных и печатных материалах, методы микроистории и регионалистики. Главными источниками являются документы из таких фондов Национального архива Республики Карелия, как Карельский областной комитет РКП(б)–ВКП(б) (ф. П-3); Кемско-Ухтинский районный союз кооперативов (ф. Р-508), Народный комиссариат земледелия АКССР (ф. Р-698), Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) АКССР (ф. Р-721). Большой интерес представляют рассекреченные сводки Государственного политического управления при НКВД РСФСР (ГПУ) в Карельский обком РКП(б) о положении в пограничных волостях; сведения ревизионных комиссий Рабкрин АКССР; отчеты кооперативных организаций; протоколы заседаний коллегии Наркомата земледелия. Наряду с архивными источниками привлекались опубликованные материалы 1920-х годов: «Ежегодник. Карельская Трудовая Коммуна. 1922 год» (Ежегодник, 1923) и «Статистический обзор АКССР. 1923–1924 годы» (Статистический обзор АКССР, 1925), периодическая печать.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на микроуровне на примере Ухтинского уезда, населенного северными карелами, рассматривается развитие различных видов кооперативных объединений крестьянства Карелии с учетом не только национальной специфики, но и природно-климатических и внешнеполитических факторов.

Трудности восстановления хозяйства в Ухтинском уезде

Экономическое положение Ухтинского уезда в начале 1920-х годов было довольно сложным. Население переживало последствия гражданской войны и «белофинской авантюры», представляющей собой вторжение вооруженных отрядов белофиннов в Советскую Карелию в октябре 1921 – феврале 1922 гг. В результате иностранного военного вмешательства пострадали приграничные волости Кемского уезда: Ухтинская, Тихтозерская, Ругозерская. На их территории сжигались деревни, уводился домашний скот, а общий ущерб, нанесенный экономике Карельской Трудовой Коммуны, составлял 5610 тыс. золотых рублей (Гардин, 1955: 41). Из имевшихся в Карелии 11 тыс. лошадей более 2 тыс. было угнано в Финляндию, около 1 тыс. погибло при перевозке грузов для Красной Армии (История Карелии, 2011: 457). В волостях и селах, находившихся в зоне боевых действий 1921–1922 гг., многие хозяйства, оставшись без лошадей, разорились.

Сокращение поголовья скота привело к нехватке органических удобрений и падению плодородия и без того скудной на севере земли. К тому же в 1923 г. погодные условия в Карелии были крайне неблагоприятные: все лето шли затяжные дожди. Как сообщалось в сводке ГПУ о положении в пограничных волостях в Карельский обком РКП(б) от 31 августа 1923 г., «водой от постоянных дождей затоплены сенокосы, во многих волостях даже унесло водой скошенное и собранное сено. Хлеба озимые и яровые вымокли, в северных волостях побиты морозом. Даже померз картофель». В ночь с 10 на 11 августа 1923 г. на почве наблюдались заморозки. Дожди и ранние заморозки привели к неурожаю (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 266. Л. 20).

Настроение жителей Карелии было «подавленное ввиду неурожая и неблагоприятной погоды для летних работ». Карельским чекистам пришлось признать, что «все население АКССР в политическом отношении, можно сказать, малосознательное». В части отношения населения к советской власти и РКП(б) граждане были разделены на три группы. К первой относились «голодающие, питающиеся разными суррогатами, но к советской власти относятся хорошо, доверчиво. Настроение подавленное». Во вторую группу вошли те, у кого «отношение к советской власти и РКП(б) зависит от материальных условий, если же последние удовлетворительные, то настроение и отношение хорошее. Если же нет, то легко поддаются влиянию кулацкого и противного советской власти элемента, и могут проявить ненависть и недовольство к советской власти». В третью группу было включено «зажиточное крестьянство и кулаки, в особенности пограничных волостей». Настроение у них было выжидательное «к измене-

ниям в благоприятную для них сторону». К советской власти они «относятся апатично», в то же время «симпатизируют бандитам», финским шпионам и лазутчикам (НА РК. Ф. П-3. Оп.1. Д. 266. Л. 20).

В 1923 г. на фоне недорода и угрозы голода в Кондокской волости и других волостях Ухтинского уезда отмечалось «оживление антисоветской агитации и разных угроз». Рост социальной напряженности больше всего наблюдался в тех пограничных деревнях, которые «все время посещали финские шпионы и агитировали против советской власти». Среди населения распускались слухи «о хорошем житье в Финляндии». Жители пограничных волостей Ухтинского уезда оказались восприимчивыми к финской агитации. Этому способствовало «плохое экономическое положение в пограничных деревнях и плюс к тому отсутствие всяких работ, где бы население могло заработать кусок хлеба». Как следствие – «среди крестьян отмечено отсутствие денег» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 266. Л. 39).

В связи с неурожаем чекисты Карелии обратили внимание на тяжелое материальное положение жителей северных карельских деревень: «Население, в особенности бедняки, переживают острый голод, питаются суррогатом, грибами, ягодами и рыбой». В Ухтинском уезде население питалось «хлебом из соновой коры с примесью малой доли муки». Были зафиксированы случаи, когда «во избежание голодной смерти несколько человек ушло за границу в Финляндию» (НАРК. Ф. П-3. Оп.1. Д. 266. Л. 20).

Для спасения населения северной Карелии от голода требовалось изыскать дополнительные средства. Еще осенью 1923 г., когда начали поступать сведения о том, что «плохо обстоит дело с засевом озимого клина, семян у населения совсем нет», принимались меры к обеспечению крестьян семенами. В других уездах Карелии крестьяне получили семенную ссуду от кооперации. Карельское земельное управление отпустило семена северным уездам, но их доставка в отдаленные районы из-за бездорожья была весьма затруднительна. На местах проводилась мобилизация крестьян, которых в принудительном порядке отправляли с подводами для подвоза семян, «не выдавая даже за провоз платы». Неудивительно, что «на этой почве среди крестьян отмечается недовольство» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 266. Л. 39).

В связи с образовавшимися трудностями возникла острая необходимость выхода из кризисной ситуации путем объединения населения в кооперацию. Вхождение разрозненных крестьянских хозяйств в кооперативы могло обеспечить восстановление хозяйства в Ухтинском уезде.

Потребительская кооперация в Ухтинском уезде

В поморских волостях Беломорской Карелии, отошедших от Архангельской губернии к Карельской Трудовой Коммуне, кооперативные организации были созданы еще в начале XX в. Почти все они входили в Архангельский губернский союз кооперативов. При переходе территории в состав Карелии некоторые единые потребительские общества (ЕПО) продолжили свою деятель-

ность, как например, Сумское ЕПО, открытое 16 августа 1913 г. в селе Сумский посад Кемского уезда. В распоряжении Сумского ЕПО имелись водяная мельница, карбас (НА РК. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 43/368. Л. 19). Однако в результате военных действий 1921–1922 гг. многие единые потребительские общества в Кемском, Паданском, и Ухтинском уездах были разорены и ликвидированы.

В начале нэпа все еще сказывались последствия политики «военного коммунизма», узаконившей бесправное положение кооперативных союзов, находившихся в подчинении у Народного комиссариата продовольствия. Население видело в кооперации лишь «раздаточную и заготовительную лавочку», поэтому зачастую относилось к ЕПО враждебно. Потребкооперация, находясь «в плачевном состоянии», в жизни карельского населения играла незначительную роль и с каждым днем все больше вытеснялась частными торговцами. Зачастую в кооперативах отсутствовал необходимый товар, были «слышны обиды на слабую торговлю» (Ежегодник, 1923: 97). Кооперативным работникам пришлось приложить немало усилий, чтобы возродить кооперацию на местах. В 1923 г. открылось Надвоицкое ЕПО. Благодаря деятельному участию учителей активизировали работу Калгалакшское, Лапинское, Летнеконецкое, Сухнаволоцкое ЕПО (НА РК. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 44/387. Л. 36, 44).

В январе 1924 г. партийное руководство АКССР выдвинуло предложение о создании на севере республики самостоятельного кооперативного союза, который бы обслуживал население Кемского и Ухтинского уездов, объединил бы их потребительские общества и кооперативные кустарно-промышленные товарищества. На IV конференции РКП(б) в апреле 1924 г. было принято решение создать Кемско-Ухтинский районный союз кооперативов для обеспечения жителей отдаленных северных уездов продуктами питания, предметами первой необходимости, в том числе орудиями рыболовного и охотничьего промысла.

Кемско-Ухтинский районный союз кооперативов (КУРСК) обслуживал территорию двух уездов общей площадью 66435 кв. верст. Распределение кооперативных организаций в Кемском и Ухтинском уездах было неравномерным. В момент своего создания КУРСК насчитывал 19 первичных кооперативов с 2660 членами. В основном эти кооперативы располагались на территории Кемского уезда, в Ухтинском уезде их не было, пока в 1924 г. не было создано Ухтинское сельское потребительское общество (сельпо). Вплоть до октября 1924 г., до открытия отдельного кооператива в селе Кестеньга, Ухтинское сельпо было единственной торговой площадкой в Ухтинском уезде. В апреле 1925 г. в Ухтинском уезде действовало всего два потребительских общества и Ухтинское кредитное товарищество, которые вошли в состав Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов (НА РК. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 43/366. Л. 15). В союз включились рыбацкие артели поморских сел Кандалакша, Гридино, Нюхча, Колежма, Поньгома, Шуерецкое (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 3/22. Л. 83).

В 1924 г. число первичных кооперативов в Кемском и Ухтинском уездах увеличилось с 19 до 28, в октябре 1924 г. они объединяли почти 4650 человек, что составляло 12 % населения двух уездов. Спустя год в октябре 1925 г. в союз

вошли 34 первичных кооператива, где числилось 6400 членов потребительских обществ и рыбацких артелей (НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д.13/162. Л. 316). Состав низовой периферии союза отражал особенности социальной стратификации населения Карелии.

Государственная торговля в отдаленных местностях Ухтинского уезда отсутствовала, а частных лавок там было не так уж и много. Поэтому КУРСК занял монопольное положение в снабжении крестьянского и рабочего населения края. Для завоза продуктов и товаров необходимы были крупные средства, которых из-за отсутствия денег у населения этот районный союз не имел. Капиталы сельских потребительских обществ и рыбацких кооперативов были ничтожно малы. Правлению союза пришлось кредитовать свою низовую сеть, иначе бы члены кооперативов остались без товаров. В то же время незнание потребительского спроса населения, слабая связь с низовой периферией привели к затовариванию складов райсоюза неходовым товаром. Сельпо покупали товар для своих лавок не в Кемско-Ухтинском союзе, а в трестах «Карелторг» и «Хлебопродукт» и даже в отделении Управления Соловецкого лагеря особого назначения, где условия отпуска товаров казались более щадящими, нежели в райсоюзе (НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 92/1056. Л. 40).

На северо-западе граница Ухтинского уезда совпадала с государственной советско-финляндской границей. В пограничных волостях наладилась торговля с Финляндией, откуда поступали товары по беспощлинному контингенту, так как для Ухтинского уезда ввиду пограничного положения были введены льготные права импорта. В то время из Финляндии уже пришли две партии товаров. Первая партия поступила в октябре 1924 г. (на сумму 8 тыс. руб.), вторая – в мае 1925 г. (на сумму около 7 тыс. руб.). В Ухтинский уезд поступил «товар в высшей степени ходовой: на реализацию мануфактурной части партии и холстинки и шерстяной ткани понадобилось всего полдня для каждой партии» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 628. Л. 171).

В 1920-е годы хроническим недугом кооперации являлось острая нехватка, а то и полное отсутствие собственных финансовых ресурсов. Кооперативная система Карелии и других областей жила за счет заемных средств. В мае 1925 г. Наркомат финансов РСФСР выделил кооперации Карелии денежную ссуду, часть которой (26 тыс. руб.) предназначалась Кемско-Ухтинскому районному союзу. Правление райсоюза само изыскивало дополнительные источники финансирования, беря ссуды у государственных учреждений и организаций. По договору с трестом «Северолес» союз получил крупную долгосрочную ссуду в размере почти 200 тыс. руб. для закупки продуктов питания и товаров широкого потребления для рабочих лесных промыслов (НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 92/1056. Л. 40).

Однако данная ссуда не использовалась по прямому назначению. В результате сложилось опасное соотношение собственных и заемных средств. Из всей суммы оборотных средств Кемско-Ухтинского районного союза в размере 773 тыс. руб. собственные средства составляли 109 тыс. руб. или 14 %, остальные

86 % приходились на долю заемных средств. В октябре 1925 г. вопрос о тяжелом финансовом положении Кемско-Ухтинского райсоюза рассматривался на VI Всекарельской областной партийной конференции. Тогда дефицит баланса союза составлял 100 тыс. руб. Кроме того, у союза имелись опротестованные векселя на 70 тыс. руб. (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 579. Л. 70).

В Ухтинский уезд для проверки деятельности Ухтинского сельпо за 1924/25 гг. отправили ревизионную комиссию Наркомата внутренней торговли (Наркомвнуторга) АКССР. Ревизор, уполномоченный Наркомвнуторга АКССР, прежде всего выяснял социально-экономическое положение Ухтинского уезда и то, как оно влияло на работу кооперации. Покупательная способность населения уезда складывалась от доходов сельского хозяйства и лесных промыслов. На лесозаготовках в сезон вырубалось до 300 тыс. бревен. Рубка, перевозка, сплав бревен давали промысловикам до 180 тыс. руб. дохода. Другие промыслы и охота увеличивали доходы населения еще на 10 тыс. руб. Все жители Ухты получали зарплату по государственному и местному бюджетам в размере 250 тыс. руб. Население уезда имело 100 тыс. руб. дохода от транспорта военных и гражданских грузов. Сюда еще нужно было добавить примерную стоимость продукции крестьянских хозяйств в сумме 60 тыс. руб. Так получалась довольно большая общая сумма денежного оборота в 600 тыс. руб. (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 628. Л. 169).

Покупательная способность населения Ухтинского уезда была достаточно высокой, а кооператив предоставил населению товаров на сумму всего 225–250 тыс. руб. При наличии большой покупательной способности население Ухтинского уезда обеспечивалось мануфактурными, галантерейными, железноскобяными и силикатными товарами только на 1/5 от потребности. Зачастую полки в лавках Ухтинского потребительского общества пустовали несколько месяцев подряд. Как признавались сами работники Ухтинского кооператива, «у нас в целом пока нет излишков текстильных, железно-скобяных товаров, а также и сахара» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 628. Л. 171).

Ревизор Наркомвнуторга АКССР отмечал, что «торговая политика Ухтинского кооператива во многом близится к лозунгу частного торговца «Лови момент». В условиях монопольного положения и полнейшего товарного голода в уезде в широчайшем смысле этого слова Ухтинский кооператив позволял себе установить какую угодно цену на товары, а крестьянство радо получить на каких угодно условиях кое-что из товаров первой необходимости, как для своего существования, так и для своего хозяйства». Далее ревизор делает вывод: «Эти перебои и товарный голод служат толчком к контрабандному вывозу пушнины и ввозу товаров, в которых ощущается недостаток, кроме того, осложняют и так тяжелое занятие по охране границе». Впрочем, ухтинские кооператоры обладали «жилкой своеобразного патриотизма по отношению к товарам внутреннего производства» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 628. Л. 170).

Просчеты в работе Ухтинского сельпо стали причиной проверки и Кемско-Ухтинского районного союза. Старое правление райсоюза обвинили в «бесхо-

зяйственности, отсутствии коммерческого подхода к делу, нарушении торговой и кооперативной этики, неосмотрительности, спекулятивном риске». Дело о «преступных деяниях» старого правления передали в прокуратуру. Проведенная ревизия дала толчок к оздоровлению финансового положения союза. На основе заявок потребительских обществ и населения новое правление составило закупочный план. Закупки проводились централизованно через Ленинградское представительство Северо-западного союза потребительской кооперации (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 579. Л. 70).

Однако, несмотря на принятые меры, финансовое положение Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов не улучшалось. Соотношение собственных и заемных средств складывалось как 1:19. Вопрос о финансовом положении союза рассматривался на пленуме Карельского обкома РКП(б) в январе 1926 г. Пленум постановил вновь провести ревизию и в случае обнаружения убытков поставить вопрос о ликвидации союза при сохранении низовой кооперативной сети (НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 4. Л. 31).

Новую ревизию в Кемско-Ухтинском райсоюзе проводила рабоче-крестьянская инспекция Карелии. Результаты обследования она направила в Карельский обком РКП(б). Проверка установила «небрежное хранение товаров на складах», выявила недостачу 140 пудов ржаной муки: из-за того, что мука была испорчена, ее пришлось выбросить. Кроме того, ревизоры увидели и другие факты небрежного хранения скоропортящихся продуктов: «14045 кг мяса говядины было свалено целыми тушами в замерзшем виде, оно представляет собой ни больше, ни меньше как темно-бурую, если не черную массу, лишенную всякого подобия мяса». В таком же положении находилась и треска. В количестве 26720 кг треска оказалась «разбросана по всему складу». Ревизоры не могли «гарантировать, что по ней не ходят» (НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 634. Л. 8).

По окончании ревизии обнаружился дефицит баланса в размере 320 тыс. руб. Рабоче-крестьянская инспекция установила, что в работе руководства райсоюза зафиксированы многочисленные нарушения: «...отсутствие правильной увязки деятельности отделов и правильного разграничения обязанностей между членами правления, бессистемность работы аппарата, неудовлетворительность учета и контроля, злоупотребление командировками, высокие наложения на товары, нерациональное использование кредита» и другие недочеты. Она постановила: «Принять срочные меры к образованию ликвидационной комиссии, чтобы предотвратить бесплановую ликвидацию союза» (НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 92/1056. Л. 41).

Руководство республики пыталось воспрепятствовать беспорядочной ликвидации Кемско-Ухтинского районного союза, но неорганизованный развал союза остановить не удалось. В 1926 г. журнал Северо-западного союза потребительской кооперации «Кооперативное строительство» откликнулся на это событие статьей под названием «Почему погиб Кемско-Ухтинский райсоюз?». Среди причин ликвидации союза названы неподготовленность правления к коммерческой работе; затоваривание складов неходовым товаром, в том числе

такой «завалью», как значки, воротнички, серёжки и прочей «рухлядью» (Кооперативное строительство, 1926: 42).

После ликвидации Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов незначительная часть потребительских обществ вошла в состав низовой сети Карело-Прионежского союза кооперации, остальные же общества распались или преобразовались в сельскохозяйственные товарищества и рыболовецкие артели. Среди кооперативов, которые смогли выжить и после ликвидации союза, было Ухтинское потребительское общество. Оно заложило основу для развития потребительской кооперации в северном карельском уезде.

Другие виды кооперативов Ухтинского уезда

В пограничной полосе, особенно сильно пострадавшей во время Гражданской войны, население нуждалось в финансах для строительства и ремонта жилых домов, сараев, хлевов, амбаров и других хозяйственных построек, подсобных помещений. Крестьянство испытывало острый недостаток сельскохозяйственных орудий труда и инвентаря. Помочь сельским жителям могла кредитная кооперация. В 1925 г. появилось Ухтинское кредитное товарищество. На протяжении ряда лет оно было единственным кредитным кооперативом в уезде, объединяя более 500 крестьян, лесозаготовителей, рыбаков и охотников. Ухтинское кредитное товарищество занималось выдачей ссуд для обеспечения населения орудиями промыслов, рабочим скотом, строительными материалами (Статистический обзор..., 1925: 28). Деловая документация в товариществе велась на русском и финском языках параллельно.

С помощью кредитной кооперации укрепились крестьянские общества взаимопомощи, ведущие лесозаготовительные операции. Жители поморских сел пользовались возможностью приобретения в кредит необходимого промыслового инвентаря, рабочего скота и получения небольших ссуд. Например, житель поморского села Кереть известный сказочник и сказитель Матвей Михайлович Коргуев (1883–1943), взяв ссуду в кредитном товариществе, смог приобрести два баркаса и снасти, купить лошадь, которые потом он сдал в общий фонд при вступлении в колхоз «Красный рыбак» (Серебряный корабль, 1988: 12).

На севере Карелии длительное время сохранялось подсечное земледелие, в некоторых местах использовалась двупольная система. Разработка земельных участков на севере помимо значительных финансовых затрат была сопряжена с рядом препятствий: отсутствием удобных мест, частыми отлучками мужчин на заработки, недостатком удобрений из-за слабой кормовой базы, частыми заморозками, низким уровнем агротехники (Народы Карелии, 2019: 98).

Рационализации земледелия в приполярных районах способствовало объединение усилий отдельных хозяев или кооперирование крестьянства. Созданием крестьянских кооперативов занималось Ухтинское уездное земельное

управление. Одной из таких кооперативных организаций Ухтинского уезда стала сельскохозяйственная коммуна «Сыны Севера». В 1926 г. в коммуне насчитывалось 10 человек: 8 мужчин и 2 женщины. Коммуна была создана как сельскохозяйственная, но она существовала за счет побочных промыслов и заработков. Ее деятельность в сельском хозяйстве была «слабо развита, так как состав коммуны выдвинут из рабочей и ремесленной среды». Тем не менее, коммунары занимались выращиванием сортовых семян, хотя «посев был ничтожный». В пользовании коммуны находилось 60 га земли, из них 16–17 га пахоты, 4 га земли было поднято вновь. Коммунары имели трех лошадей, племенного жеребенка, 13 коров и 8 телят, но у них было «плохо с кормами». Для развития производственной деятельности коммуна «Сыны Севера» брала кредиты у местных организаций. В результате образовалась задолженность: Ухтинскому кредитному товариществу – 500 руб., Ухтинскому крестьянскому комитету общественной взаимопомощи – 1228 руб. Несмотря на имевшиеся долги, коммунары строили планы на будущее. Они мечтали провести мелиорацию земельных участков, возвести новый скотный двор, улучшить кормление скота, в целом «придать хозяйству культурный характер» (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 86).

В ходе обследования этого сельскохозяйственного объединения комиссия Наркомзема АКССР отметила «жизнеспособность коммуны, спаянность, энергичность, дисциплинированность ее членов». Комиссия указала местным земельным органам на то, что коммуне «Сыны Севера» нужно оказать помощь. Прежде всего ей требовалась долгосрочная ссуда до 2000 руб. Предлагалось «составить организационный план сельскохозяйственных работ и мелиорации, дать агронома, помочь в строительстве скотного двора, втянуть коммуны в культураблуду» (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 87).

Кооперирование крестьянских хозяйств в северных карельских селах имело свои особенности. Так, на севере Карелии в силу природных условий имелось мало животноводческих товариществ. В 1927 г. в Ухтинском уезде действовало всего одно бычье товарищество по улучшению коровьего стада. В это товарищество входило 43 хозяйства с коровами. В это же время в Ухтинском уезде существовали два оленеводческих товарищества. После разделения Ухтинского уезда на районы одно товарищество оказалось в Ухтинском, другое – в Кестеньгском районе. Наркомзем АКССР выдал оленеводческим товариществам кредиты на приобретение молодняка северных оленей, организацию пастбищ и развитие оленьего хозяйства (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/82. Л. 29, 112).

В целом кооперативные товарищества Ухтинского уезда отражали специфику местного хозяйственного уклада, сочетавшего земледелие и животноводство на приполярных территориях края.

Мелиоративная кооперация

Природно-климатические условия Беломорской Карелии таковы, что здесь нет обилия удобных полей для занятия хлебопашеством и пригодных для сенокоса лугов. В Ухтинском уезде, где лесотундра и карельская тайга перемежались с труднопроходимыми болотами, также было мало удобных для земледелия почв. Преобладающие на севере края подзолистые и болотистые почвы могут быть использованы в сельском хозяйстве только после осушения и других мелиорационных работ.

В 1920-е года кооперация и Народный комиссариат земледелия АКССР активно занимались расширением пахотных земель и увеличением площадей под искусственными лугами с помощью мелиорации. Осушение заболоченных почв проводилось крестьянами, объединившимися в мелиоративные товарищества. Сначала все осушительные работы проводились вручную с помощью конной тяги, но во второй половине 1920-х гг. стали использовать трактора. В 1927/28 гг. трактора на мелиоративных работах впервые применялись и для обработки мелиорированных земель, их использование во многом носило опытный характер. Применение техники показало, что «машина быстро подвигает вперед работы». При появлении трактора члены мелиоративных товариществ «оживают, видя, что сразу же за осушкой следует распашка и дальше посев» (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 71).

В 1927 г. в Карелии работало пять тракторов, в 1928 г. приобрели еще три. Один гусеничный трактор «Фордзон» (мощностью 20 лошадиных сил) отправили в Ухтинский район. Трактор «Фордзон» завода «Красный путиловец» работал удовлетворительно на сухих с ровной поверхностью перелогах, но на сырых лугах и болотах он буксовал. Производительность такого трактора на старых перелогах с глинистой почвой мощной дерниной и остатками древесных корней с большими травянистыми кочками была от 0,3 до 1 га за 10-часовой рабочий день. Гусеничный трактор «Фордзон» заграничного производства хорошо работал на запущенных старых пашнях и на болотах с моховым покровом, но таких тракторов тогда в Карелии еще не было в достаточном количестве. Развитие мелиорации сдерживало отсутствие и более мелкого инвентаря – борон, мотыг, болотных катков, не изготавливаемых на заводах СССР. Этот инвентарь привозили из Финляндии и снабжали им пограничные районы, в том числе Ухтинский и Кестеньгский. В Ухтинский район было ввезено 96 разных орудий, что способствовало более энергичному выполнению осушительных работ (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 71).

Себестоимость мелиоративных работ была в разных районах Карелии не одинаковой. В Ухтинском районе вспашка трактором составляла 100 руб. за 1 га. Для сравнения: в Олонецком районе вспашка трактором целинных земель была 20 руб. за 1 га. Разница в стоимости работ объяснялась тем, что на севере Карелии, в частности в Ухтинском районе, имелось мало пригодных для обра-

ботки болот, трудозатраты мелиораторов были выше, чем на Олонецкой равнине. Стоимость конной вспашки по районам была тоже разной – от 90 до 120 руб., в Ухтинском районе она доходила до 250 руб. Ручными мотыгами обрабатывались болота только в Кестеньгском районе по цене две – три копейки копеек за один квадратный метр (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 74).

В целях увеличения производительности труда на работах по осушению заболоченных земель изыскивались различные средства. В Ухтинском районе нашли новаторский способ повышения продуктивности деятельности путем организации соревнования между 14 товариществами. В ходе трудового соперничества выявилось 8 передовых товариществ, которые получили премии от 65 до 450 р. на сумму 1516 руб. В других районах Карелии премии выплачивались за мелиоративные и культуртехнические улучшения (удаление с участков кустарников, кочек, камней, выкорчевку пней). Присуждение премий производилось областной конкурсной комиссией. Премии выдавались семенами, минеральными удобрениями, сельскохозяйственными машинами и орудиями труда. Денежные премии допускались лишь в особых случаях по ходатайству райисполкомов за рытье колодцев.

Первые посевы переходных культур на осушенных болотах в мелиоративных товариществах были произведены в 1926 г. В целом в течение 1926–1927 гг. товарищества Ухтинского района осушили 16 га земли, на которых высеялись травы. Новые сенокосные угодья дали ухтинским крестьянам дополнительно 51,1 тонн сена, в среднем около 3,2 тонн с гектара. В Кестеньгском районе мелиоративные товарищества ввели в сельскохозяйственный оборот 17,5 га лугов, с них получили 41 тонну сена, в среднем 2,4 тонны сена с гектара. В Карелии на искусственных лугах накосили в среднем от трех до пяти тонн сена с гектара. Хороший урожай переходных культур способствовал дальнейшему расширению посевов на осушенных болотах, возникновению новых мелиоративных товариществ, кооперативов по осушке заболоченных земель. Болотные культуры пропагандировались в печати и на собраниях. Образцы болотных культур экспонировались на сельскохозяйственных выставках в Шуньге, Сенной Губе, Ухте, Олонце и в других городах и селах Карелии. Мелиоративные товарищества Ухтинского района участвовали в выставках в Петрозаводске во время празднования 10-летия Октябрьской революции в 1927 г. (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/83. Л. 74, 75).

В 1927/28 гг. технические работы проходили в очень тяжелых погодных условиях. Дождливое лето 1928 г., затянувшиеся полевые работы до конца сентября, раннее выпадение снега (23 сентября 1928 г.) явились серьезным препятствием для мелиоративных работ. Слишком сырое лето увеличило и без того тяжелую конную вспашку болот. Многие товарищества совершенно не приступали к работам или из-за дождя были вынуждены бросать дело (НА РК. Ф. Р-698. Оп. 5. Д. 8/80. Л. 76). Тем не менее, первые результаты работ по осушению

почв были настолько впечатляющими, что в последующие годы мелиорация получила дальнейшее развитие.

* * *

На основе архивных материалов можно сделать вывод о влиянии природно-климатических и внешнеполитических факторов на жизнь северных карел. В начале 1920-х годов пограничные территории Карелии, в том числе Ухтинский уезд, оказались в зоне военных действий. Вторжение белофиннов привело к разорению многих сел и волостей. Одной из причин упадка сельского хозяйства явился неурожай и угроза голода 1923 г., что негативно сказалось на настроении местных жителей. Наиболее эффективным способом выхода из кризисной ситуации явилось объединение населения в кооперативы.

В Ухтинском уезде развитие получили такие виды кооперации, как потребительская, кредитная, сельскохозяйственная, животноводческая, мелиоративная. Местные жители создавали разные формы кооперативных объединений. В 1920-е годы в Ухтинском уезде действовали потребительские общества, кредитное товарищество, сельскохозяйственная коммуна «Сыны Севера», оленеводческие и мелиоративные товарищества. Потребительские общества занимались торговлей продуктами питания и предметами первой необходимости, они входили в состав Кемско-Ухтинского районного союза кооперативов. Деятельность Ухтинского кредитного товарищества была направлена на кредитование населения и выдачу ссуд для приобретения орудий труда, рабочего скота, строительных материалов. Коммуна «Сыны Севера» стремилась внедрить рациональные способы ведения сельского хозяйства. Большую роль в расширении пахотных земель и создании искусственных лугов сыграли мелиоративные товарищества. Кооперирование крестьянских хозяйств обеспечило восстановление и постепенный рост экономики Ухтинского уезда.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Ежегодник. Карельская Трудовая Коммуна. 1922. Выпуск 1. Петрозаводск Карельское Экономическое совещание и Карельское статистическое бюро, 1923.

Кооперативное строительство. Орган Северо-западного союза потребительской кооперации. Ленинград, 1926.

Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-3.

НА РК. Ф. Р-508.

НА РК. Ф. Р-698.

НА РК. Ф. Р-721.

Статистический обзор АКССР. 1923–1924 гг. Петрозаводск: Статистическое управление АКССР, 1925.

ЛИТЕРАТУРА

Гардин Е.С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921–1925). Петрозаводск, 1955.

Дианова Е.В. Кооперативные товарищества карельских крестьян в 1920-е годы (на примере Олонецкого уезда) // История повседневности. 2023. № 3. С. 161–184. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_161

Жербин А.С., Морозов К.А. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983.

Золотарев Д.А., Бломквист Е.Э. Западные финны: путеводитель. Л.: Государственный Русский музей, 1927.

Исторические судьбы Беломорской Карелии / отв. ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н.А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998.

Кочкуркина С.И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004.

Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019.

Серебряный корабль: Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск: Карелия, 1988.

Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965.

REFERENCES

Dianova E.V. (2023). Cooperative partnerships of Karelian peasants in the 1920s (using the example of Olonets district) In: *History of everyday life*. No. 3: 161–184. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_161 (In Russ.)

Gardin E.S. (1955). *Soviet Karelia during the recovery period (1921–1925)*. Petrozavodsk. (In Russ.)

Historical destinies of White Sea Karelia (2000). Petrozavodsk. (In Russ.)

History of Karelia from ancient times to the present day (2001). Petrozavodsk. (In Russ.)

Kirkinen H., Nevalainen P., Sikhvo H. (1998). *History of the Karelian people*. Petrozavodsk. (In Russ.)

Kochkurkina S.I. (2004). *Peoples of Karelia: history and culture*. Petrozavodsk. (In Russ.)

Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays (2019). Petrozavodsk. (In Russ.)

Silver ship: Tales of Matvey Korguev (1988). Petrozavodsk. (In Russ.)

Taroeva R.F. (1965). *Material culture of the Karelians (Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic): an ethnographic essay*. Moscow-Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)

Zherbin A.S., Morozov K.A. (1983). *Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic*. Petrozavodsk. (In Russ.)

Zolotarev D.A., Blomkvist E.E. (1927). *Western Finns: a guide*. Leningrad: State Russian Museum Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (185910, пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

About the author: Elena V. Dianova, Doctor Sc. (History), Associate Professor at the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Ave., Petrozavodsk 185910, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 30.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 1.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.249-261>

Практики хозяйствования народов Республики Хакасия в современных условиях

О.Л. Лушникова

*Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
Абакан, Российская Федерация
oltolt@mail.ru*

Резюме. В современных, ограниченных условиях российского сельского рынка труда актуализируется роль хозяйственной деятельности населения в качестве дополнительного или даже основного источника его средств существования. Эта проблема актуальна для народов, проживающих преимущественно в сельской местности. Особенности сложившегося хозяйствования локальных этнических общностей закрепляются в культуре и транслируются в виде этноэкономических укладов. Сегодня их сохранение и развитие рассматривается как возможность для роста региональных экономик. Насколько народы сохранили элементы традиционного хозяйственного уклада на современном этапе? Исследование проведено в Республике Хакасия. Здесь проживают хакасы (титульный этнос республики), шорцы (коренной малочисленный народ) и русские (этническое большинство в регионе). В статье сравниваются хозяйственные практики указанных этнических общностей.

Результаты исследования показали, что коренные народы сохраняют ориентацию на традиционные виды хозяйственной деятельности. Хакасы активно занимаются разведением скота. По сравнению с русскими и шорцами, они имеют более многочисленное и разнообразное подворье скота. Шорцы ориентируются на промысловую деятельность, для многих она является основным видом занятости. Русские менее вовлечены в хозяйственную деятельность, но в селах, где преобладает хакасское население, держат много домашнего скота. Они в меньшей степени склонны рассматривать хозяйствование в качестве весомого источника. Хакасы ориентируются на хозяйственную деятельность, свои жизненные стратегии они в основном связывают с селом. Шорцы стараются сохранить традиционные промыслы. В условиях таежной местности они для них являются наиболее доступным источником существования.

В нынешних условиях сложно говорить о весомом влиянии этноэкономических укладов коренных народов на развитие экономики Хакасии, так как на территории республики эти этносы составляют численное меньшинство.

Ключевые слова: этноэкономика, этноэкономический уклад, традиционный хозяйственный уклад, экономическое поведение, домашний скот, промыслы.

Для цитирования: Лушникова О.Л. Практики хозяйствования народов Республики Хакасия в современных условиях. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.249-261>

Economic practices of peoples of the Republic of Khakassia in present-day conditions

O.L. Lushnikova

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

Abakan, Russian Federation

oltolt@mail.ru

Abstract. In today's limited conditions of the Russian rural labour market, the role of economic activity of the population as an additional or even the main means of subsistence gains an increasing importance. This problem is relevant for people who live primarily in rural areas. The specifics of the existing management of local ethnic communities are established in the culture and presented in the form of ethno-economic structures. Today, their preservation and development is considered to be an opportunity for the growth of regional economies. To what extent have peoples preserved elements of the traditional economic structure at the present stage? The given study was conducted in the Republic of Khakassia, where the Khakass (the titular ethnic group of the republic), the Shors (small-numbered indigenous people), and the Russians (the ethnic majority in the region) live. The article compares the economic practices of these ethnic communities.

The results of the study showed that indigenous peoples retain their orientation towards traditional types of economic activities. Khakassians are actively involved in livestock breeding. Compared to Russians and Shors, they have a more numerous and more varied livestock farmstead. Shors are focused primarily on wild capture activities; for many, it is the main type of employment. Russians are less involved in economic activities, but in villages where the Khakass population predominates, they keep a lot of livestock. They are less inclined to consider economic activity as a significant source. Khakassians are oriented towards economic activity; they mainly associate their life strategies with the village. Shors try to preserve traditional crafts, which are the most accessible source of subsistence for them in taiga conditions.

In the current conditions, it is difficult to talk about the significant influence of the ethno-economic structures of indigenous peoples on the development of the economy of Khakassia, since these ethnic groups constitute a numerical minority on the territory of the republic.

Keywords: ethno-economics, ethnic economy, ethnoeconomical way of life, traditional economic way of life, economic behavior, livestock, crafts.

For citation: Lushnikova O.L. (2024) Economic practices of peoples of the Republic of Khakassia in present-day conditions. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No.2: 249–261. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.249-261> (In Russ.)

Вовлечение народов в процессы индустриализации и урбанизации значительно повлияло на изменение их традиционного образа жизни, привычных хозяйственных укладов, самобытных промыслов. Ориентация на занятость в рамках трудовых отношений по найму оттеснила на второй план ведение хозяйственной деятельности. Однако в современных условиях, связанных с высоким уровнем безработицы на селе, роль хозяйствования в качестве инструмента заработка и даже альтернативы занятости повысилась. Личное подсобное хозяйство и промысловая деятельность служат весомым источником дохода (Великий, Шабанов, 2019) и используются не только в целях собственного пропита-

ния (Жалсанова, 2018). Для некоторых народов это особенно актуально, поскольку они традиционно проживают в сельской местности. Более того, в современных условиях потенциал сельских территорий связывают именно с развитием локальных этноэкономик – исторически сложившихся хозяйственных укладов местных этнических общностей. Исследователи считают этноэкономические уклады перспективным ресурсом (Перова, 2016), способным дать импульс развитию региональной экономики (Ооржак, 2019), решить проблему занятости (Ахметов и др., 2012), повысить качество жизни населения малых национальных сел (Паникарова и др., 2011).

Основной вопрос исследования заключается в том, сохраняют ли российские народы ориентацию на традиционные хозяйственные уклады. Исследование проведено в полиэтничном регионе – Республике Хакасия, в которой проживают хакасы (титульный этнос республики), шорцы (коренной малочисленный народ) и русские (составляют этническое большинство в регионе). В статье сравниваются хозяйственные практики перечисленных этнических общностей в современных условиях.

Этноэкономический подход к исследованию хозяйственных практик

Хозяйственное поведение этнических общностей изучается в рамках такого научного направления, как этноэкономика. Некоторые исследователи считают, что этноэкономика еще не сформировалась как отдельное направление. Вместе с тем в научной литературе можно встретить много работ, описывающих ее теоретические и методологические принципы. Большая заслуга в расширении представлений об этноэкономике принадлежит отечественным исследователям, которые обосновали ключевые положения подхода, сформулировали определения некоторых понятий, определили основные направления исследований. Важность изучения хозяйственных структур с позиции этноэкономики исследователи объясняют необходимостью поиска перспективных путей устойчивого, взаимодополняющего и гармоничного социально-экономического развития общества (Сурнина, Печура, 2009: 100). По мнению специалистов, предметом изучения этноэкономики является этническая экономика, главный признак которой заключается в том, что ее функционирование и развитие определяется в первую очередь этническим фактором (Лебедева, Ломовцева, 2006: 110). Однако в своих рассуждениях авторы исходят из традиционного толкования такой экономики – как уклада этносов, основанного на использовании аграрных, натуральных, мелкотоварных форм производства, кустарных ремесел, домашнего труда (Овчинников, Колесников, 2006: 119). Сегодня этническая экономика рассматривается с точки зрения возможности ее конвертации в региональный экономический ресурс. Современные исследователи отмечают высокую жизнеспособность этноэкономических укладов (Персидская, 2019: 44) и способность адаптации к новым контекстам, даже за пределами изначальной территории их формирования (Андреев, 2017: 32).

Интерес к исследованию этноэкономических укладов связан с высокой оценкой их потенциала для развития региональных экономик. По мнению специалистов, «...хозяйственные системы... в поисках ресурсного обеспечения с целью своего развития, должны сконцентрироваться на своих собственных, внутренних ресурсах, при этом не следует ожидать прихода инвесторов со стороны» (Адаменко и др., 2020: 104). География этноэкономических исследований представлена теми регионами, где традиционно проживают разные российские народы – республики, расположенные на юге России (Колесников, 2003; Багомедов, 2014), Поволжья (Ахметов и др., 2012; Айдарбаков и др., 2019), сибирские регионы (Донгак, 2016; Симонов и др., 2020). Встречаются сравнительные исследования (Тюхтенева, 2018; Бадмаева, Кованова, 2020). В качестве самостоятельного направления можно назвать изучение этнического предпринимательства, интерес к которому вызван процессами возрождения традиционной культуры, самобытности, народных промыслов (Перова, 2016; Рунова, 2021).

В целом можно сделать вывод о том, что этноэкономика как научное направление развивается довольно активно. Это подтверждается увеличением количества публикаций по этой тематике. Продолжается процесс институционализации этноэкономики в качестве самостоятельной науки. Некоторые авторы выявляют общие законы взаимовлияния социально-экономических и этнических процессов, национальные особенности социально-экономического поведения (Павлов, 2016: 3). Вместе с тем среди исследователей доминирует представление об этноэкономике как о преимущественно экономической дисциплине (Бижоев, 2021: 148). Некоторые исследователи объясняют это спецификой экономической деятельности народов, которая определяет особенности ее научного обследования. В таком качестве одними из первых исследований экономики народов стали исследования, связанные с сельским хозяйством (Иванова, 2018: 10).

Наше исследование носит социологический характер. Основной фокус направлен на выяснение того, какую роль этноэкономические уклады играют в жизни народов в современных условиях.

Материалы и методы

Эмпирической базой послужили материалы социологического опроса, который проводился с 5 по 23 июня 2023 г. в сельских районах Республики Хакасия. Для достижения поставленных целей в качестве объекта исследования выбраны не только коренные народы, проживающие на территории республики (хакасы и шорцы), но и представители этнического большинства региона (русские). Отбор сел, в которых проходил опрос, осуществлялся исходя из особенностей расселений хакасов и шорцев. Основная часть сельских хакасов и шорцев сконцентрирована на территории двух муниципальных районов – Аскизского и Таштыпского. Шорцы проживают достаточно компактно в нескольких селах – Балыкса, Матур, Анчул. Во время работы в «поле» было решено охва-

тить такие села, как Бискамжа и Верх-Таштып, поскольку реальная численность шорцев оказалась значительно меньше данных официальной статистики. Из-за это была вероятность несоблюдения запланированной выборки. Для опроса отбирались села с преобладанием хакасского населения (Усть-Чуль, Усть-Камышта), с преобладанием русских (Таштып, Малые Арбаты) и смешанные (Аскиз, Имек).

Поскольку численность изучаемых этнических общностей неравнозначная (хакасы составляют около 12 % от общей численности населения региона, шорцы около 0,3 %, русские – около 80 %), в исследовании использовался принцип качественной представительности (целевая выборка). Итоговая совокупность опрошенных составила 566 чел., из которых 190 русских, 190 хакасов и 186 шорцев. Опрос проводился методом полуструктурированного интервью по месту жительства респондента, также проводился уличный опрос и использовался метод «снежного кома» (преимущественно для опроса шорцев). Обработка данных, полученных в ходе опроса, осуществлялась с помощью прикладного пакета обработки статистических данных SPSS IBM Statistics 19.0.

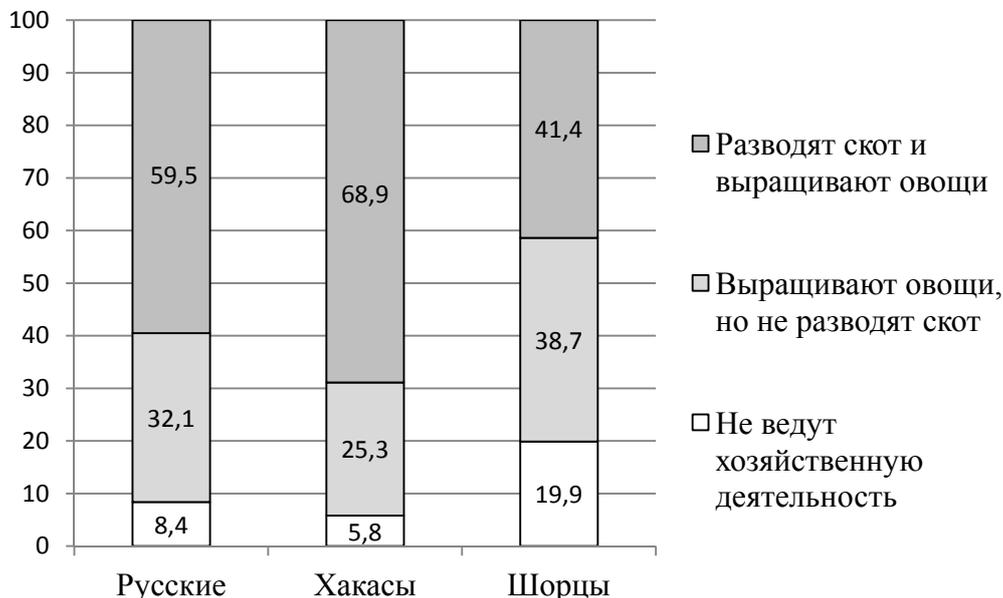
Разведение скота и огородничество

У хакасов традиционным видом хозяйственной деятельности является разведение скота, что связано с особенностями их расселения (преимущественно в степной местности) и с системой ценностей, в которой значимое место занимает скот и земля. Шорцы в основном сосредоточены в таежной, горно-таежной и притаежной местностях, поэтому традиционно занимаются промыслами – собирательством, охотой, ловлей рыбы. Проживающие в сельской местности русские выращивают овощи и разводят скот.

Полученные в исследовании результаты подтверждают, что коренные народы сохраняют ориентацию на исторически сложившиеся для своей этнической общности виды хозяйственной деятельности. Хакасы, например, склонны заниматься разведением скота, причем по сравнению с русскими и шорцами они более активны в скотоводческой деятельности (рис. 1). Хозяйство хакасов более многочисленное и разнообразное: они держат коров (46,8 %), свиней (48,9 %), птицу (43,2 %), овец (15,8 %) и других животных (12,6 %). Русские в среднем имеют в хозяйстве не более двух видов скота, причем один из них это птица (45,3 %). Шорцы не склонны держать много скота: 46,1 % из них держат на подворье всего один вид скота – чаще это корова (31,2 %), реже свиньи (19,9 %) или птица (18,3 %).

Рисунок 1

**Практики хозяйствования этнических групп
в селах Республики Хакасия, %**

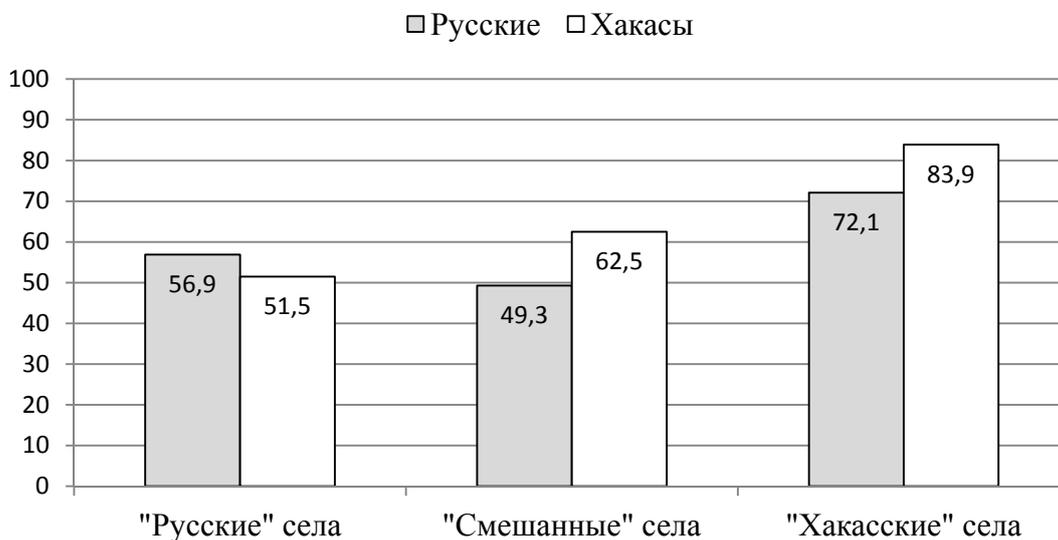

Низкая активность шорцев в скотоводческих практиках объясняется несколькими причинами. Во-первых, места их проживания расположены в таежной и, как правило, удаленной местности, не располагающей к разведению большого количества скота. Содержание животных обходится дорого: из-за отсутствия пастбищ и сложностей при заготовке его собственными силами увеличиваются затраты на покупку сена для крупного рогатого скота. Территориальная удаленность вкупе с плохими дорогами повышает стоимость и доставку кормов. Во-вторых, выращенный в таких условиях скот более мелкий, поэтому сбывать его невыгодно, особенно перекупщикам, которым «забирают» примерно треть от его рыночной стоимости.

Проживающие на территории региона русские ведут хозяйственную деятельность, но по сравнению с хакасами меньше разводят скот (рис. 1). Анализ хозяйственных практик в разрезе сел по этническому составу показал, что в селах с преобладанием хакасов русские так же активно занимаются разведением скота (рис. 2). В смешанных поселениях и в селах с преобладанием русских разница менее заметная, причем в последних хакасы даже уступают русским по уровню разведения скота. Можно сделать вывод о том, что социокультурная и этническая среда влияет на установки по ведению хозяйственной деятельности.

Рисунок 2

**Практики разведения скота этническими группами
в селах Республики Хакасия, %**

В целом, русские в меньшей степени склонны рассматривать практики хозяйствования как источник заработка. Разведением скота и огородничеством они занимаются в основном для обеспечения себя продуктами питания (88,5 %) или из соображений экономии (31,6 %) («чтобы не покупать в магазине»). У хакасов, помимо потребностей в пропитании, присутствуют и другие мотивы, например, высокая ценность земли, скота (33%) или сила привычки (34,1%).

Промысловые практики

Занятия промыслами являются традиционным видом деятельности для шорцев. Им, как коренным малочисленным народам, отведены специальные территории традиционного природопользования, на которых они могут вести промысловую деятельность. Большинство шорцев активно занимается промыслами (табл.).

Шорцы рассматривают промысловую деятельность не только как средство пропитания (56,7 %), но и как возможность заработка (33,1 %). Наибольшую прибыль им приносит сбор ореха, доход от которого позволяет осуществить крупные покупки (например, трактор или машину). Однако такая возможность появляется примерно раз в четыре года (в урожайные годы). В силу относительно компактного проживания шорцам удается сохранять элементы традиционного образа жизни, например, лечение травами, кореньями. Значительная часть шорцев собирает их именно в этих целях. По сравнению с русскими и хакасами шорцы более активно занимаются ловлей рыбы и охотой. На это есть несколько причин. Первая – наличие благоприятствующих этому занятию при-

родных условий (тайга, горные реки). Другая связана с закрепленным в законодательстве правом шорцев как представителей коренных малочисленных народов на круглогодичную охоту на территориях традиционного природопользования. Вместе с тем в последние годы эти территории находятся под угрозой из-за золотодобывающих компаний, наносящих непоправимый урон лесным угодьям (вырубается кедр, из тайги мигрирует зверь) и водным ресурсам (мельчают реки, уходит рыба). Респонденты отметили, что из-за «золотарей» (так в народе называют золотодобывающие компании) жизнь в последние годы значительно ухудшилась. Для шорцев промысловая деятельность имеет не только экономическое значение: они высоко ценят занятия промыслами, поскольку «так делали мои предки, и я буду» (39,3 %).

Таблица

**Занятия промыслами среди этнических групп
из сел Республики Хакасия, %***

Промысловые практики	Русские	Хакасы	Шорцы
Собирают ягоду	50	72,6	88,2
Собирают грибы	52,1	67,4	81,2
Орешничают	10,5	17,4	60,2
Собирают травы, коренья	14,7	16,8	45,2
Ловят рыбу	19,5	18,9	40,9
Занимаются охотой	8,9	8,4	24,2
Другие	1,6	2,6	1,1
Затруднились ответить	1,6	0,5	3,8
Не занимаются промыслами	35,8	21,1	4,3

* Сумма по столбцам превышает 100,0%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Хакасы и русские меньше вовлечены в промысловую деятельность (табл.). В основном они занимаются собирательством, причем преимущественно для собственного пропитания (77,3 % и 71,3 % соответственно). Они меньше рассматривают занятия промыслами как источник заработка (удельный вес «зарабатывающих на тайге» среди них не превышает 12 %), в том числе и по причине занятости на основной работе. У шорцев больше возможностей для занятия промыслами, поскольку больше половины из них являются безработными, пенсионерами или домохозяйками (55,3 %). В соответствии с законодательством шорцы имеют право на социальную пенсию, но получать ее могут лишь безра-

ботные, проживающие в определенных сельских населенных пунктах. Поэтому среди шорцев распространена практика неофициального трудоустройства.

* * *

По мнению исследователей, в нынешних условиях игнорирование этнической составляющей в анализе перспектив пространственного развития равноценно потере значимой части потенциала развития экономического пространства (Персидская, 2019: 44). С одной стороны, на уровне региональных властей Хакасии присутствует осознание необходимости учета этнических особенностей территории. Так, например, в республике действует несколько программ животноводческого направления – программа поддержки овцеводства для крестьянских (фермерских) хозяйств и для личных подсобных хозяйств; программа развития малых и отдаленных сел, предоставляющая субсидии сельским жителям за содержание скота на личном подворье. Программы рассчитаны на население, независимо от их этнической принадлежности, но в основном они действуют в районах, где проживают коренные народы. С другой стороны, в республике идет активное освоение таежной местности золотопромышленными компаниями, которые уничтожают природный ландшафт исконных территорий шорцев. Работа «золотарей» создает трудности для ведения традиционных видов промысловой деятельности, ставит их под угрозу. Для шорцев промыслы важны не только потому, что они представляют для них особую ценность, но и потому, что из-за отсутствия условий для ведения традиционного хозяйствования у них ухудшается материальное положение. Для многих шорцев промыслы являются основным источником существования.

Для хакасов разведение хозяйства связано с традиционным укладом жизни и системой ценностей, но в современных условиях скотоводческая деятельность, по мнению опрошенных, больше основывается на привычке («с детства привык», «так родители приучили»). Учитывая невысокую миграционную активность хакасов, можно предположить, что свои жизненные стратегии они связывают с селом. Поэтому хакасы в выборе средств существования ориентируются на доступные ресурсы в условиях сельской местности. Занятие промысловой деятельностью для них более затруднено, поскольку большинство сельских хакасов проживает в основном в степной местности.

Несмотря на воспроизводство коренными народами элементов традиционного хозяйственного уклада, в нынешних условиях сложно говорить о весомом влиянии их этноэкономических укладов на развитие экономики Хакасии, поскольку на территории республики эти этносы составляют численное меньшинство.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Адаменко А.А., Хорольская Т.Е., Петров Д.В. Предпосылки возникновения и востребованность теории этноэкономики в контексте новой экономической реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 104–109. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109>

Айдарбаков Ф.Ф., Барлыбаев А.А., Барлыбаев У.А., Насыров Г.М., Ситнова И.А. Развитие предпринимательства в сельской местности: этноэкономический аспект (на примере Республики Башкортостан) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3(174). С. 80–90.

Андреев А.Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.03>

Ахметов В.Я., Бердникова Г.И., Барлыбаев А.А., Рахматулин И.М. Этноэкономика и ее роль в повышении занятости сельского населения // Аграрная наука. 2012. № 2. С. 10–11.

Багомедов М.А. Этноэкономика и проблема реализации приоритетного проекта «обелевание экономики» Дагестана // Вопросы структуризации экономики. 2014. № 3. С. 12–21.

Бадмаева Н.В., Кованова Е.С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305>

Бижоев Б.М. Концептуализация этноэкономики: инструментально-методический анализ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11-2. С. 143–148. <https://doi.org/10.17513/vaael.1927>

Великий П.П., Шабанов В.Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 4. С. 105–121. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121>

Донгак Б.А. Особенности этнического хозяйства тувинцев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 1. С. 87–90.

Жалсанова В.Г. Личное хозяйство сельских жителей: способ выживания или способ развития? (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 1–7. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.9.27201>

Иванова М.В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 7–14. С. 6–13. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13>

Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 19–24.

Лебедева Н.Н., Ломовцева О.А. Социальный капитал и модернизация этноэкономики юга России // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 109–118.

Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.

Ооржак К-Д.К. Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1759–1774. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949>

Павлов К.В. Этнотерриториальные и национальные модели менеджмента и экономики // Вопросы территориального развития. 2016. № 4(34). С. 1–18.

Паникарова С.В., Власов М.В., Чебодаев В.П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 53–57.

Перова Е.Ю. Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 5. С. 705–712. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712)

Персидская О.А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>

Рунова Н.Ю. Этническое предпринимательство: анализ основных определений // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 323–332. <https://doi.org/10.18334/erpp.11.2.111589>

Симонов С.Г., Ямова О.В., Хаматханов М.А., Арынова З.А. Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество: опыт взаимодействия на потребительском рынке региона // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18. № 1. С. 162–171. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).162-171](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171)

Сурнина Н.М., Печура О.В. Этноэкономика региона: цивилизационные основы и перспективы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. Т. 23. № 1. С. 98–104.

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 149–167. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8>

REFERENCES

Adamenko A.A., Khorolskaya T.E., Petrov D.V. (2020) Relevancy and emergentiveness of the theory of ethno-economics in the context of new economic reality. *Gosudarstvennoye i municipal'noye upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholarly notes]. No. 1: 104–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109>. (In Russ.)

Aydarbakov F.F., Barlybaev A.A., Barlybaev U.A., Nasyrov G.M., Sitnova I.A. (2019) Development of ethnic entrepreneurial economy: Republic of Bashkortostan case study. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting]. Vol. 30. No. 3: 291–298. (In Russ.)

Akhmetov V.Ya., Barlybaev A.A., Berdnikova G.I., Rakhmatulin I.M. (2012) Ethno-economy and its role in the rise in employment of rural population. *Agrarnaya nauka* [Agricultural science]. No. 2: 10–11. (In Russ.)

Andreev A.L. (2017) Global world and ethnic revolution. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. No. 4: 23–36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.03> (In Russ.)

Badmaeva N.V., Kovanova E.S. (2020) Ethno-economics as a factor in the development of regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia). *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the RAS Kalmyk Scientific Center]. No. 3: 294–305. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305> (In Russ.)

Bagomedov M.A. (2014) Ethno-economics and the problem of implementing the priority project “Whitewash Economy” of Dagestan. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of structuring the economy]. No. 3: 12–21. (In Russ.)

Bizhiov B.M. (2021) Conceptualisation of ethnic economies: Instrumental and methodological analysis. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. No. 11-2: 143–148. <https://doi.org/10.17513/vael.1927> (In Russ.)

Dongak B.A. (2016) Features of ethnic economy of Tuvinians. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economical and Humanities research of regions]. No. 1: 87–90. (In Russ.)

Ivanova M.V. (2018) Ethnic economy: approaches to the definition. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the RAS Kolsk Scientific Centre]. Vol. 9. No. 7–14: 6–13. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13> (In Russ.)

Kolesnikov Y.S. (2003) Ethnic economy in fates of modernisation of the South of Russia. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economics bulletin of Rostov State University]. Vol. 1. No. 2: 19–24. (In Russ.)

Lebedeva N.N., Lomovtseva O.A. (2006) Social capital and modernisation of ethno-economics of the Russian South. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 2: 109–118. (In Russ.)

Oorzhak K-D.K. (2019) Ethno-economics of Tuva: Current state and development prospects. *Ekonomicheskiye otnosheniya* [Journal of international economic affairs]. Vol. 9. No. 3: 1759–1774. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949> (In Russ.)

Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. (2006) Ethno-economics as a factor of development. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting]. No. 1: 118–123. (In Russ.)

Panikarova S.V., Vlasov M.V., Chebodaev V.P. (2011) Institutes of development in ethno-economics. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economics]. No. 4: 53–57. (In Russ.)

Pavlov K.V. (2016) Ethno-territorial and national models of management and economy. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development]. No. 4 (34): 1–18. (In Russ.)

Perova E.Yu. (2016) Ethnic economy as a way to boost effective use of regional social resources. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University]. Vol. 26. No. 5: 705–712. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712) (In Russ.)

Persidskaya O.A. (2019) The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva]. No. 3: 41–51. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4> (In Russ.)

Runova N.Yu. (2021) Ethnic entrepreneurship: an analysis of the key definitions. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of economics, entrepreneurship and law]. Vol. 11. No. 2: 323–332. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111589> (In Russ.)

Simonov S.G., Yamova O.V., Khamatkhanova M.A., Arynova Z.A. (2020) Ethnic entrepreneurship and local business community: experience of interaction in the consumer market in the region. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Herald of Omsk University. Series: Economics]. Vol. 18. No. 1: 162–171. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).162-171](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171) (In Russ.)

Surnina N.M., Pechura O.V. (2009) Ethno-economics of the region: Civilizational foundations and development prospects. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics]. Vol. 23. No. 1: 98–104. (In Russ.)

Tyukhtenyeva S.P. (2018) Ethnic entrepreneurship without migration: the cases of Tuva and Kalmykia. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva]. No. 2: 149–167. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8> (In Russ.)

Velikiy P.P., Shabanov V.L. (2019) Features of agrarian self-employment. Experience of sociological research of the independent economy of rural families. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social-educational idea]. Vol. 11. No. 4: 105–121. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121> (In Russ.)

Zhalsanova V.G. (2018) Private subsidiary farming of rural residents: means of survival or a way of development? (based on the materials of sociological surveys in the Republic of Buryatia). *Sociodinamika* [Sociodynamics]. No. 9: 1–7. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.9.27201> (In Russ.)

Сведения об авторе: Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (655017, ул. Щетинкина, 23, Абакан, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>; e-mail: oltolt@mail.ru

About the author: Olga L. Lushnikova, Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow at the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature and History (23 Schetinkin St., Abakan 655017, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>; e-mail: oltolt@mail.ru

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 23-28-00307 (<https://rscf.ru/project/23-28-00307/>)

Acknowledgment. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00307 (<https://rscf.ru/project/23-28-00307/>)

Поступила в редакцию / Received 11.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 29.02.2024

Принята к публикации / Accepted 5.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275>

Что удалось сделать в сельском Татарстане за десять лет реализации системы самообложения населения

Э.А. Сагдиева

Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

elvina_n@inbox.ru

Резюме. Дефицит бюджетных средств в муниципальных образованиях Республики Татарстан вынуждает местную власть к поиску дополнительных источников финансирования для решения проблем сельских поселений. Одним из способов стало участие сельских муниципалитетов в развитии системы самообложения граждан. Она в Татарстане реализуется с 2013 г. В статье ставится задача оценки эффектов системы самообложения в сельских поселениях республики, накопленных за 10 лет ее функционирования.

Автор путем анализа законодательной базы Российской Федерации и Республики Татарстан раскрывает основные понятия и положения, применяемые в системе самообложения граждан. С помощью интервью, проведенных им в муниципальных образованиях Республики Татарстан с главами, депутатами, активистами сельских поселений рассмотрен опыт применения и особенности общественного участия в системе самообложения на протяжении последних десяти лет. Выявлено, что итоги реализации системы самообложения выражаются в выросшем уровне доверия к ней со стороны сельчан, в почти стопроцентной собираемости взносов, в вовлечении жителей сел в формирование бюджетных планов муниципалитетов, в повышении гражданской ответственности представителей сельских сообществ Татарстана. «Внешний» эффект от системы самообложения выражается в количестве решенных проблем местного значения: ремонте и строительстве сельских дорог, водоснабжения, уличного освещения, благоустройстве кладбищ, памятников и обелисков, площадок для мусорных контейнеров, тротуаров, набережных, родников, парков и скверов. Этот, далеко не полный перечень проведенных работ с использованием системы самообложения сельчан и за счет финансирования со стороны государственных органов Татарстана, значительно поднял уровень и качество сельской жизни в республике.

Ключевые слова: средства самообложения, сельские поселения, местный референдум, сход граждан, сельская самоорганизация, государственное софинансирование.

Для цитирования: Сагдиева Э.А. Что удалось сделать в сельском Татарстане за десять лет реализации системы самообложения населения. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 262–275. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275>

What has been done in rural Tatarstan during a decade of implementing the system of population' self-taxation

E.A. Sagdieva

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

elvina_n@inbox.ru

Abstract. The budget deficit in municipalities of the Republic of Tatarstan forces local authorities to search for additional sources of funding to solve the problems of rural settlements. One of the ways was the participation of rural municipalities in the development of a system of self-taxation for citizens. It has been implemented in Tatarstan since 2013. The article sets the task of assessing the effects of the self-taxation system in rural settlements of the republic, accumulated over 10 years of its operation.

By analyzing the legislative framework of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan, the author reveals the basic concepts and provisions used in the system of self-taxation of citizens. Using interviews he conducted in municipalities of the Republic of Tatarstan with heads, deputies, and activists of rural settlements, the experience of using and features of public participation in the self-taxation system over the past ten years was examined. It was revealed that the results of the implementation of the self-taxation system are expressed in an increased level of trust in it on the part of villagers, in almost one hundred percent collection of contributions, in the involvement of village residents in the formation of municipal budget plans, in increasing the civic responsibility of representatives of rural communities of Tatarstan. The “external” effect of the self-taxation system is expressed in the number of solved problems of local importance: repair and construction of rural roads, water supply, street lighting, improvement of cemeteries, monuments and obelisks, sites for garbage containers, sidewalks, embankments, springs, parks and public gardens. This list of work of conducted works, which is far from complete, using the villagers' self-taxation system and through co-financing from the government bodies of Tatarstan, has significantly increased the level and quality of rural life in the republic.

Keywords: self-taxation, local issues, rural settlements, local referendum, citizens' meeting, rural self-organization, state co-financing.

For citation: Sagdieva E.A. (2024) What has been done in rural Tatarstan during a decade of implementing the system of population' self-taxation. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 262–275. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275> (In Russ.)

Проблемы сельских поселений в современной России остаются ключевыми во внутренней политике страны. Одним из используемых способов их решения является привлечение сельчан к обсуждению вопросов местного значения. Государство в этом случае выступает в качестве партнера, софинансирующего инициативы сельчан. Сами жители сел вкладывают собственные финансовые средства в важные для них задачи развития поселений. Такое государственно-частное взаимодействие получило выражение в виде системы самообложения. В Татарстане она функционирует с 2013 года. Города и городские округа республики практически не участвуют в самообложении из-за сложностей

организации его общественных обсуждений среди горожан и сбора с них финансовых средств. С января 2024 г. Постановлением Кабинета министров Республики Татарстан от 29.11.23 №1532 из участников механизма самообложения исключены районные центры муниципальных образований¹. Возможно, в скором будущем, это коснется и городов. Данным территориям предлагается иной инструмент партисипаторного бюджетирования – инициативное. Одной из причин такого решения видимо является ежегодно увеличивающиеся объемы собираемых финансовых средств в сельских поселениях в условиях ограниченного республиканского бюджета², являющегося необходимой частью системы самообложения. Необходимость и востребованность системы самообложения сельскими муниципалитетами подтверждают увеличивающиеся с 2013 г. размеры сборов финансовых средств как с граждан, так и с поселений в целом. За десятилетие суть системы самообложения не менялась, но в нее были внесены несколько законодательных поправок. Это позволило еще более активно использовать систему самообложения.

На основе анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации, Республики Татарстан и интервью, проведенных в муниципальных образованиях Татарстана в 2023 г., оценим эффект действия системы самообложения в сельских поселениях региона за период ее десятилетнего функционирования. Автор статьи провел 16 интервью с главами, депутатами, активистами поселений в пяти муниципальных образованиях Республики Татарстан.

В других работах (Сагдиева, 2020: 2246-2247) мы рассмотрели вклад таких исследователей, как Н.С. Сергиенко, И.В. Балынин, Н.В. Ворошилов, О.В. Сивинцева, К.В. Будник в изучение разных аспектов самообложения. Исторический опыт, имеющиеся практики и факторы, ограничивающие привлечение средств самообложения, и их дальнейшее развитие на инициативной основе рассмотрены в работах Ю.И. Черкасовой и Т.А. Найденовой (Черкасова, 2013: 221-230; Найденова, 2016: 100–104). А.А. Русанов описывает особенности реализации практик самообложения и их финансовые итоги в Пермском крае, где проект развивался под девизом: «Активные граждане – сильный муниципалитет» (Русанов, 2017: 24–28). Правовую природу самообложения подробно рассматривают Т.М. Гришина, А.Г. Филина (Гришина, 2019: 83–93; Филина, 2018). В работах отмечается правовая неопределенность самообложения, которая не позволяет использовать данный вид финансовых сборов на полную мощность. Исследователи указывают на необходимость проработки следующих аспектов: налоговая или неналоговая сущность самообложения, уточнение субъекта самообложения (граждане или жители муниципального образования), определе-

---

¹ Постановление КМ РТ от 29.11.23 №1532. URL: https://pravo.tatarstan.ru/nra_kabmin/post/?nra_id=1310951 (дата обращения: 28.12.2023)

² Кабмин РТ свернет самообложение в городах и райцентрах: «Средства бюджета ограничены» // Бизнес Online, 18.10.2023. URL: <https://mkam.business-gazeta.ru/news/610913> (дата обращения: 16.12.2023).

ние состава льготной категории лиц, проработка механизма воздействия на уклоняющихся от уплаты лиц.

В Республике Татарстан самообложение граждан регулируется Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ, 06.10.2003) и Законом Республики Татарстан «О местном референдуме» (№ 23-ЗРТ, 24.03.2004). В этих нормативных документах указывается, что средства самообложения – это разовые взносы граждан поселения, которые собираются для решения конкретных задач. Все собранные средства самообложения софинансируются из республиканского бюджета в соотношении 4 рубля на каждый собранный сельчанами рубль – для сельских и городских поселений республики, за исключением муниципального образования «город Иннополис» Верхнеуслонского муниципального района Татарстана. Для последнего сумма софинансирования составляет 3 рубля к одному рублю³. Решение о проведении самообложения может приниматься на референдумах или сходах граждан. После введенных поправок, принятых Федеральными законами «О внесении изменений в статьи 25.1 и 56 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» (от 05.12.2017 N 389-ФЗ) и «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» (от 01.05.2019 N 87-ФЗ), сходы граждан по вопросу введения и использования средств самообложения могут проводиться в отдельно взятом населенном пункте, входящем в состав поселения. Поправки позволили проводить сходы граждан поэтапно в том случае, если в населенном пункте нет условий для одновременного размещения в помещении всех жителей, обладающих избирательным правом. Все этапы схода в поселении должны быть проведены в течении одного месяца со дня принятия решения о проведении схода граждан. Решение схода граждан считается принятым, если в нем приняло участие и проголосовало более половины жителей поселения, обладающих избирательным правом (ч. 2 ст. 25.1 № 131-ФЗ). Чаще всего несостоявшимися сходы граждан случаются в районных центрах, поскольку там проживает большое количество жителей, которые могут не знать об этом мероприятии, находиться в другом месте или быть равнодушными к проблемам благоустройства поселения.

Размер суммы, который должен быть собран, зависит от поставленных, приоритетных для села задач. Обычно главы поселений, сделав необходимые расчеты для решения текущей проблемы села и количества зарегистрированных граждан, предлагают на голосование необходимую сумму к сбору с каждого жителя, принимающего участие в обсуждении. Размер платежей устанавливается равным для всех граждан старше 18 лет. В каждом поселении, как правило, выделяются группы граждан, к которым применяется особый подход. Одна – это многодетные, пожилые, малоимущие. С них взимается уменьшен-

---

³ Постановление КМ РТ от 29.11.23 №1532. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1310951 (дата обращения: 28.12.2023)

ный платеж. Другая группа – студенты, солдаты-срочники, в том числе участники СВО, инвалиды, пожилые, старше 80 лет. Их полностью освобождают от платежей. Количество таких лиц согласно ст. 56 № 131-ФЗ не должно превышать 30% от общего количества зарегистрированных граждан в поселении.

Как показывает официальная статистика, количество проведенных референдумов и сходов в Татарстане ежегодно увеличивается. Это позволяет говорить о востребованности практик самообложения. Так, в 2014 г. провели референдумы и сходы 655 поселений республики, в 2023 г. – 887.

Наблюдается положительная динамика и по объемам поступивших средств за счет самообложения граждан. В 2014 г. было собрано 80,3 млн руб., в 2023 г. сумма увеличилась почти в пять раз и достигла 379,86 млн руб. Всего с 2014 по 2023 гг. сельчане собрали 2 млрд 361,89 млн руб. Увеличивалась и сумма софинансирования из бюджета Татарстана. В 2014 г. она составляла 277,7 млн руб., в 2023 г. – 1352,1 млн руб. (рис. 1). За последние 10 лет из бюджета Республики Татарстан было выделено 9 млрд 165,1 млн руб.

Рис. 1.

Финансовые показатели программы самообложения в Республике Татарстан за 2014–2023 гг.*

* Составлено по: (Местное самоуправление..., 2023: 10).

Изменялся и размер сумм, собираемых с жителей сел. Если в первые годы сельчане скидывались по 100–300 рублей, позже по 600–800 руб., то в последние годы они выделяют из личного бюджета от 1000 до 2000 руб. Размер вложений может различаться, как внутри одного поселения, так и в пределах села или улицы (если поселение достаточно большое). «Сначала 100 рублей собирали, потом 300 сколько-то лет было, потом 500. В этом году 600 и в Бексере (село – авт.) 800 у нас» (№1, глава СП). Некоторые жители сел, оценивая текущую экономическую и ценовую рыночную ситуацию, нередко сами выступают ини-

циаторами повышения собираемых сумм. Главы поселения, зная финансовый и трудовой потенциал жителей поселения, принимают итоговое решение, которое выставляется на всеобщее голосование.

Вчера был как раз сход, с населения собираем 500 рублей. Первый год мы собирали по 300. Но по 300 – это мало, по 500. Но судя по тому, что цены на стройматериалы сейчас растут, вчера были предложения по 1000 от некоторых товарищей. Но я не пошел на это... 40 процентов почти пенсионеры, очень тяжело. ... сегодня на селе пенсии не блещут своими показателями. (№3, глава СП).

Основные мероприятия по самообложению, реализация которых финансируется из республиканского бюджета, прописаны в Постановлении Кабинета Министров Республики Татарстан от 23.12.22 №1397⁴. Это работы по благоустройству поселений и местных кладбищ. Из рекомендованного перечня мероприятий сельские поселения в Татарстане расходуют: 49% средств на дорожные работы, 15% на благоустройство территории поселений, 13,5% на работу по водоснабжению, 6,5% на благоустройство и содержание кладбищ, 3,4% на содержание дорог, 2,7% на строительство, обустройство спортивных и детских площадок, 2,5% на обеспечение пожарной безопасности; 2% на обустройство мест массового отдыха, 1,7% на закупку транспортных средств; 1,4% на установку и реконструкцию памятников, стел; 0,2% на очистку рек и озер, 2% на прочие мероприятия⁵.

Самой главной проблемой, которую в Татарстане пытаются решить с помощью практик самообложения, являются сельские дороги. Поселения, активно участвующие в самообложении, смогли отремонтировать имеющееся дорожное полотно, покрыть щебнем грунтовые дороги (в том числе и до кладбищ), асфальтировать дорожные участки. Некоторые активные главы сельских администраций смогли привлечь к решению дорожной проблемы одновременно несколько государственных программ, увеличив, тем самым масштабы дорожных работ. Например, в одном сельском поселении благодаря софинансированию собранной суммы самообложения были проведены работы по подготовке части дорожного полотна к асфальтированию. На само асфальтирование выделились средства из республиканского бюджета по другой программе, была получена поддержка и от местной сельскохозяйственной организации.

... Асфальта много – это мы сначала дорогу сделали по программе самообложение и хозяйство помогло, асфальт положили. Потом родилось письмо на имя Раиса (руководителя Республики Татарстан – авт.). Написали, мол, население очень активно участвовало по программе самообложения, сделано очень много дорог. Нельзя ли нас включить в программу асфальтирования, пока дороги держатся? Нас

⁴ Постановление КМ РТ от 23.12.22 №1397. URL: https://cesi.tatarstan.ru/file/pub/pub_3577309.docx (дата обращения: 28.12.2023).

⁵ Местное самоуправление в Татарстане // Информационно-аналитическое, общественно-политическое издание. №4, декабрь 2023. (дата обращения: 26.12.2023).

поддержали и с республиканского бюджета выделили нам энную сумму денег и асфальт провели. ... Уже основание было наше. Делали на самообложение, а асфальт делали по республиканской программе. Это очень хорошо получилось у нас (№2, глава СП).

Такие масштабные проекты удается реализовывать лишь большим поселениям. Малочисленные села решают проблемы по-другому.

...Мы просто приобретаем щебенку. Потом уж или колхозные трактора или частные, чтобы это все на дорогу выложить. ... А если там все по нормативу, все по ГОСТу делать, там же все убирать надо, подложку. Очень много денег надо. У нас из-за того, что населения мало, все вот это по правилам делать не получается. Мы где плохо, эту приобретенную щебенку просто ложим. Но у нас песчаная земля, поэтому не так плохо получается (№1, глава СП).

Жители сел положительно оценивают решение дорожных проблем, поскольку все они помнят, как в период осенней и весенней распутицы не могли передвигаться по улицам поселения. «Все эти деньги у нас в основном в прошлом году пошли на строительство дорог, щебенчатые дороги строили. ... на кладбище ... четыреста с лишним метров щебенчатой дороги сделали. Это ведь хорошее дело. Сейчас у нас по сельским дорогам можно проехать. Хоть и в грязь, и в любую погоду можно заезжать» (№4, депутат СП). Сельчане очень рады дорогам, которая дает возможность щеголять в красивой и удобной обуви, а не только ходить в галошах и резиновых сапогах. «Без урамнардан кайчандыр бутый белэн йөрер идек. А без хэзер, нэрсэ ул бутый – белмибез. Чөнки безнең урамнарда как асфальт, без туфли белэн йөрибез» (Мы раньше по улицам ходили в резиновых сапогах, галошах. А сейчас мы и не знаем, что это такое. Поскольку сейчас на наших улицах как асфальт, мы в туфлях ходим. – перевод авт.) (№5, активист СП).

Помимо дорог во многих поселениях решилась проблема с освещением улиц. Произведен монтаж новых ЛЭП, установлены дополнительные опоры, осуществлена замена ламп на энергосберегающие с фотоэлементами. «Все деревни освещены. Пришел, было 26 лампочек. На сегодняшний день их доходит уже до 80. Но это опять часть еще поставлено за счет программ. ... На будущий год, по-моему, дополнительно еще 16 лампочек у меня поставить» (№3, глава СП). Для решения проблем главы поселений используют не только программу по самообложению населения, но и стараются включиться в другие государственные программы. Самый большой объем работ осуществляется за счет федеральных или республиканских средств, а оставшиеся проблемы решаются путем самообложения жителей сел. От такого тандема выигрывают все: специализированные организации получают заказ и работу, а сельчане облагороженную территорию.

... уличное освещение мы каждый год ставим. Сначала пятый провод проводили, потом светильники по программе у нас было «Освещение сельской местности», мы попадали туда. И где оставалось,

мы за счет самообложения каждый год ставим. Они же быстро из строя выходят. Что-то по гарантии сделаем, в течение всего года за счет этих денег. Мы уж вперед начинаем: «Давайте, за счет самообложения. Зимой же мы не можем без света. Когда поступят, мы Вам перечислим». Каждый год выходим из положения (№1, глава СП).

Еще одной большой и финансово затратной проблемой в селах является водоснабжение. Во многих поселениях водопроводные трубы находятся в изношенном состоянии или вообще отсутствуют, где-то были лишь колодцы, а на постоянное обслуживание водонапорных башен не хватало финансовых средств. Нередко в селах низкое качество питьевой воды. Данная проблема также решается в селах путем участия в нескольких программах и за счет самообложения.

На днях работали по водоотведению, водопровод оформляли. Один километр водопровода оформленного обойдется на 10000 рублей. У нас водотрасса 13 км, 130000 рублей надо нам, чтобы оформить. А в бюджете не заложены такие деньги. Но, слава богу, район помогает пока. И особенно нам помогает программа по самообложению. За эти десять лет мы многое сделали (№5, глава СП).

Чаще всего за счет средств самообложения делается проектно-сметная документация, на которую в бюджете поселений нет средств. Уже готовые документы подаются для участия в государственных программах для проведения работ по водоснабжению.

У нас в первое время средства самообложения пошли на проведение водопроводных систем. ... только колодцы были. ... на проектно-сметную документацию. Очень дорого. Потом, когда была готова проектно-сметная документация, залезли в российскую программу «Чистая вода». ... Сейчас у нас отличная чистая вода, артезианская. Каждый старается в дом протянуть (№4, депутат СП).

Благоустраивая родное село с помощью системы самообложения, жители уделяют особое внимание пожарной безопасности, закупают противопожарную технику, устанавливают пожарные гидранты. Они обязательно ремонтируют, устанавливаютobelisks, памятники, стелы воинам и почетным жителям села, облагораживают родники (в том числе осуществляют прокладку труб от них для обеспечения жителей питьевой водой), озеленяют парковые зоны, расчищают и укрепляют прибрежные территории, покрывают брусчаткой тротуары. Многие поселения заботятся о нуждах маленьких жителей, устанавливая детские, спортивные площадки, которые со временем становятся весьма востребованными.

...уже многое сделано. Это дороги, это памятник, это родники, это ограждения, это приведение первых санитарных зон в нормативное состояние. Много чего. Даже вот мимо памятника... мы нынче его

реставрировали, отремонтировали» (№3, глава СП). «Мы два родника с нуля прямо, все старое сносим и с нуля строим. Потом мы три памятника в село, к 75-летию. Из них в Гарях (село – авт.) почти полностью на самообложение, здесь мы брусчатку купили, еще что-то там купили. ... Потом у нас детскую площадку купили, всю парковую зону поставили на эти средства самообложения (№1, глава СП).

Немало средств и внимания в поселениях направлено на родники. «Бүгенге көндә все родники мы восстановили, например. На территории. Ул бит изге эш. Кая барсаңда, менә безнең чишмәләр. Старые родники. Теге вакытта юк иде же. И вот шуларны без восстановить итеп бетердек инде. Үзебездә, шул самообложение белән» (На сегодняшний день все родники мы восстановили, например, на территории. Это ведь святое дело. Куда ни пойдешь, везде наши родники, старые родники. В былые времена ими не занимались же. И вот их мы восстановили, закончили. Сами, на средства самообложения. – перевод авт.) (№7, глава СП).

Много внимания уделяется кладбищам. За последнее десятилетие каждое поселение, принимавшее участие в самообложении, привело в порядок погосты на своих территориях. В селах проложили дороги до кладбищ, сделали ограждения, периодически проводятся спилы деревьев и кустарников, расчистка территории, окрашиваются отдельные элементы кладбищенской инфраструктуры. «Зияратларга кеше бик зур рәхмәт әйтә. Анда бик күп агачлар кистек, коймаларын яңа баштан тоттык. Бөтен жир тәртипкә килде. Әгәрдә самообложение программасы булмаса без бернәрсә дә эшли алмый идек» (За кладбища люди очень благодарны. Мы там срезали очень много деревьев, забор построили новый. Всю землю привели в порядок. Если бы не программа самообложения, мы бы ничего этого не смогли сделать. – перевод авт.) (№6, глава СП). «Кладбища? Да. Христианское и мусульманское мы частично поменяли забор, отремонтировали, ворота делали» (№1, глава СП).

Достаточно острой проблемой в селах является вопрос с бытовым мусором. Во многих поселениях действует принцип «мешкового» сбора отходов. Жители выставляют свой мелкий бытовой мусор в мешках вдоль улицы в день его сбора региональным оператором. В последние годы в связи с переходом на контейнерный сбор сельские администрации должны организовать специальные площадки для контейнеров в соответствии с предъявляемыми нормам. Эти работы проводились за счет самообложения сельчан. «... контейнерные площадки. ... Сейчас из мешкового сбора говорят, чтобы мы перешли. ... Решайте вопрос за счет самообложения. Но контейнера мы сейчас уже хотя бы не должны покупать. УК ЖКХ дает нам» (№1, глава СП). С января 2024 года – этот «мусорный» вопрос узаконили в Постановлении КМ РТ от 29.11.2023, №1532, в котором были внесены изменения в Постановление КМ РТ от 23.12.22 №1397 о том, что средства самообложения могут расходоваться также на «устройство

площадок накопления ТКО, приобретение контейнеров для сбора ТКО, ликвидация несанкционированных свалок»⁶.

Предложения, выносимые на референдумах и сходах граждан, разнообразны по видам, объемам и требуемым затратам. Схожесть проблем во всех поселениях подтверждает их актуальность. Все информанты отмечают важность самообложения, поскольку финансовая обеспеченность сел довольно скудная. Если в первые годы реализации механизма самообложения поселения решали наиболее насущные проблемы, такие как дороги, водоснабжение, уличное освещение, то в последние годы все чаще на повестку сходов ставятся такие вопросы благоустройства, как разбивка парковых зон, озеленение, обустройство набережных, реставрация родников. В некоторых поселениях поступают предложения о выделении части средств самообложения на содержание церквей и мечетей⁷, в том числе на газификацию этих культовых сооружений. Но направлять средства самообложения на эти цели неправомерно, поскольку они не являются вопросом местного значения муниципальных образований и не могут быть решены за счет средств самообложения граждан⁸. Пожертвования являются единственной возможностью поддержания культовых объектов в селах.

Общественную поддержку практик самообложения в селах подтверждает количество участвующих сельчан. Но из года в год находятся те, кто высказывает недовольство по этому вопросу. «Халыкның бар бик теләп йөргәне, бар авыррак йөргәне. ... Бөтенесе дә 100 % дип әйтеп булмый. 90% йөрсә дә. Ел сәен шул ук кешеләр була» (Среди людей есть очень желающие участвовать, есть и не желающие. ... Нельзя сказать, что все 100% участвуют. 90% есть. Каждый год – это одни и те же люди. – перевод авт.). (№6, глава СП). В поселениях, расположенных вблизи от городов, имеются «особые» причины отказов сельчан от участия в самообложении. Например, «... близость к Казани. Почему в Казани нет (самообложения – авт.)? Почему в Казани все за счет бюджета? Почему там все цветет, все пахнет и все светло? Почему мы должны! Вот есть такое. Не все уж конечно (так рассуждают в селе – авт.)» (№1, глава СП). Представители сельской администрации подчеркивают, что несмотря на единичные случаи отказов от участия в самообложении, большая часть жителей активно поддерживают его. «Есть разные. Но в основном понимают, дают (деньги – авт.). В деревне, как говорится, стадо без паршивой овцы не бывает» (№4, активист СП). С теми гражданами, которые отказываются вносить деньги по самообложению, сельские администрации проводят беседы, разъяснения. Иногда

---

⁶ Постановление КМ РТ от 29.11.23 №1532. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1310951 (дата обращения: 28.12.2023)

⁷ Антонов К. Самообложение со всех сторон // Коммерсантъ. 07.07.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6085051> (дата обращения: 16.12.2023).

⁸ «Правомерно ли направлять средства самообложение на ремонт и газификацию мечетей, церквей?» // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Татарстан. URL: <https://minjust.tatarstan.ru/pravomerno-li-napravlyat-sredstva-samooblozhenie-n.htm> (дата обращения: 16.12.2023).

предпринимаются попытки введения штрафов по статье 2.6 КоАП РТ «Неисполнение муниципальных правовых актов органов местного самоуправления». Но судебные решения в пользу граждан показывают неправомерность такого взыскания⁹.

Сельская администрация и депутатский корпус самостоятельно ищут исполнителей работ для реализации проекта на сумму, не превышающую 600 тысяч рублей. В противном случае администрация обязана находить подрядчиков посредством электронных торгов согласно Федеральному закону № 44-ФЗ от 05.04.2013 г. При проведении тендера отбирается компания, предложившая наименьшую сумму для реализации проекта. Тем не менее проблема завышения цен сохраняется, по мнению некоторых глав поселений. Они убеждены, что объем выполненных работ можно увеличить, перечислив деньги в организацию, которую они найдут сами.

Сбор платежей по самообложению в поселениях организован по-разному. Где-то назначаются ответственные по улицам из жителей, которые осуществляют подомовой обход и сбор денежных средств, в других селах секретарь сельской администрации либо принимает платежи, либо раздает жителям квитанции на оплату. Все собранные средства зачисляются на специальный счет в банке.

Поскольку сельчане участвуют в самообложении «личным рублем», спрос к проведенным работам у них повышенный. Большинство интересуется всеми этапами проведенных работ, оценивают их количество и качество.

... Говоришь, это на ваши деньги сделано. Когда начинают эту улицу, приходят, смотрят они, контролируют. Бывает так: на этой улице разгрузишь иногда, две улицы делаешь. Потом начинаешь щебень перевозить. «О, с нашей улицы щебень куда-то увозят», – начинают. Я говорю, просто вам разгрузили лишнего, перевозят на соседнюю улицу, с села никуда не уходит. Это называется контроль. Потом по качеству бывает ... Контракт выиграла одна фирма, сделала дорогу. ... три года гарантия. На второй или на третий год начала проваливаться, выходить щебень ... «Приедем, приедем, мы» (ответ фирмы на запрос от поселения – авт.). ... Вот сегодня написали мы в прокуратуру с населением. Я говорю: «Вы думаете, это я что ли делаю? Давайте соберемся, давайте напишем». Как сегодня ушло заявление в прокуратуру, так на следующий день приехали, сделали эту дорогу. Это называется контроль качества. Это хорошо (№2, глава СП).

Главы администраций отмечают: «На сходах, на отчетном собрании мы отчитываемся до копейки. Можем все документы показывать, если кому надо, куда и какая сумма ушла» (№5, глава СП).

---

⁹ Антонов К. За отказ от самообложения пригрозили штрафом // Коммерсантъ. 24.04.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3954012> (дата обращения: 16.12.2023).

* * *

Насущные проблемы благоустройства сел в Татарстане на протяжении последних десяти лет решаются при совместном участии сельчан, органов местного самоуправления и республиканской власти путем системы самообложения. На референдумах и сходах, граждане, прописанные в селах, путем голосования определяют приоритетность сельских проблем по благоустройству. Далее, те проблемы, которым сельчане отдали большинство голосов, сельская администрация предлагает к решению с помощью самообложения. Чем больше поселение по размерам, тем более масштабные цели в нем реализуются. Итоговые суммы собранных с сельчан средств с добавленным софинансированием позволяют решать финансово затратные проблемы сел. Вовлеченность сельчан в реализацию проектов повышает их гражданскую позицию, уровень их заинтересованности в сохранении сельских инфраструктурных объектов.

За десять лет реализации системы самообложения в Татарстане многие сельские поселения республики смогли решить наиболее важные для них задачи развития. В селах, принявших участие в самообложении, практически не осталось грунтовых дорог, во всех них имеется щебеночное или асфальтовое покрытие. На сельских улицах стало светло в ночное время суток из-за увеличенного количества фонарных опор и применения энергосберегающих ламп. Жители многих сел получили доступ к чистой питьевой воде благодаря новой или отремонтированной системе водоснабжения. Улучшилась система пожарной безопасности, установленные пожарные гидранты и закупленная пожарная техника позволяют быстро приступать к ликвидации происшествий. Самообложение помогло привести в порядок местные погосты (обнесены заборами, проложены дороги, расчищены территории захоронений). За счет самообложения частично решается проблемный для сел вопрос с вывозом бытового мусора. Дань памяти и благодарность героям войн, знаменитым выходцам из села выражается в обелисках и мемориальных комплексах, на строительство и ремонт которых задействуются средства самообложения. Решив базовые проблемы сел, их жители в последние годы стали все чаще вкладываться в обустройство парков, скверов, набережных, родников, тротуаров и закупку оборудования, необходимого для сельских домов культуры. Нередко для полной реализации крупных проектов в селах требуются большие финансовые средства. Их возможно получить за счет включения в Государственную программу Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Для участия в ней требуется базовая обеспеченность, например, в виде проектно-сметной документации или минимального объема ранее проведенных работ. Поскольку в бюджете поселений средств на это нет, собранные средства самообложения с софинансированием позволяют обеспечить необходимые базовые требования. Это позволяет селам включиться в указанную государственную программу.

За 2013–2023 гг. целевое использование средств самообложения сельчан одновременно с республиканским софинансированием значительно подняло качество и уровень жизни в сельских поселениях Татарстана. Взаимодействие

местного самоуправления, сельских граждан и республиканской власти способствует развитию сельских территорий.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Гришина Т.М. Самообложение населения в России: проблемы реализации и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 83–93. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-2-83-93>

Найденова Т.А. Средства самообложения граждан как источник доходов местных бюджетов // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. №10–1. С. 100–104.

Русанов А.А. Опыт применения самообложения в Пермском крае // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 1. С.24–28.

Сагдиева Э.А. Самообложение населения: опыт Республики Татарстан // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 2246–2253. <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.270>

Филина А.Г. Правовая природа средств самообложения граждан [Электронный ресурс] // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. №7(23). 2018. URL: https://interactiveplus.ru/ru/article/472859/discussion_platform (дата обращения: 09.12.2023)

Черкасова Ю.И. Самообложение граждан: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №10. С. 221–230.

REFERENCES

Cherkasova Yu.I. (2013) Self-taxation of the population in Russia: problems of implementation and development prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 10: 221–230. (In Russ.)

Filina A.G. (2018) The legal nature of self-taxation of citizens. *Alleya nauki*. [Alley of Science]. No. 7(23). URL: https://interactiveplus.ru/ru/article/472859/discussion_platform (accessed: 09.12.2023) (In Russ.)

Grishina T.M. (2019) Samooblozhenie naseleniya v Rossii: problemy realizatsii i perspektivy razvitiya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]. No. 2: 83–93. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-2-83-93> (In Russ.)

Naydenova T.A. (2016) Means of self-taxation of citizens as a source of income for local budgets. *Simvol nauki* [Symbol of Science]. No. 10–1: 100–104. (In Russ.)

Rusanov A.A. (2017) The experience of applying self-taxation in the Perm Region. *Munitsipal'noye imuspchestvo: ekonomika, pravo, upravleniye* [Municipal property: economics, law, management]. No.1: 24–28. (In Russ.)

Sagdieva E.A. (2020) Self-taxation of the population: the experience of the Republic of Tatarstan. In: *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions*: Collection of reports of the 6th All-Russian Sociological Congress, Tyumen, October 14–16, 2020. Tyumen: Russian Society of Sociologists: 2246–2253. <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.270> (In Russ.)

Сведения об авторе: Сагдиева Эльвина Азадовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4510-9467>; e-mail: elvina_n@inbox.ru

About the author: Elvina A. Sagdieva, Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4510-9467>; e-mail: elvina_n@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 7.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.03.2024

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.276-294>

Мольер на татарской сцене

Е.Н. Шевченко

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
elenachev@inbox.ru*

Резюме. В процессе формирования татарской национальной драматургии и становления татарского театра немалую роль сыграла русская и зарубежная классика. К западной драматургии татарский театр обращался с первых лет своего существования. Из обширного мирового драматургического наследия особенно востребованными оказались пьесы Шекспира, Шиллера и Мольера. По числу обращений в этой триаде великих Мольер находится на третьем месте, но не уступал английскому и немецкому драматургам по своей значимости для развития татарской театральной культуры. Мольер стоял у её истоков, его пьесы ставились уже в трёх дореволюционных труппах «Сайяр», «Нур» и «Ширкат». Французский драматург в значительной степени повлиял на формирование комедийной жанровой линии молодого татарского театра. Пьесы Мольера не сходят с его афиш вплоть до наших дней. В статье рассматривается рецепция драматургии Мольера татарским театром на различных этапах его развития.

Ключевые слова: татарский театр, Мольер, французская драматургия, комедия, сценическая интерпретация.

Для цитирования: Шевченко Е.Н. Мольер на татарской сцене. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 276–294. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.276-294>

Moliere on the Tatar stage

E.N. Shevchenko

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

Kazan, Russian Federation

elenachev@inbox.ru

Abstract. In the process of the formation of the Tatar national dramatic art and the formation of the Tatar theatre, Russian and foreign classics played a significant role. The Tatar theatre turned to Western drama from the first years of its existence. Of the vast world dramatic heritage, the plays of Shakespeare, Schiller and Moliere have proven to be in particular demand. In terms of the number of appeals in this triad of the greats, Moliere is in third place, however, he is not inferior to the English and German playwrights in terms of importance for the development of the Tatar theatrical culture. Moliere stood at its origins; his plays were staged in three pre-revolutionary troupes “Sayar”, “Nur” and “Shirkat”. The French playwright made a significant influence on the formation of the comedy genre line of the young Tatar theatre. Moliere's plays remain on his posters to this day. The article examines the reception of Moliere's dramaturgy by the Tatar theatre at various stages of its development.

Keywords: Tatar theatre, Molière, French drama, comedy, stage interpretation.

For citation: Shevchenko E.N. (2024) Moliere on the Tatar stage. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 276–294. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.276-294> (In Russ.)

Татарские театры Казани и других городов Республики Татарстан ориентированы, в первую очередь, на национальную драматургию. Это вполне понятно и закономерно. За всю историю Татарского государственного академического театра им. Г. Камала лишь 8% его репертуара приходилось на зарубежную пьесу. Тем не менее, значимость обращения к мировой драматургии для татарской сцены отмечают все исследователи, занимающиеся её историей. Известный театровед И.И. Илялова пишет: «Мировая драматургия всегда значилась в репертуаре татарских театров. В ней режиссёры, актёры находили ответы на жгучие вопросы современности, касающиеся отдельного человека, его природы и общества в целом. Мировая классика была и прекрасной школой режиссёрского и актёрского мастерства» (Илялова, 2016: 149).

Театровед А.Р. Салихова отмечает, что до революции зарубежная драматургия выполняла в отношении татарского театра, прежде всего, просветительскую задачу, в советскую эпоху – идеологическую. В наше время автор выделяет два подхода: либо выявление в классическом материале общечеловеческого начала, либо, напротив, его «осовременивание», прочтение с точки зрения настоящих проблем дня сегодняшнего (Салихова, 2016: 273). В афишу татарских театров в разное время, помимо Шекспира, Шиллера и Мольера, входили пьесы

Бомарше, Лабиша, Гольдони, Гоцци, Лопе де Веги, Кальдерона, Ибсена, Лорки, Вольфа, Брехта, Пристли, Мюллера, Мрожека, Фоссе и др.

Освоение драматургии Мольера стало важной страницей истории татарского театра. В зависимости от характера эпохи, индивидуальности режиссёра и особенностей труппы, демонстрировались различные подходы, создавались разные сценические интерпретации. Целью настоящей статьи является изучение рецепции наследия великого французского комедиографа татарским театром и исследование характера взаимодействия татарской и французской сценической традиций на примере спектаклей казанских театров.

Методология исследования включает в себя литературоведческие и театроведческие методы и подходы – историко-культурный, биографический, сравнительно-сопоставительный, семиотический.

Французская драматургия представлена в истории татарских театров следующими именами: Мольер, Бомарше, Лабиш, Золя, Ануй, Бриё, Камолетти. Первой французской пьесой на татарской сцене стали «Испорченные» Эжена Бриё, поставленная в 1909 г. труппой «Сайяр». Примечательно, что выбор пал не на французскую классику, а на произведение современного автора. Э.Бриё (1858–1932) был французским журналистом и драматургом, работавшим в жанре комедии и тенденциозной драмы. Его пьесы были в те годы чрезвычайно популярны как во Франции, так и в других странах. Дважды, в 1959 и 2003 гг., театр им. Г. Камала обращался к комедии Эмиля Золя «Наследники Рабурдена», в которой тот стремился продолжить комедийно-фарсовую традицию Аристофана, Шекспира и Мольера. Два театра проявили интерес к знаменитой комедии Пьера Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» – ТГАТ им. Г. Камала (1970) и Татарский театр драмы и комедии им. К.Тинчурина (1995). Лишь однажды в ТГАТ им. Г. Камала увидела подмостки пьеса «Станция Шамбодэ» короля водевилей Эжена Лабиша (1995). По одному разу были поставлены пьесы драматургов XX в. – трагедия «Антигона» Жана Анюя в Альметьевском татарском драматическом театре (1980) и «Ох, уж эта Анна» Марка Камолетти в Буинском драматическом театре (2014).

Обращает на себя внимание тот факт, что, не считая «Антигоны» Ж. Анюя, французская драматургия в репертуаре татарских театров представлена исключительно комедиями. Эта тенденция неслучайна. Именно французская классическая комедия, наряду с собственной народной смеховой культурой, стала источником формирования этого жанра в татарском театре. Особая роль здесь принадлежит Мольеру. Его фарсы и «высокие» комедии с мастерски закрученной интригой, яркими характерами, буффонадой и сочным, выразительным языком оказались близки татарскому театру, которому была соприродна стихия комического. До сих пор комедия, наряду с мелодрамой, является излюбленным жанром татарского зрителя.

Ещё в дореволюционный период в репертуар труппы «Сайяр» входили две пьесы Мольера – «Скупой» (1914) и «Лекарь поневоле» (1916). Последний вер-

нётся на татарскую сцену лишь сто лет спустя – в 2017 г. он появится в афише Альметьевского татарского драматического театра.

Следует отметить важный факт: путь зарубежной драматургии на татарскую сцену был, как правило, не прямым, а «окольным». Так, перенос текстов пьес на татарский язык чаще всего осуществлялся с русских переводов. «Порой знакомство с западноевропейской культурой, – пишет искусствовед Р.Р. Султанова, – шло через посредничество родственных (тюркоязычных) народов» (Султанова, 2019: 60). Большую роль в этом процессе сыграл турецкий театр. Как отмечает А.Р. Салихова, «турецкий театр формировался под сильнейшим влиянием французского, и основу его репертуара поначалу составляли переработки произведений зарубежных авторов (особенно Мольера). Таким образом, – делает вывод автор, – татарский театр, хоть и опосредованно, но имеет в своей родословной французские корни» (Салихова, 2016: 288).

В этой связи показателен следующий курьёзный случай: Г. Камал впервые познакомился с творчеством Мольера в Турции, посмотрев в 1912 г. переделку его комедии «Скупой» под названием «Пенти Хамит». Вернувшись из Стамбула, он перевёл эту пьесу на татарский язык, будучи уверенным в том, что речь идёт о произведении турецкого автора Теодора Касапа. Соответственно на татарской сцене комедию играли в декорациях, изображающих Стамбул, и в турецких костюмах с татарскими элементами (Султанова, 2019: 60).

Самой популярной пьесой драматурга на татарской сцене стал «Тартюф». К ней трижды обращался театр Г. Камала (1936, 1978, 2010) и один раз Казанский татарский ТЮЗ им. Г. Кариева (2001). Три раза татарские театры включали в свой репертуар комедию «Жорж Данден»: театр Г. Камала (1951), театр К. Тинчурина (1958), Альметьевский татарский драматический театр (2001). Дважды сцену увидела комедия «Плутни Скапена»: в театре Г. Камала (1924) и театре К. Тинчурина (1936), и по одному разу – «Господин де Пурсоньяк» (1999) в театре К. Тинчурина, «Дон Жуан» (2016) в театре Г. Камала и «Мещанин во дворянстве» (2019) в Атнинском татарском драматическом театре им. Г. Тукая.

Творчество великого комедиографа оказало влияние и на татарскую драматургию. Так, обнаруживается определённое родство между поэтикой Мольера и комедиями Галиасгара Камала. Гаяз Исхаки в 1923 г. пишет пьесу «Жан Баевич» по мотивам комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Писатель переносит сюжет и конфликт пьесы на татарскую почву, при этом он опирается на комедийные традиции французского классицизма, в частности, использует фарсовые приёмы. Эта комедия в театральном сезоне 2023/2024 гг. вновь увидела сцену – она была поставлена в театре К. Тинчурина режиссёром Ильнуром Гарифуллиным.

Остановимся на наиболее показательных для татарского театра спектаклях по пьесам Мольера. В 1936 г. русский режиссёр Григорий Хавис поставил на сцене театра Г. Камала самую знаменитую комедию драматурга «Тартюф» (1664). История этой мольеровской пьесы была весьма драматичной. В первой

редакции под названием «Тартюф, или Лицемер» заглавный герой носил духовный сан. Втёршись в доверие к состоятельному Оргону и околдовав его высокопарными речами и напускной набожностью, Тартюф добился неограниченного влияния на душу своего «друга», преследуя, однако, отнюдь не благие цели – жениться на дочери Оргона, завладеть его женой и всем имуществом. Пьеса вызвала грандиозный скандал. Церковь усмотрела в ней едкую сатиру на духовенство и потребовала её запрета. Мольер вынужден был переписать пьесу, назвав её «Обманщик» и сделав своего героя светским человеком, что, впрочем, не спасло комедию от очередного запрета. Зато она обрела огромную силу сатирического обобщения (Хомайко, 2012: 346). Имя Тартюфа стало нарицательным, отныне означая лицемерие и ханжество. В этом проявился гений Мольера: рисуя своих персонажей «с натуры», черпая материал из французской действительности XVII в., он создаёт при этом универсальные человеческие характеры, выходящие за границы эпохи и конкретной национальной культуры. Поэтому его «Тартюф» органично существует на самых разных сценах мира, в том числе, и на татарской. Сегодня «Тартюф» идёт в третьей редакции под названием «Тартюф, или Обманщик».

Вернёмся к постановке 1936 г. Это было время идеологизации искусства и установления системы тотального контроля над художественным творчеством. Как отмечает исследователь татарского театра М.Г. Арсланов, тем самым была перекрыта альтернативная соцреализму линия развития национальной режиссуры, которая отныне, отказавшись от всяких экспериментов и поисков новых путей, примерно до середины пятидесятых годов развивалась по принципам театра прямых жизненных соответствий, – естественно, нормативность сужала творчество татарских режиссёров (Арсланов, 1996: 36). Театровед и театральный критик Н.Р. Игламов считает период с 1936 по 1945 гг. самым тяжёлым для национальной режиссуры, поскольку ведущие мастера уходили в тень либо погибали в застенках НКВД, а в лидеры постановочного процесса выходили молодые, не имеющие серьёзного опыта выпускники театральных вузов (Игламов, 2009: 205). Н.Р. Игламов отмечает немаловажный факт работы в татарском театре этого периода русских режиссёров – Г. Хависа, Ю. Фрида, Н. Великанова, Б. Фердинандова, Е. Амантова, В. Бебутова. Именно Г.В. Хавис стал первым режиссёром, поставившим «Тартюфа» на татарской сцене. Ученик В.Мейерхольда, Г.Хавис большое внимание уделял форме, придавая огромное значение технической оснащённости сцены, свету, музыке, вводя их в «ткань» театрального текста (Игламов, 2009: 206). М.Г. Арсланов подчёркивает роль внешнего оформления и костюмов, придававших спектаклю особый эстетический эффект (Арсланов, 1992: 262). В заглавной роли блистал выдающийся актёр Мухтар Мутинов, за плечами которого уже были такие герои мировой драматургии как Отелло, Гамлет и Карл Моор. Ему «Тартюф», по-видимому, в первую очередь и был обязан своим успехом. Травля, развернувшаяся против Г.Хависа на фоне тогдашней борьбы с формализмом, вынудила режиссёра покинуть Казань. После его отъезда спектакль еще какое-то время шёл на сцене театра, но довольно

скоро был снят с репертуара. В следующий раз «Тартюф» вернётся на татарскую сцену через сорок с лишним лет.

«Тартюф» 1978 г. создавался в совершенно иных исторических условиях. Решения XX съезда партии, разоблачение культа личности Сталина и системы тоталитаризма, формирование критического отношения к перегибам советского прошлого привели к либерализации в области политической, социальной и культурной жизни страны во второй половине XX столетия. Это повлияло и на татарское режиссёрское искусство, которое, как отмечает М.А. Арсланов, со второй половины пятидесятих годов вступило в новый этап своего развития, который характеризуется, прежде всего, обновлением художественного творчества (Арсланов, 2002: 9). В татарский театр приходят молодые, талантливые режиссёры, среди которых выделяется Празат Исанбет. В 1978 г. он создаёт собственную версию «Тартюфа». Однако видный театровед Р.М. Игламов, ценивший Исанбета как личность яркую, творчески многостороннюю, отмечает, что этот спектакль был совершенно традиционным. Говоря о загадочности и неуловимости режиссёрской профессии, о прихотливой логике движения эстетической мысли Исанбета, он подчёркивает важнейшее и неизменное качество его режиссуры – серьёзную педагогическую работу с актёрами (Игламов, 2007: 51–52). Эту мысль развивает Н.Р. Игламов. По его мнению, постановка Исанбета, не отличаясь обилием оригинальных режиссёрских ходов, была создана в лучших традициях школы психологического реализма и иллюстрировала известный афоризм «режиссёр умирает в актёре» (Игламов: 2009: 206). В «Тартюфе» участвовал сильный актёрский состав: Оргон – Г.Шамуков, Клеант – Ф. Кульбарисов, Дорина – А. Галиева, Марианна – З. Зарипова. Но, как и в спектакле 1936 г., главной удачей стала роль Тартюфа. Её мастерски исполнил Ренат Тазетдинов, создавший яркий неподражаемый образ обаятельного злодея.

В третий раз театр Г.Камала обращается к комедии «Тартюф» в 2010 г. Работа над постановкой пришлась на счастливое для российского театра постперестроечное время открытых границ, творческой свободы, отсутствия цензуры, когда стали возможны любые художественные поиски и эксперименты.

Спектакль стал результатом договорённости о совместном францужско-татарском театральном проекте, достигнутой на Авиньонском фестивале 2007 г. между главным режиссёром ТГАТ им. Г. Камала Фаридом Бикчантаевым и Генеральным комиссаром Года «Франция – Россия 2010» Николая Шибоеффом. Для постановки ведущий актёр театра Г.Камала и литератор Ильдус Ахметзянов сделали новый перевод комедии. В отличие от распространённой практики переноса текста пьес на татарский язык с русских литературных переводов, здесь И.Ахметзянов опирался на русский подстрочник французского оригинала, благодаря чему ему удалось максимально точно передать особенности первоисточника. Спектакль был поставлен Николаем Струве – французским режиссёром русского происхождения. Он резко отличался от постановки П.Исанбета 1978 г. Как отмечает А.Р. Салихова, в нём «было больше пародийности, эстетической разноголосицы, стилевой эклектики» (Салихова, 2016: 294). Француз-

ский режиссёр предложил современную версию «Тартюфа». Главный герой в исполнении Фаниса Зиганшина своим обликом и способностью подчинять себе людей явно напоминал Григория Распутина. У кого-то он вызывал ассоциацию с главой секты, гипнотически воздействующим на своих жертв и парализующим их волю (Салихова, 2016: 293). Так режиссёр перекинул мостик между смутным временем начала XX в. и лихими девяностыми и нулевыми годами в России с их бумом эзотерики и мистики. Спектакль пронизан и другими отсылками к современности. Например, в финале разоблачённого Тартюфа приходят арестовывать два милиционера и генерал, напоминающий Пиночета.

ТГАТ им. Г. Камала. «Тартюф» (2010, реж. Н.Струве).
Слева направо: Эльвира – Г. Минакова, Тартюф – Ф.Зиганшин.

Особенностью спектакля стал подчеркнутый французский колорит, создаваемый музыкой, минималистической сценографией Бернара Мишеля и общей атмосферой изящества, эротики, лёгкого юмора (Салихова, 2016: 293).

Помимо Тартюфа-Зиганшина, спектакль содержит целый ряд удачных актёрских работ. Это на удивление молодежавый Оргон в исполнении Искандера Хайруллина; комический образ госпожи Пернель, матери Оргона, созданный Халимом Заляловым; обаятельная и непосредственная Люция Хамитова в роли служанки Дорины; свежо и ярко решённый образ Эльмиры, жены Оргона, в трактовке молодой актрисы Гузели Минаковой; озорная парочка юных влюблённых – Валер и Марианна в исполнении Алмаза Гараева и Ляйсан Файзуллиной.

ТГАТ им. Г.Камала. «Тартюф» (2010, реж. Н.Струве). Сцена ареста Тартюфа.

ТГАТ им. Г. Камала. «Тартюф» (2010, реж. Н.Струве).
Слева направо: госпожа Пернель – Х. Залялов, Эльвира – Г. Минакова.

Трудно представить, что за лёгкостью и изяществом стояли мучительные, часто прерываемые репетиции, омрачённые непониманием между режиссёром и актёрами. Н.Р. Игламов объясняет это тем, что, будучи опытным актёром, в режиссуре Николая Струве на тот момент делал свои первые шаги. Важной причиной возникших разногласий критик считает и разницу в режиссёрских под-

ходах: актёрам не хватало подробного разбора пьесы, определения идеи спектакля, чёткой постановки задач, то есть того, чем знаменита и сильна отечественная режиссура (Игламов, 2019б: 79–80).

Однако в итоге участники репетиционного процесса пришли к пониманию, и спектакль не только состоялся, но и стал достойной совместной работой французского режиссёра и татарских артистов. Но несмотря на безупречно выдержанный жанр, динамику, лёгкость, задор и удачные актёрские работы, спектакль имел не очень счастливую судьбу и быстро сошёл с афиши. Здесь мы сталкиваемся с важной проблемой – особенностями зрительского восприятия в национальном театре. Зритель, воспитанный на близкой ему национальной драматургии, на традициях родного татарского театра, ожидающий увидеть на сцене «свой мир», порой оказывается невосприимчив к «чужому» и уж тем более к разного рода новшествам и экспериментам. Поэтому обращение к зарубежной драматургии для татарского театра всегда сопряжено с риском и является определённым вызовом. Эстетические различия, чужеродность сценического материала и консервативная реакция зрителей не раз являлись причиной непродолжительной жизни спектаклей по западноевропейской классике и современной пьесе. Эта участь постигла и последнего «Гартюфа». Зато для труппы он стал ценным опытом приобщения к высокой классике, работы с представителем французской режиссёрской школы, освоения новых принципов игры.

Яркой страницей истории мольеровских постановок на татарской сцене стал «Господин де Пурсоньяк» (1999/2000) режиссёра Рашида Загидуллина в театре К. Тинчурина. До Загидуллина этот театр к зарубежной драматургии обращался крайне редко. Вернувшись в 1993 г. в Казань после учёбы в Московском театральном институте им. Б.В. Щукина, полный энтузиазма и новых идей, он обогатил репертуар театра, который возглавил в качестве главного режиссёра, пьесами Шекспира, Мольера, Бомарше, Брехта, Лорки, Мрожека.

«Господин де Пурсоньяк» относится к группе комедий-балетов – жанру, специально разработанному Мольером. Вынужденный участвовать в развлечениях королевского двора, он создаёт пьесы, органически сочетающие драматическое действие и танцы. Это «Докучные (1661), «Сицилиец, или Любовь-живописец» (1667), «Господин де Пурсоньяк» (1669), «Мещанин во дворянстве» (1670) и «Мнимый больной» (1673).

Пьеса «Господин де Пурсоньяк» была написана Мольером по заказу короля Людовика XIV для исполнения во время праздников. В основу её легла комедия «Несчастья Пульчинеллы» из репертуара итальянской комедии дель арте, которую драматург высоко ценил и элементы которой использовал в своих пьесах. Музыка к комедии написал известный композитор Ж.-Б. Люлли. Пролог и все три акта содержали балетные номера. Пьеса представляет собой историю влюблённых – Эраста и Юлии, которые с помощью хитрых выдумок и остроумных проделок пытаются избавиться от господина де Пурсоньяка, лиможского дворянина, за которого отец Юлии хочет выдать свою дочь. В этом им помогает верный наперсник Сбригани.

Театр драмы и комедии им. К.Тинчурина. «Господин де Пурсоньяк» (1999, реж. Р.Загидуллин). Сцена из спектакля.

Театр драмы и комедии им. К.Тинчурина. «Господин де Пурсоньяк» (1999, реж. Р.Загидуллин). Сцена из спектакля.

На выбор Р.Загидуллина, очевидно, повлияла его любовь к музыке, танцам, песням, к жанру мюзикла и театральности как таковой. В его режиссёрском языке присутствует ярко выраженное игровое начало. Р.Загидуллин создал новаторский спектакль, «совершенно небывалое доселе шутовское, карнавальное, ярко зрелищное представление. <...> Всё пело, плясало, двигалось, создавая ощущение непрестанно крутящейся карусели» (Илялова, 2002: 158). Воображение зрителей поражали безудержная фантазия постановщиков, причудливые костюмы и декорации, бешеный ритм, озорная актёрская импровизация. И.И. Илялова отметила игру Эдуарда Утяганова, музыкального, пластичного молодого актёра в роли вездесущего Сбригани. Особенно удачным показался ей образ самого Пурсоньяка в исполнении Зуфара Харисова: нелепый человечек в рыжем одеянии, в таком же рыжем парике, под которым скрывается лысина, вытаращенные глаза на глупейшем лице (Илялова, 2002: 158). Зуфар Харисов – автор перевода пьесы на татарский язык.

Театр драмы и комедии им. К.Тинчурина. «Господин де Пурсоньяк» (1999, реж. Р.Загидуллин). Сцена из спектакля.

Театр драмы и комедии им. К.Тинчурина. «Господин де Пурсоньяк» (1999, реж. Р.Загидуллин). Рашид Загидуллин с участниками спектакля.

Для труппы это был бесценный опыт приобщения к мировому театру и освоения новых форм актёрского существования. Но эта работа Рашида Загидуллина и его команды в очередной раз выявила проблему зрительского восприятия в национальном театре. Спектакль имел большой успех у молодёжной аудитории, а вот зрители старшего поколения отнеслись к нему скептически. Взращённые преимущественно на бытовых пьесах и соответственно имевшие определённый горизонт ожидания, они крайне настороженно отнеслись к непривычной эстетике. И перед режиссёром встала трудно разрешимая проблема: как совместить желание и потребность экспериментального освоения традиций и современных новаций мирового театра с сохранением «своего» зрителя и необходимостью удовлетворить его эстетические запросы (Мировая классика..., 2018: 75). Эта проблема не теряет актуальности и по сей день.

Выдающимся событием и исключительно удачным примером рецепции зарубежной драматургии татарским театром стал «Дон Жуан» Мольера, поставленный в театре Камала его главным режиссёром Фаридом Бикчантаевым в театральном сезоне 2015/2016 гг. «Дон Жуан» стоит особняком среди «высоких» комедий Мольера, в первую очередь, в силу неоднозначности образа главного героя. Делая первый шаг в сторону от эстетики классицизма, драматург нарушает одно из важных его правил – «закон господствующей страсти» и создаёт характер сложный и противоречивый. Отсюда бесчисленное количество интерпретаций, которые пережила эта самая загадочная из пьес Мольера.

Ф.Бикчантаев предложил собственную авторскую версию, создав сложносочинённый, многослойный интеллектуальный спектакль.

«Дон Жуан» Ф. Бикчантаева стал итогом многолетних раздумий, долгого диалога режиссёра с Мольером. Ещё в 1980-е годы, будучи студентом, он сделал эскиз по этой пьесе, а в 1995 г. собирался ставить её в театре Г. Камала. Но что-то тогда не сложилось. В театральном сезоне 2001/2002 гг. он поставил «Дон Жуана» на сцене русского ТЮЗа. Этот спектакль, при ярких режиссёрских находках, удачных актёрских работах и прочих достоинствах, всё-таки был еще своего рода «пробой пера», первым шагом режиссёра на пути к решающей встрече с героем Мольера. Она состоялась 15 лет спустя на сцене родного театра Г.Камала. Это была уже цельная, концептуальная режиссёрская работа. На татарский язык пьесу перевёл актёр, поэт и переводчик Халим Залялов.

ТГАТ им. Г.Камала. «Дон Жуан» (2016, реж. Ф.Бикчантаев). Дон Жуан – Р.Бариев.

Обращаясь к Мольеру на пике своей режиссёрской зрелости, Фарид Бикчантаев стремился раскрыть, в первую очередь, философскую проблематику пьесы, осмыслить характер сложного, мятежного сознания героя, причины его неординарных поступков, вызывающих праведный гнев обывателей. Эта задача потребовала разрушения иллюзии, определённой дистанции, взгляда со стороны. Отсюда некая отрешённость в игре Радика Бариева, исполнителя роли Дон Жуана. Он не столько вживается в образ своего героя, сколько «показывает» его, стремясь понять суть его личности и природу его протеста. Такая техника актёрской игры отсылает к знаменитому «эффекту очуждения» Бертольта Брех-

та, направленному на критическую оценку происходящего на сцене (Шевченко, 2023: 32).

Кто он, этот загадочный Дон Жуан? Циничный развратник, коварный соблазнитель, лишний человек, человек без свойств, посторонний, жертва дурной наследственности, вконец усталый, разочарованный в жизни человек с «чеховским геном»? Так по-разному восприняли камаловского Дон Жуана критики, посмотревшие спектакль. Каждый из них по-своему прав, но ни одна из этих характеристик не является исчерпывающей. В этом проявляется важнейшее свойство как созданного Бикчантаевым образа Дон Жуана, так и спектакля в целом – его амбивалентность, многозначность, несведение к единственно правильному ответу. Современный театр не преподносит готовых решений, а приглашает публику к совместному размышлению, к диалогу, сотворчеству, в ходе которого в сознании каждого зрителя рождается свой спектакль.

ТГАТ им. Г.Камала. «Дон Жуан» (2016, реж. Ф.Бикчантаев).

Слева направо: Эльвира – Л.Хамитова, Дон Жуан – Р. Бариев, Гусман – Х.Залялов.

Со всей очевидностью можно утверждать, пожалуй, только то, что Дон Жуан Радика Бариева одинок. Одна из ключевых сцен спектакля – герой, в задумчивости сидящий посреди пустой сцены в окружении струящегося по прозрачным стенам мольеровского текста, с которым он ведёт незримый диалог. Он словно знает наперёд, что должно случиться, а потому внешние события – соперничество за его любовь крестьянок Шарлотты и Матюрины, спасение Дона Карлоса, встречи с отцом, появление Эльвиры находятся как-бы на периферии его сознания. Его взгляд устремлён в недоступные другим глубины. В оди-

ночестве Дон Жуана проявилась судьба незаурядной личности, бросившей вызов обществу: «Обладая абсолютным слухом на фальшь, он не приемлет ни рутины, в которую со временем обращается страсть, ни показной отцовской любви, ни ретивого благочестия» (Шевченко, 2023: 33). Потому образы Эльвиры (Люция Хамитова) и Дона Луиса, отца героя (Ильтазар Мухаматгалиев), сатирически снижены. Дон Луис с пафосом читает наставления беспутному сыну, при этом он изрядно пьян, подтягивает сползающие штаны, а из его кармана торчит помятый бюстгальтер. Обольщённая и покинутая Дон Жауном Эльвира неожиданно появляется с нимбом над головой и игрушечными ангельскими крылышками, при этом сильно напоминая «Шоколадницу» Лиотара. Раскаявшаяся и просветлённая грешница, она с комическим рвением намывает полы в доме своего соблазнителя. Они не могут вызвать в герое никаких иных чувств, кроме равнодушного презрения и скуки. Исключение Дон Жуан делает только для своего верного слуги Сганареля (Искандер Хайруллин), наивного и плутоватого, но искренне верящего в Бога и нравственный закон. Но его простодушное морализаторство не в состоянии противостоять острому критическому уму Дон Жуана и его жёсткой математической логике, в прах разбивающей расхожие истины и этические догмы.

ТГАТ им. Г.Камала. «Дон Жуан» (2016, реж. Ф.Бикчантаев).
Слева направо: Сганарель – И. Хайруллин, Дон Жуан – Р.Бариев.

Взгляд Ф. Бикчантаева на события пьесы – это взгляд человека XXI в., знакомого с исторической реальностью прошедших эпох и кризисом гуманистических ценностей. Мысль о связи режиссёрского высказывания с современностью разделяет Н.Р. Игламов, предполагая, что вся постановка Бикчантаева – это спор с Мольером и его временем с позиций сегодняшнего дня. Как считает критик, это объяснило бы эклектику спектакля и анахронизмы в костюмах и реквизите, отсылающие как к эпохе Мольера, так и ко дню сегодняшнему (Игламов, 2019а: 200).

Современное мышление постановщиков проявилось и в стильной сценографии, одновременно лаконичной и выразительной (художник – Сергей Скоморохов, художник по свету – Евгений Ганзбург). Сцена представляет собой огромное пустое пространство с обнажёнными колосниками, прожекторами, видеокамерами и прочим техническим оснащением. По периметру расположены прозрачные стены, на которые проецируются картины моря, леса, неба, разрушенного города. В спектакле всецело царит театральная условность.

Неординарность режиссёрского решения, философская глубина, выразительная условная сценография, подчёркнутая театральность, виртуозное воплощение комической линии пьесы, мощный актёрский ансамбль делают этот спектакль одновременно содержательным и зрелищным. В нём режиссёру удалось выработать универсальный театральный язык, понятный всякому думающему зрителю, независимо от его национальной принадлежности. Неудивительно, что он до сих пор с успехом идёт на сцене театра Г.Камала.

* * *

На обсуждение выносится вопрос, уже затронутый в ходе анализа сценической судьбы комедий Мольера на татарской сцене: каким образом возможно совместить необходимый для всякого живого театра поиск новых форм, стремление к эксперименту и обновлению художественного языка, освоение лучших традиций мировой драматургии и театра с необходимостью сохранить «своего» зрителя, отвечать запросам традиционной публики национального театра. Обсуждение данного вопроса могло бы послужить отправной точкой для дальнейшего исследования характера интеграции татарского театра в мировой театральный процесс и возможностей соединения в его художественной практике национальных и западных театральных традиций.

Жан-Батист Мольер относится к числу самых востребованных западноевропейских драматургов в татарском театре. А по степени влияния, какое он оказал на татарское театральное искусство, ему среди классиков мировой драматургии, пожалуй, нет равных. Это влияние простиралось как на национальную драматургию, так и на сценическую практику. Комедийные традиции французского классицизма, достигшие своей вершины в творчестве Мольера, оказались близки игровой природе татарского театра и стали важным фактором формирования жанра комедии на иной национальной почве. Особое значение они имели на этапе становления молодого татарского театра.

Татарский театр в разные периоды своего существования обращался как к самым известным комедиям Мольера («Тартюф», «Дон Жуан», «Мещанин во дворянстве», «Скупой», «Лекарь поневоле», «Плутни Скапена»), так и к его пьесам, нечасто появляющимся на подмостках мирового театра («Жорж Данден», «Господин де Пурсоньяк»). Тексты комедий, как правило, переносились на татарский язык опосредованно – через русские или турецкие переводы.

Характер рецепции был тесно связан со временем обращения, художественными вкусами режиссёров, актёрскими индивидуальностями. Так, постановка «Тартюфа» 1936 г. учеником Мейерхольда Григорием Хависом стала по сути «лебединой песней» альтернативной соцреализму режиссёрской линии в татарском театре. На фоне борьбы с формализмом Г. Хавис подвергся как давлению извне, так и ожесточённой травле со стороны сил внутри театра и вынужден был покинуть Казань. В 1978 г. Празат Исанбет, выпускник национальной студии ГИТИСа, ученик О.Пыжовой и Н.Горчакова, близкий к школе МХАТ, ставит «Тартюфа» в традициях психологического реализма. И в первой, и во второй постановках проявились традиции сильной татарской актёрской школы – в заглавной роли выступили блистательные артисты Мухтар Мути и Ренат Тазетдинов, которым спектакли были в первую очередь обязаны своим успехом.

«Господин де Пурсоньяк» Рашида Загидуллина 1999 г. в театре К.Тинчурина, «Тартюф» Николая Струве 2010 г. и «Дон Жуан» Фариды Бикчантаева 2016 г. в театре Г.Камала созданы в постперестроечный период открытых границ, активного взаимодействия между российским и европейским театром. Это было неподцензурное время творческой свободы, экспериментов и художественного поиска в самых разных направлениях. Рашид Загидуллин создал новаторский для татарского театра спектакль в жанре буффонадной комедии с яркой карнавальной эстетикой. Николай Струве поставил осовремененного «Тартюфа» в традициях лёгкого французского юмора, весёлой игры и изящной иронии. Фарид Бикчантаев создал глубокое философское произведение, перекинув мостик в день сегодняшний, при этом его «Дон Жуан» отличается стильной современной формой, тонкой иронией и яркой театральностью.

Обращение к наследию Мольера стало прекрасной школой мастерства для татарских актёров и режиссёров, ценной практикой приобщения татарского театра к французской театральной культуре, освоения новых форм и способов существования и важнейшим опытом взаимодействия с западноевропейской сценической традицией.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланов М.Г. Татарское режиссёрское искусство (1906–1941). Казань: Тат. кн. изд., 1992.
- Арсланов М.Г. Татарское режиссёрское искусство (1941–1956). Казань: Тат. кн. изд., 1996.
- Арсланов М.Г. Татарское режиссёрское искусство (1957–1990). Казань: Фикер, 2002.
- Игламов Н.Р. Дон Жуан // Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто десять лет. В трёх томах. Том 3. Казань: Заман, 2019а. С. 197–203.
- Игламов Н.Р. Тартюф // Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В двух томах. Том 1. Спектакли. Казань: Заман, 2009. С. 205–206.
- Игламов Н.Р. Тартюф (2010). Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто десять лет. В трёх томах. Том 3. Казань: Заман, 2019б. С. 79–80.
- Игламов Р.М. Творчество Празата Исанбета // Испытание временем. Казань: Отечество, 2007. С. 47–53.
- Илялова И.И. Современное звучание мировой классики на татарской сцене // *Tatarica*. 2016. №1 (6). С. 137–162.
- Илялова И.И. Театр имени Тинчурина. Казань: Идел-Пресс, 2002.
- Салихова А.Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. Казань: ИЯЛИ, 2016.
- Мировая классика на провинциальной сцене: русские и татарские театры Казани за два столетия / О.О. Несмелова, В.Б. Шамина, Е.Н. Шевченко и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018.
- Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – начало XXI вв.). Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019.
- Хомайко Ю.Н. Театр французского классицизма // Всеобщая история театра. М.: Эксмо. 2012. С. 323–362.
- Шевченко Е.Н. «Дон Жуан» в театрах Казани: сценические интерпретации Фариды Бикчантаева и Григория Дитятковского // Театр и драма: эстетический опыт эпохи: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 11 октября 2022 г. / Министерство культуры Новосибирской области, Новосибирский государственный театральный институт; редкол.: Т.И.Печерская, Я.О.Глембоцкая, Л.П.Шатина [и др.]. Новосибирск: НГТИ, 2023. Вып. 10. С. 28–37.

REFERENCES

- Arslanov M.G. (1992) *Tatar art of stage direction (1906–1941)*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Arslanov M.G. (1996) *Tatar art of stage direction (1941–1956)*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Arslanov M.G. (2002) *Tatar art of stage direction (1957–1990)*. Kazan: Ficker Publ. (In Russ.)
- Khomayko Yu.N. (2012) Theater of French classicism. In: *Universal history of the theatre*. Moscow: Eksmo Publ.: 323–362. (In Russ.)
- Iglamov N.R. (2009) Tartuffe. In: *Galiasgar Kamal Tatar State Academic Theatre. A hundred years*. In two volumes. Vol. 1. Performances. Kazan: Zaman Publ.: 205–206. (In Russ.)
- Iglamov N.R. (2019a) Don Juan. In: *Tatar State Academic Theater. A hundred ten years*. In three volumes. Vol. 3. Kazan: Zaman Publ.: 197–203. (In Russ.)

Iglamov N.R. (2019b) *Tartuffe* (2010). In: *Galiygar Kamal Tatar State Academic Theater. A hundred and ten years*. In three volumes. Vol. 3. Kazan: Zaman Publ.: 79–80. (In Russ.)

Iglamov R.M. (2007). The creative work of Prazat Isanbet. In: *The test of time*. Kazan: Otechestvo Publ.: 47–53 (In Russ.)

Ilyalova I.I. (2002) *Tinchurin Theatre*. Kazan: Idel-Press Publ. (In Russ.)

Ilyalova I.I. (2016) The modern sound of world classics on the Tatar stage. In: *Tatarica*. No.1 (6): 137–162. (In Russ.)

Salikhova A.R. (2016) *Features of the formation and development of the Tatar stage art*. Kazan: IYALI Publ. (In Russ.)

Shevchenko E.N. (2023) “Don Juan” in theaters of Kazan: scenic interpretations by Farid Bikchantaev and Grigory Dityatkovsky. In: *Theater and drama: aesthetic experience of the epoch: Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Novosibirsk, October 11, 2022. Novosibirsk: Novosibirsk State Theater Institute Publ.: 28–37. (In Russ.)

Sultanova R.R. (2019) *The scenography of the Tatar theater: the main stages and patterns of development (the 20th – early 21st centuries)*. Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost' Publ. (In Russ.)

World classics on the provincial stage: Russian and Tatar theatres of Kazan for two centuries (2018). Eds. O.O. Nesmelova, V.B. Shamina, E.N. Shevchenko et al. Kazan: Kazan Univ. Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Шевченко Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-4719-0314>; e-mail: elenachev@inbox.ru

About the author: Elena N. Shevchenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Research Fellow at the Center of Art Criticism, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4 K. Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-4719-0314>; e-mail: elenachev@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 1.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 1.04.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.295-302>

«Приключения Ходжи Насреддина в Татарстане»: история и современность на театральных подмостках

А.Р. Салихова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

aygul.salikhova@gmail.com

Резюме. Фольклорный персонаж Ходжа Насреддин широко известен в разных странах мира. Веселый и находчивый герой на протяжении многих веков становился выразителем чувств и настроений восточных народов, их остроумия, свободолюбия и бунтарства. В настоящее время ему посвящены многочисленные образцы не только народного, но и профессионального искусства. Образ Ходжи раскрывается в них разными гранями и порой трансформируется под влиянием творческой индивидуальности его создателей.

Данная статья посвящена различным трактовкам классической истории Ходжи Насреддина на театральных подмостках. Рассматриваются драматические спектакли театра им. Г. Камала, кукольный спектакль Театра Наций, ставший продолжением эскиза, созданного на театральной лаборатории в Свияжске, музыкальная постановка оперной студии совместно с оркестром Татарica Казанской консерватории.

Ключевые слова: Ходжа Насреддин, Наки Исанбет, татарский театр, комедия, фольклор, национальное искусство.

Для цитирования: Салихова А.Р. «Приключения Ходжи Насреддина в Татарстане»: история и современность на театральных подмостках. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 295–302. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.295-302>

“The adventures of Khoja Nasreddin in Tatarstan”: history and modernity on theatre stage

A.R. Salikhova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art

of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

aygul.salikhova@gmail.com

Abstract. The folkloric character Khoja Nasreddin is widely known in different countries. A cheerful and resourceful hero for many centuries has become an expression of feelings and sentiments of the eastern peoples, their wit, freedom and rebellion. Currently, numerous examples of not only folk, but also professional art are dedicated to him. The image of Khoja is presented in dif-

ferent aspects and sometimes transforms under the influence of the creative individuality of its authors.

This article is devoted to various interpretations of the classical history of Khoja Nasreddin on the stage. The article examines dramatic performances of G. Kamal Theatre, a puppet show of the National Theater, which became a continuation of the sketch created at the theatre laboratory in Sviyazhsk, a musical production of the Opera Studio in cooperation with the Tatarica Orchestra of the Kazan Conservatory.

Keywords: Khoja Nasreddin, Naki Isanbet, Tatar theatre, comedy, folklore, national art.

For citation: Salikhova A.R. (2024) “The adventures of Khoja Nasreddin in Tatarstan”: history and modernity on theatre stage. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol.9. No.2: 295–302. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.295-302> (In Russ.)

Фольклорный персонаж Ходжа Насреддин хорошо известен в разных странах мира. Притчи, басни и анекдоты о нем имеют широкое распространение в странах Средней Азии и Ближнего Востока, а также на всём евразийском континенте, включая Китай. Как правило, он хитер, остроумен, смел, всегда на стороне добра, защищает бедных, слабых и обделенных. При этом он не боится противостоять самым жестоким и деспотичным правителям. Рассказы о Ходже Насреддине носят преимущественно социально-бытовой характер. Однако в них не трудно увидеть и социально-политический контекст. Исследователи уже давно заметили двойственную роль героя Ходжи Насреддина. Если с одной стороны, он играет важную роль в становлении и развитии комедийного жанра в восточных странах, то с другой – выражает свободолобивые и бунтарские настроения народных масс, их протест против произвола и социальной несправедливости. «При всем при этом главным оружием Ходжи Насреддина неизменно является его хитрость, чувство юмора и хорошо подвешенный язык» (Юлдашева, 2020).

Короткие и поучительные истории о Ходже Насреддине бытовали и в среде татар. Из глубин народной жизни, повседневного домашнего юмора он шагнул сначала в национальную литературу, а затем и на сцену татарского театра. В 1939 г. татарский писатель и учёный Наки Исанбет на основе богатого фольклорного материала создал полномасштабную пьесу «Ходжа Насретдин», где в остроумной форме в духе своего времени высмеял пороки и недостатки богачей, представителей власти. Эта комедия положила начало целому направлению в татарской драматургии. Театровед М.Г. Арсланов отметил: «К произведениям устного творчества татарского народа обращались многие авторы. Однако лишь Наки Исанбет накапливал репертуар и создавал свой своеобразный фольклорный театр. Его пьесы «Идегей», «Ходжа Насретдин», «Рыжий сказитель и красавица Карачеч», «Джигит из Кырлая», «Абугалисина» и другие стали важными вехами развития не только творчества драматурга, но и всего татарского театра. Эти произведения до сих пор живут в репертуаре, влияя на

формирование национального самосознания татарского народа» (Арсланов, 2012: 251).

В 1940 г. комедия была поставлена на сцене татарского академического театра. Режиссерами выступили Евгений Амантов, Кашифа Тумашева и Хусаин Уразиков. Костюмы и декорации создал художник Петр Сперанский. Музыка написали композиторы Джаудат Файзи и Салих Сайдашев. Роль Ходжи Насретдина непревзойденно сыграл народный артист СССР Халил Абжалилов.

Спектакль очень понравился зрителям и получил громкий общественный резонанс. Комедия «Ходжа Насретдин» была утверждена для показа на Декаде татарского искусства и литературы 1941 г. в Москве. Над новой постановкой совместно работали оперный театр и ТГАТ им. Г. Камала. Были привлечены и столичные специалисты: режиссер В. М. Бебутов, балетмейстеры П.А. Гусев, Г.Х. Тагиров, Л.В. Якобсон. Старания окупились, и результат оправдал ожидания. Наделяя спектакль эпитетами «яркий, театральный, красочный», театроведы сходились в одном: «На фоне бытовых драм предвоенных лет... заблестел комедийными гранями оригинальный, пышный спектакль с интересными массовыми сценами» (Донина, 2016: 112).

Комедия, соединившая воедино сказочные и исторические мотивы, привлекала зрителей неиссякаемым оптимизмом, сочным народным юмором, яркостью характеров, и метким, остроумным языком. Положительной рецензией откликнулся на спектакль известный татарский поэт Муса Джалиль. По его мнению, Наки Исанбет сумел связать в единый сюжет материалы устного народного творчества и создать полноценную комедию, выразившую единую идею (Джалиль, 1940).

Многие сошлись во мнении, что комедия «Ходжа Насретдин» – по-настоящему национальное произведение. Интересны суждения критика В. Лескова, которыми он поделился с читателями журнала «Театр»: «Когда... прочтешь старую пьесу о похождениях Ходжи Насретдина, только тогда и почувствуешь все своеобразие, весь аромат национального колорита татарской драматургии... Этот колорит проявляется в изображении народного юмора, в бытовом орнаменте, в тех мельчайших деталях психологической характеристики, что свойственно именно татарскому, а не другому искусству» (Лесков, 1940: 140).

В 1952 и 1957 гг. были созданы новые редакции этой легендарной постановки. Актерский состав в них изменился, но Ходжу Насретдина неизменно исполнял полюбившийся всем в этой роли Халил Абжалилов. Лишь в 1966 г., в новой постановке режиссера Хусаина Уразикова роль Ходжи Насретдина досталась выдающимся татарским актерам Фуату Халитову и Габдулле Шамукову, которые играли его поочередно, внося в образ каждый свои неповторимые особенности.

Не будет преувеличением сказать, что комедия «Ходжа Насретдин» заняла в татарской драматургии особое место. Ее можно сравнить с «Голубой шалью» Карима Тинчурина или «Альмандаром из Альдермышы» Туфана Миннуллина.

Она стала знаковым произведением, олицетворением народного духа и национальных традиций в татарском театре.

Новая встреча зрителей со знаменитой комедией состоялась в 1990 г. Постановку осуществил Марсель Салимжанов. Главную роль он доверил популярнейшему актеру Равилю Шарафееву. Особое внимание было уделено сценографии. Она отличалась продуманностью и национальным колоритом. «Здесь художнику А. Б. Кноблоку удалось соединить мирискуснические традиции с особенностями татарской художественной культуры» (Султанова, 2019: 346). Этот спектакль пользовался зрительским успехом, он не сходил со сцены театра больше четырех лет. Но, видимо, носил больше развлекательный характер. Театровед И. Илялова подметила: «Спектакль получился цельный, ансамблевый, тем не менее, он не вызвал такого же резонанса как две первые постановки» (Илялова, 2009: 231)

Обращение Фариды Бикчантаева к легендарной пьесе уже в новом двадцать первом веке вызвало к себе особый интерес. Ожидалось, что он найдет новые оригинальные решения, темы и проблемы, использует неординарный художественный язык, для того чтобы сделать произведение 1939 г. близким и понятным современному зрителю. И правда, было много неожиданных находок и сюрпризов. Премьеру предваряли «репортажи» в соцсетях о путешествии Ходжи, «спешащего в Казань» из долгих странствий по миру, для участия в спектакле был найден и обучен настоящий живой ослик. Все обещало необычное, запоминающееся представление.

Спектакль 2015 г. действительно удивил. И даже не столько внешними эффектами, сколько социальной остротой и неожиданным поворотом событий. Нужно отметить, что комедия подверглась значительной переработке. Текст Наки Исанбета был значительно сокращен, но в ткань повествования был добавлен фрагмент пьесы сирийского драматурга Саадаллы Ваннуса «Слон, Ваше величество!». Таким образом, зловещий анекдот про слона, присутствующий в пьесе Наки Исанбета лишь эпизодом, в спектакле вырос в законченную линию сюжета. Это придало произведению совершенно новые смыслы.

Идею режиссера поддержали фантастические, «инопланетные» декорации Сергея Скоморохова. Художник отошел от бытового правдоподобия, оформив сцену в абстрактном вневременном стиле. Зрители попадают в иную, нематериальную реальность, которая удивительно созвучна внутреннему миру Ходжи – светлomu, загадочному, полному необъяснимых парадоксов и в то же время гармоничному. Образ Ходжи Насретдина (которого с большим обаянием и внутренним светом сыграл Фанис Зиганша) в новом контексте приобретает глобальное философское звучание. Он предстает бесстрашным, просветленным, поистине свободным человеком. По-новому воспринимаются и его антиклерикальные высказывания, Ходжа против навязанных догм, но у него есть своя вера – вера в добро, любовь, справедливость. Его стремление к свободе и внутренней цельности противоречит законам реального мира, где правят сила, власть, богатство и сопутствующая им жестокость. Противопоставление этих

двух лагерей нагляднее всего ощущается, если сравнивать огромного, страшно-го, помпезного, но холодного и пустого надувного слона с маленьким, неказистым, но живым и теплым осликом (Салихова, 2016: 270). Контраст жестко регламентированного, построенного на неравенстве, насилии и угнетении государственного устройства с простыми человеческими чувствами, естественными движениями души усиливает конфликт произведения, дополняет удручающую историю со слонем – свидетельство непобедимости в людях страха и раболепия. Постановка «Ходжи Насретдина» 2015 г. продемонстрировала смелый подход театра к произведению национальной классики, желание выделить в нем актуальные мотивы.

В 2019 г. на шестой театральной лаборатории «Свияжск АРТель» историю о Ходже Насреддине и его Ишаке по-своему интерпретировал известный кинорежиссер Тимур Бекмамбетов. Сама по себе эта работа очень необычна. За несколько дней приглашенные на лабораторию и разделившиеся на команды режиссеры, драматурги, актеры в импровизационном ключе должны создать целостный эскиз спектакля. Затем его показывают друг другу, зрителям и критикам, бурно и искренне обсуждают. В очень редких случаях особо удачные эскизы затем дорабатываются и становятся спектаклями. Часто при этом они довольно сильно меняются в зависимости от постоянной площадки и новых исполнителей.

Тимур Бекмамбетов признался в интервью, что он давно мечтал прикоснуться к этой теме: «Много лет я хотел рассказать историю Ходжи, но не мог придумать как. Однажды понял, что нужно рассказывать историю не про Ходжу, а про Ишака, потому что мы больше похожи на ишаков, чем на наших учителей. Так появилась идея сделать спектакль об Ишаке и последнем пути Ходжи. Мы все знаем много анекдотов про него, но здесь в первый раз видим историю о том, как закончилась его физическая жизнь, ведь он продолжает жить среди нас в своих историях»¹.

В эскизе сыграли известные актеры театра им. Камала Эмиль Талипов (Ходжа Насреддин), Искандер Хайруллин (эмир Тимур), казанского ТЮЗа Нияз Зиннатуллин (Ишак), а также исполнительница роли Анны Карениной в одноименном иммерсивном спектакле актриса Юлия Маленкина (Кобылица). Восточные костюмы и реквизит были позаимствованы у коллекционеров, а над музыкальным оформлением работали Радик Салимов, Базарбай Бикчантаев, Альберт Сатрутдинов.

Показанная при свете факелов на берегу реки Волги история произвела сильное впечатление на зрителей. Темы, затронутые в эскизе, взволновали и режиссера. Он решил продлить жизнь любимившимся героям. Так на малой сцене московского Театра Наций появился кукольный спектакль о вечном страннике Ходже Насреддине и его верном Ишаке. В написании пьесы Т. Бек-

---

¹ Егорова И. Много лет хотел рассказать историю Ходжи, но не мог придумать как // KazanFirst. 18.08.2019. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/497694> (дата обращения: 15.03.2024).

мамбетову помог талантливый татарский драматург Ильгиз Зайниев (нынешний художественный руководитель театра кукол «Экият»).

Как и постановка Ф. Бикчантаева, этот спектакль отличается актуальностью, современным, свежим взглядом на мир. В одном из своих интервью Тимур Бекмамбетов сказал: «Я много лет мечтал рассказать историю Ходжи Насреддина, талантливого и парадоксального персонажа, который все переворачивает с ног на голову. Но поскольку мир и так перевернут, то у Насреддина в итоге все оказывается на своих местах. Мы создали образ легендарного трикстера восточной цивилизации, и у нас вышла пьеса о свободе, любви и правах человека, в общем, о проблемах и чаяниях всех времен, вплоть до сегодняшнего дня»².

Для своего спектакля режиссер подобрал поистине «звездный» актерский состав, заразив их своим энтузиазмом. Роли озвучили Константин Хабенский, Евгений Миронов и Чулпан Хаматова.

Художник и второй режиссер спектакля Анна Викторова – ученица знаменитого создателя тбилисского театра марионеток Резо Габриадзе. Вместе с автором марионеток Виктором Антоновым и актерами, управляющими ими, они создают необычный для драматического театра мир, в котором у актеров нет мимики, но масштаб движений настолько мелкий, что зрители забывают, что перед ними куклы. Ишак самый эмоциональный герой, не только благодаря живому и проникновенному озвучиванию Евгения Миронова. У его есть подвижные части головы – челюсти и особенно уши, которые отвечают за эмоции. Ходжа более сдержан за счет неподвижного лица и оживает за счет мелких движений рук и поворотов головы. Киноверсия спектакля за счет монтажа, смены ракурсов и чередования планов разной крупности дает возможность разглядеть в полной мере то, что в театре увидеть невозможно. Так, только на экране видно, что все куклы похожи на озвучивающих их актеров, даже в Ишаке проглядывает что-то от художественного руководителя Театра Наций Евгения Миронова. Восточный колорит дополняет замечательная музыка, написанная для спектакля Юрием Потеенко³.

О несомненных достоинствах этой работы говорит тот факт, что спектакль Т. Бекмамбетова «Ходжа Насреддин» в Театре Наций в 2022 г. получил самую престижную театральную премию России – «Золотую маску» как «Лучший спектакль в театре кукол».

К 110-летию со дня рождения композитора Джаудата Файзи солисты оперной студии совместно с оркестром Tatarica Казанской консерватории в декабре 2020 г. показали зрителям его музыкальную комедию «Ходжа Насретдин».

---

² Невинная И. Роуд-муви о Ходже Насреддине: Бекмамбетов поставил в Москве спектакль родом из Свияжска // Бизнес-online. 8.02.2021. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498378> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Визгалова Е. «Ходжа Насреддин»: Мы там были, и мы там будем // Кино-Театр.РУ. 17.04.2022. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/art/teatr/6343/print/> (дата обращения: 15.03.2024).

Представление состоялось на сцене Государственного большого концертного зала имени Салиха Сайдашева. Инициатором события стал молодой разносторонний музыкант Ильяс Камал. Слушатели знают его как композитора, аранжировщика и виолончелиста, а также дирижера оркестра театра имени Тинчурина. Он проделал серьезную работу по восстановлению партитуры произведения, вокальных номеров. В этом ему помогли коллеги из камаловского театра. В своем интервью журналистам он подчеркнул, что главным для него было «сохранить неповторимый колорит музыки Файзи»⁴.

Приглашенный для постановки режиссер Ринат Бекташев постарался взглянуть на произведение свежим взглядом современного человека и в то же время отдать дань традициям, сохранив в спектакле элементы так называемой «школы представления» с ее яркой эмоциональностью и преувеличенными страстями. В целом, спектакль был пронизан чувством любви и признательности деятелям татарской культуры, уважением к своей истории. Исполнитель главной роли Ильгиз Мухутдинов в своем интервью подчеркнул: «Музыка Файзи окружает нас в стенах консерватории. Студенты и раньше исполняли его произведения, теперь мы продолжаем эту традицию»⁵. Зрители тепло приняли спектакль. Солисты оперной студии Рузиля Низамова, Альберт Хаммадеев, Мустафа Алиев, Айзат Адылгареев, Булат Закиров, Адель Шарапов, Айгуль Гардисламова, Диана Медведева, Диляра Тухватуллина, Айрат Ганиев, Руслан Закиров отыграли свои роли душевно и с самоотдачей.

Персонаж восточного фольклора Ходжа Насреддин до сих пор вызывает к себе большой интерес и становится героем самых разнообразных произведений сценического искусства. Он олицетворяет собой мудрость и жизнелюбие народа, и является своего рода символом национальных традиций, получивших общемировое признание.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Джалиль М. Ходжа Насретдин // Кызыл Татарстан. 1940. 29 апрель.

Лесков В. Театры Казани // Театр. 1940. № 7. С. 140.

---

⁴ Ганеева Алина. Казанская консерватория отпраздновала юбилей Файзи комедией «Ходжа Насретдин». В 2020 году исполнилось 110 лет со дня рождения татарского композитора // Татар информ. 23.12.2020. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/kazanskaya-konservatoriya-otprazdnovala-yubiley-dzhaudata-fayzi> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланов М.Г. Фольклорный театр Наки Исанбета: «Идегей» и «Ходжа Насретдин» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2012. №1/2. С. 251–254.

Донина Л. Сценический костюм в комедии Н.С. Исанбета «Хужа Насретдин» на сцене татарского театра // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 112–119.

Илялова И.И. Наки Исанбет. Ходжа Насретдин // Татарский государственный театр имени Галиаскара Камала. Сто лет. В двух томах. Первый том. Спектакли. Казань: Заман Татар. кн. изд-во, 2009. С. 225–231.

Салихова А.Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. Казань: ИЯЛИ, 2016.

Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – нач. XXI в.). Казань, 2019.

Юлдашева С.Т. Изучение образа Ходжи Насреддина в мировой литературе // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 643–647.

REFERENCES

Arslanov M.G. (2021) Folk theatre of Naki Isanbet: “Idegey” and “Khoja Nasretdin”. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Echo of centuries]. No. 1/2: 251–254. (In Russ.)

Donina L. (2016) Stage costume in N. S. Isanbet’s comedy “Khoja Nasretdin” on the stage of the Tatar theatre. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Echo of centuries]. No.3/4: 112–119. (In Russ.)

Ilyalova I.I. (2009) Naki Isanbet. Khoja Nasretdin. In: *Galiaskar Kamal Tatar State Theatre. One hundred years. In two volumes. Vol 1. Performances. Kazan: Zaman Publ.: 225–231. (In Russ.)*

Salikhova A.R. (2016) *Features of formation and development of the Tatar stage art. Kazan: IYALI Publ. (In Russ.)*

Sultanova R.R. (2019) *Scenography of the Tatar theatre: the main stages and regularities of development (the 20th – early 21st centuries). Kazan. (In Russ.)*

Yuldasheva S.T. (2020) Study of the image of Khoja Nasreddin in the world literature. *Molodoy uchenyy* [Young scholar]. No. 22 (312): 643–647. (In Russ.)

Сведения об авторе: Салихова Айгуль Рустэмовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К.Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0005-8894-3920>; e-mail: aygul.salikhova@gmail.com

About the author: Aigul R. Salikhova, Cand. Sc. (Philology), Leading Research Fellow at the Center of Art Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4 K. Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0005-8894-3920>; e-mail: aygul.salikhova@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 19.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.04.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.303-313>

Авторский балет на сцене Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля в советский и постсоветский периоды

Л.Р. Петрова

Институт языка литературы и искусства им. Г.Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

luizapetrova@mail.ru

Резюме. Статья посвящена анализу деятельности балетной труппы Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля в советский и постсоветский периоды. В ней показано, что после премьеры первого балета «Тщетная предосторожность» П.Гертеля в 1939 г. труппа продолжила осваивать спектакли классического наследия «Жизель» А.Адана (1945) и «Лебединое озеро» П.Чайковского (1947). Параллельно труппой велась работа над созданием национального балетного спектакля. Обращаясь к историческому прошлому, фольклору, авторы либретто и хореографы погружали зрителя в быт и культуру татарского народа, а композиторы строили партитуру, опираясь на многовековые музыкальные традиции. Все это выразилось в балетах «Шурале» Ф.Яруллина (1945) и «Зюгра» Н.Жиганова (1946). В это время в репертуаре появляются новые постановки, отражающие на момент создания актуальные идеи советского искусства. Это «Бахчисарайский фонтан» Б.Асафьева (1946) и «Лауренсия» А.Крейна (1953).

В 2000-х годах состоялся ряд премьер, поставленных для казанской балетной сцены – «Сказание о Йусуфе» (2001) Л.Любовского, хореография Н.Боярчикова, Г.Ковтуна; «Пер Гюнт» (2003) Э.Грига, «Золотая орда» (2013), Р.Ахияровой – хореография Г.Ковтуна; «Carmina Burana, или Колесо Фортуны» (2013) К.Орффа, хореография А.Полубенцева. Автор ставит задачу выявления тенденций развития репертуара в постсоветский период. В центре его внимания оказываются авторские балетные спектакли. Выводом стало заключение о том, что результатом поисков хореографов на казанской сцене, выражающемся в синтезе жанров, стилей, обращении к новым для балетного театра сюжетам, стало обогащение репертуара Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля и в целом зрелищной культуры.

Ключевые слова: национальный балетный театр, балет, хореография, репертуар, Г.Ковтун, А.Полубенцев.

Для цитирования: Петрова Л.Р. Авторский балет на сцене Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля в советский и постсоветский периоды. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 303–313. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.303-313>

Author's ballet on stage of M.Jalil Tatar Academic State Opera and Ballet Theatre in Soviet and post-Soviet periods

L.R. Petrova

*G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
luizapetro8a@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of the ballet troupe of M.Jalil Tatar Academic State Opera and Ballet Theater in the Soviet and post-Soviet periods. It shows that after the premiere of the first ballet “Vain Precaution” by P.Hertel in 1939, the troupe continued to master the performances of the classical heritage “Giselle” by A.Adam (1945) and “Swan Lake” by P.Tchaikovsky (1947). At the same time, the troupe was working on creating a national ballet performance. Turning to the historical past and folklore, the authors of the libretto and choreographers immersed the viewer in the life and culture of the Tatar people, and the composers built the score based on centuries-old musical traditions. All this was expressed in the ballets “Shurale” by F.Yarullin (1945) and “Zyugra” by N.Zhiganov (1946). At this time, new productions appear in the repertoire, reflecting the current ideas of Soviet art at the time of creation. These are “Bakhchisarai Fountain” by B.Asafiev (1946) and “Laurencia” by A.Crane (1953).

In the 2000s, a number of premieres took place produced for the Kazan ballet stage – “The Tale of Yusuf” (2001) by L.Lyubovskiy, choreography by N.Boyarchikov, G.Kovtun; “Peer Gynt” (2003) by E.Grieg, “The Golden Horde” (2013), R.Akhiyarova – choreography by G.Kovtun; “Carmina Burana, or the Wheel of Fortune” (2013) by K.Orff, choreography by A.Polubentsev. The author sets the task of identifying trends in the development of the repertoire in the post-Soviet period. His focus is on original ballet performances. The conclusion was that the result of the search for choreographers on the Kazan stage, expressed in the synthesis of genres, styles, and appeal to new subjects for the ballet theater, was the enrichment of the repertoire of M.Jalil Tatar Academic State Opera and Ballet Theater and entertainment culture in general.

Keywords: national ballet theater, ballet, choreography, repertoire, G.Kovtun, A.Polubentsev.

For citation: Petrova L.R. (2024) Author's ballet on stage of M.Jalil Tatar Academic State Opera and Ballet Theatre in Soviet and post-Soviet periods. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol.9. No.2: 303–313. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.303-313> (In Russ.)

Существующая литература о казанской балетной труппе носит обзорный характер. В отдельных изданиях можно найти сведения об истории становления татарского балета (Виноградов, 1984; Горшков, 1997). Ряд научных трудов освещает советский период творчества труппы (Алмазова, 1982; Донина, 2010). Постсоветский этап творческой жизни национального балетного театра не находит специального изучения со стороны специалистов разных отраслей гуманитарного знания. Цель статьи – анализ деятельности казанской балетной труппы в советский и постсоветский периоды.

В 1939 г. небольшой коллектив танцовщиков, работавший при Татарском государственном оперном театре, представил «Тщетную предосторожность» –

старинный балет на музыку П.Гертеля. На протяжении последующих десятилетий спектакли классического наследия в репертуаре балетной труппы Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля начинают занимать ведущее положение. Трепетное отношение труппы к академическому спектаклю прослеживается и в постсоветский период, когда театр становится хранителем классического наследия. В это время в его репертуар входят такие балеты, как «Жизель» А.Адана, «Баядерка», «Дон Кихот» Л. Минкуса, «Сильфида» Г.Левесхольда, состоялись премьеры «Щелкунчика» (1999), «Спящей красавицы» (2003), «Лебединого озера» (2005) П.Чайковского, «Корсар» А.Адана (2004), «Коппелия» (2007) Л.Делиба.

Начиная с 1946 г. на казанской сцене показываются новые для своего времени балеты. Это «Бахчисарайский фонтан» Б.Асафьева (1946), «Красный мак» (1950), «Медный всадник» (1963) Р.Глиэра, «Лауренсия» А.Крейна (1953), «Легенда о любви» А.Меликова (1966), «Сотворение мира» А.Петрова (1981), «Золушка» (1965), «Каменный цветок» (1961), «Ромео и Джульетта» (1975) С.Прокофьева, «Болеро» М.Равеля (1970), «Конек-горбунок» Р.Щедрина (1975).

Репертуар советских балетных трупп базировался на классическом наследии и новых постановках. Подобного принципа придерживались театры в республиках, дополняя афиши национальными спектаклями. Не стал исключением и казанский театр. С 1940-х, 1950-х годов репертуар казанской труппы включал спектакли классического наследия, национальные балеты и балеты «золотого фонда» советского искусства, которые требовали от артиста балета внимание к драматической составляющей партии столь же пристального, как и к танцевальной технике. «Драмбалет», наиболее полно воплотивший установки социализма на советской балетной сцене, предполагал погружение танцовщика в работу над образом. В балетный театр был приглашен режиссер. В результате в балете возросло значение драматической игры.

В постсоветский период традиция построения репертуара на казанской сцене продолжала сохраняться. Если в 1990-е годы преимущество было за спектаклями классического наследия, то в 2000-х годах на афишах появляются оригинальные балетные постановки, которые сегодня являются знаковыми для национального балетного театра. В тандеме хореографии и артиста на казанской сцене возникла галерея ярких образов, серия успешных актерских работ. Среди них Юсуф в исполнении Н.Канетова, Е.Кострова – Зулейха, Озе – Е.Щеглова, Дух хана Батыя – М.Тимаева, Мурза – А.Полодюк, Визирь – А.Каггеджи.

Акцент на драматическом содержании партии в классических и оригинальных спектаклях является отличительной чертой казанской балетной труппы. Примером является работа Л.Мухаметгалеевой над «Цыганским танцем» в балете «Дон Кихоте». Танцовщица гипнотизировала зрителя стремительностью и пронзительной драматичностью. Е.Щеглова и Б.Смагулов в заглавных партиях в балете «Дон Кихот» наполняли своих героев живыми эмоциями. Е.Кострова воплотила в своей Сильфиде бестелесную, невесомую лесную ним-

фу. И.Хакимову отличало глубокое погружение в образ Жизели, обманутой простолюдинки. Работа танцовщиков с нюансами, деталями превращает виртуозную партию в самостоятельную роль. В это время можно говорить о сформировавшейся исполнительской традиции – актерское прочтение и стремление к выразительному исполнению, наполненному внутренним содержанием. Показательным стал XXXIV «Международный фестиваль классического балета имени Рудольфа Нуриева». Приглашенные солисты порой выбивались из сыгранного ансамбля казанских исполнителей в балетах классического наследия.

Стремление представить перед зрителем спектакль, рассказать историю, в которой драматическая линия четко выстроена и продумана, стало отличительной чертой современного этапа татарского балета. В 1988 г. 28 декабря состоялась премьера балета В.Гаврилина «Анюта», ставшего одним из значимых балетов для труппы и подарившего зрителю галерею пронзительных образов.

«Анюта» – одна из значимых постановок В.Васильева. Сюжетной основой спектакля является рассказ А.П.Чехова «Анна на шее» (либретто А.Белинского и В.Васильева). Перипетии жизни семьи овдовевшего учителя (замужество его старшей дочери и ее романтические увлечения) становятся поводом для сплетен в высшем обществе одного провинциального городка. Картины бурлящей жизни улиц, размеренного быта семьи, переживаний главных героев сменяются представлением светских балов, где хореограф с юмором и насмешкой вырисовывает портреты сильных мира сего. В череде саркастических портретов, выписанных хореографом в духе П.Федотова, обращает на себя внимание образ Петра Леонтьевича. На протяжении многих сезонов партию исполнял В.Яковлев. Он усиливал трагичность своего персонажа растерянностью и беспомощностью.

Март 1990 г. был ознаменован новым событием – премьерой трех одноактных балетов чешского хореографа Павла Шмока. «Павел Шмок обладает редким даром непредвзято оценивать и развивать свою хореографию. <...> Танец рождается где-то на стыке музыки, ее так сказать, трансмутации и сознанием хореографа в пластические образы и претворения их в непосредственное движение телами танцовщиков. Субъективность интерпретирования он превращает в достоинства выразительного. Индивидуальность исполнителя, особенности его пластики, манеры выразить себя подсказывают и новые танцевальные формы, и эту безупречную психологическую точность, сознательность каждого жеста героев постановок чешского хореографа» (Комаров, 1989: 133).

Один из спектаклей Павла Шмоки «Святая ложь» (музыка К. Одстрчила) повествует о страхах старой девы, к которой в облике юноши приходит смерть. «Центральная тема <...> – мучительные борения изверившегося разума старой женщины с чувствами, которые свидетельствуют о том, что она соприкасается с чем-то неведомым, порождающим в ее душе страх и неодолимое влечение. Желаемое и реальность с ее непонятными символами, эта святая ложь «кажيمостей», которыми ум пытается примирить человека с нестерпимой мыслью об утрате своего «я», в балете Шмока сосуществует в тесном смысловом и образ-

ном взаимодействии» (Комаров, 1989: 134). На затылке Смерти маска юноши, второе «лицо» старухи – маска молодой девушки. Возникает дуэт обманов, дуэт условности, дуэт двойственности. «Он (балетмейстер – прим. авт.) создает хореографию, свободную от эмоциональной экзальтации и пластической утрировки, привычной для балетов экспрессионистического направления. Аскетическая лексика «Святой лжи» слагается из движений, похожих и одновременно не похожих на бытовые. Перед нами язык своеобразного хореографического верлибра, повествовательно динамически сниженные элементы которого лишь иногда перемежаются экспрессивными» (Комаров, 1989: 134–135).

Следующий спектакль «Дублер» Ф.Зуппе – гротеск, шутка над ревностными хранителями «классического» в балете. События разворачиваются в небольшой труппе, где происходит «неожиданная замена» (первоначальное название балета) одного из солистов. Главные герои – романтическая Балерина, Премьер, Балетмейстер и простой деревенский парень, возжелавший стать танцовщиком и навести собственные порядки в труппе. «Элементы сатиры, шаржа, буффонады, приемы режиссуры драматического театра и пантомимы в сочетании с балетной лексикой создают резкие смещения акцентов, ту абсурдность действия, которая есть не что иное, как подчеркнуто выраженный смысл» (Комаров, 1989: 139). Соответствует всему и хореографическое содержание, «мастерски сработанный коллаж из балетных штампов и цитат, перемежаемых оригинальной авторской хореографией» (Комаров, 1989: 139).

Балеты Шмока стали опытом приобщения к новой для труппы хореографии и пластике, неким экспериментом, но они были исключены из репертуара. На казанской сцене чаще появляется современная хореография: афиша «Международного фестиваля классического балета имени Рудольфа Нуриева» начинает включать номера разных стилей, направлений. Труппа демонстрирует традиционные для публики спектакли, отдельные сцены в которых отличало новое хореографическое прочтение.

В 1997 г. состоялась премьера детского балета К.Хачатуряна «Белоснежка и семь гномов». Режиссером-постановщиком выступил Б.Мягков. На пути Белоснежки, бежавшей от злой мачехи, встречаются маленькие гномы и лесные жители, в окружении которых она забывает о своих злоключениях. О спектакле можно сказать словами балетомана второй половины XIX в.: «Нечто веселое, бойкое и смешное и идет с такой увлекательною живостью, что зрители не имеют времени прийти в себя и только аплодируют и смеются все время» (О премьере балета..., 1897: 3).

Спустя несколько сезонов, в 1999 г., в театре состоялась еще одна премьера в постановке Б.Мягкова – «Ромео и Джульетта» С.Прокофьева. Хореограф остановил свой выбор на традиционном решении. Известный в европейских театрах спектакль К.Макмиллана, парафраз отечественной версии о юных влюбленных Лавровского послужил отправной точкой для спектакля Мягкова. В афише указаны авторы либретто – Л.Лавровский, С.Радлов, С.Прокофьев, под редакцией самого хореографа. Мягков, рассказывая о любви юных сердец, ко-

торая сильнее запретов и ненависти, сильнее самой смерти, не стал отступать от замысла Лавровского. Он следует фабуле легендарного предшественника: та же пробуждающаяся ранним утром площадь Вероны и перебранка слуг Монтекки и Капулетти, которая выливается в бой, та же спальня Джульетты, бал, сцена на балконе, веселые заигрывания горожан с Кормилицей и танец шутов, тайное венчание, две дуэли и трагический финал. Однако балетмейстер видоизменяет хореографическое повествование спектакля. У Мягкова прослеживаются более «танцевальные» партии главных героев. В центре оказываются монологи Ромео и Джульетты с множеством психологических оттенков. Контрастом выступает второй акт с площадной суматохой, танцем весельчаков-шутов.

1998 г. порадовал очередным вечером одноактных балетов, к которым труппа обращалась крайне редко. На этот раз весьма удачно подбирается репертуар. Первый спектакль «Шопениана» является наследием «серебряного века» русского балета. Фокинские реформаторские спектакли к середине 1990-х годов становятся классикой. «Шопениана» – это постоянная смена тонкого, кружевного рисунка. Плавное перетекание из полкруга в линии, из линий в самостоятельные группы – все просто, органично, естественно и похоже на волшебство. Декорации, то ли весеннего рассвета, то ли осеннего заката, танцовщицы в белых воздушных классических тюниках. Зритель находится в мечтах художника, в иллюзиях поэта, наблюдает таинство создания шедевра эпохи романтизма.

Еще одним балетом казанской труппы стала «Вальпургиева ночь». Спектакль, как и предыдущий балет – редакция Р.Саморукова. В балете были сохранены каноны классического дивертисмента. Буйство красок и хореографических оттенков, множество вариаций и ансамблей в исполнении античных сатиров и муз. Третий балет на музыку Бизе-Щедрина в постановке С.Радченко «Кармен-сюита» (хореография А.Алонсо) стал «поэмой неистового свободолюбия» (Львов-Анохин, 1976: 83). Образ непокорной девушки неоднократно завоевывал сознание балетмейстеров, мастерами современности ей посвящались хореографические сонеты. Спектакль «Кармен-сюита» был поставлен Альберто Алонсо на сцене Большого театра для М.Плисецкой в 1967 г. В дальнейшем спектакль обошел многие балетные труппы страны. В 1974 г. спектакль в редакции Азария и Александра Плисецких (художественное оформление Б.Мессерера) оказался на сцене Казанского театра¹. «Танцевальный язык спектакля скуп, немногословен и необычен. Символическая многозначность соединяется в нем с элементами испанского танца, трактованного иногда подчеркнута чувственно, чуть грубовато. На всем лежит налет национального колорита кубинских танцев, причудливо сплавляющих движения испанских и негритянских плясок» (Львов-Анохин, 1976: 80).

В деятельности Татарского академического театра оперы и балета им. М.Джалиля четко прослеживается стремление к оригинальным постанов-

---

¹ Премьеры // Советская музыка. 1974. № 6. С. 157.

кам, спектаклям, которые идут только на татарской сцене: «Сказание о Йусуфе», «Пер Гюнт», «Кармина Бурана», «Золотая Орда».

В 2001 г. театр представил премьеру трехактного балета «Сказание о Йусуфе» (музыка – Л.Любовский либретто – Р.Харис, балетмейстеры – хореографы Н.Боярчиков и Г.Ковтун, Санкт-Петербург). Обращение к легендам, сказания, мифам, эпосу народов России на балетной сцене предоставляет широкий диапазон поисков в пластическом языке, драматургии.

Николай Боярчиков – хореограф, который в своих философских спектаклях стремился раскрыть мир героя, создать подробный психологический портрет. Лирический эпос XIII в. «Сказание о Йусуфе» представлен через повествование о светлой, чистой человеческой душе. В центре балета – Йусуф. Этот главный герой является олицетворением абсолютной доброты и всепрощения, способной менять людей к лучшему. «Многоактный спектакль, традиции которого идут от академического спектакля XIX века, заключающий в себе конфликт, разработку характеров персонажей, углубление в психологические образы героев, красочную музыку, развитие и столкновение противоборствующих сил, с многообразными хореографическими формами – массовыми танцами, дуэтами, монологами» (Петрова, 2006: 55), воплотил образы эпической поэмы Кол Голи. Заимствуя опыт предшествующих обращений к историческому прошлому татарского народа, миф, эпос, легенда в XXI в. воплощается на балетной сцене через синтез пластического текста и классического танца.

2002 г. подарил зрителям восточную сказку для взрослых и детей – состоялась премьера балета Ф.Амирова «Тысяча и одна ночь» в хореографии Н.Назировой. В свое время эта манящая «ароматами» востока музыка привлекла многие театры.

Первый акт рассказывает зрителю об измене Нуриды, жены царя Шахрияра, которая обозлила его сердце и сделала жестоким. Он начинает мстить всем молодым женщинам страны, приговаривая их к казни. В центре акта – дивертисмент «разгульных» плясок Нуриды, любимого раба и ее свиты, и переживания, страдания обманутого Шахрияра. «Целая гамма чувств: любовь, измена, ревность, отчаяние, ненависть, пробуждающаяся надежда – развертывается в напряженном потоке музыкально-драматического повествования в первом акте. Сольные, ансамблевые, массовые сцены подчеркнута контрастные по своему звучанию, все вместе образуют единую сквозную линию музыкально-хореографического действия»².

На протяжении второго акта Шехерезада развлекает жестокого правителя сказками, и постепенно своей красотой и добротой изгоняет злость и ненависть из сердца Шахрияра. Сказочные сюжеты предстают один за другим, хореографические зарисовки о Птице Рух, Синдбаде-мореходе, Алладине, сорока разбойниках, их предводителе и о других героях легенд востока возникают перед

---

² Мехмандарова Л. Фикрет Амиров и его балет «Тысяча и одна ночь» // Музыкальная жизнь. 1981. № 1. С. 9.

зрителями. Для каждого «композитор создает яркие музыкальные характеристики, широко применяя здесь симфонически развивающиеся лейтмотивы»³. Хореограф, исходя из музыки, создает индивидуальные штрихи для каждого персонажа, «все объединяют полные обаяния, душевной чистоты сольные «выходы» Шехеразады и ее дуэты-поединки с Шахрияром»⁴.

В дальнейшем сотрудничество театра с Г.Ковтуном получило новое развитие. В 2003 г. состоялась премьера балета «Пер Гюнт» на музыку Э.Грига в оригинальной хореографии маэстро. Это было не первое обращение балетной труппы к мистическим героям Ибсена и образной музыке Грига. В 1961 г. зритель увидел спектакль В.Шумейкина в хореографической редакции автора либретто Н.Трегубова⁵.

«Драматическая поэма» Г.Ибсена, где по соседству с людьми обитают тролли, в хореографической интерпретации не теряет своей фантастичности. Сказочный балет в трех действиях с абстрактно отвлеченными красочными декорациями (А.Злобин), с яркими костюмами (И.Ипатьева), порой отвлекающих на себя чрезмерное внимание, с обилием фольклорных танцев и плясками лесной нечисти, со множеством красочных массовых построений, лирическими дуэтами и драматическими монологами, напоминает притчу о возвращении блудного сына. Хореограф четко разграничивает реальный и фантастические миры. Через весь балет проходит образ матери Пера и его возлюбленной. В балете автор отходит от точности повествования. Путешествие его Пера по абстрактным мирам, сказочным царствам и таинственным сферам предстает как путь главного героя к самому себе.

Величественная партитура Арама Хачатуряна «Спартак» в постановке Георгия Ковтуна воплотилась в масштабный синтетический спектакль. Героический балет «Спартак» – это особая страница в истории советского балетного театра, связанная с именами Леонида Якобсона и Юрия Григоровича. В Казани зритель увидел зрелищный балет с массовыми сценами динамичных сражений, драматическими дуэтами. В 2013 г. состоялось две премьеры: «Золотая Орда» и «Carmina Burana, или Колесо Фортуны».

«Золотая Орда» – музыка Резеды Ахияровой, постановка Георгия Ковтуна – многоактный спектакль. В основе балета переплетение драматических линий, судеб героев, вереница ярких образов. Сюжет воплощен через виртуозные вариации, выразительные монологи, красочные дивертисменты. Действия спектакля и сцены объединяет образ духа хана Батыя.

Свойственная Ковтуну масштабность и монументальность прослеживается в балетах «Золотая орда» и «Спартак». Здесь просматривается и авторский стиль и узнаваемый хореографический «ковтунский» почерк. Это яркий пример

---

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лесков Л. Информация о премьере // Театральная жизнь. 1961. № 15. С. 26.

того, как принципы академического балетного спектакля эпохи Мариуса Петипа и «драмбалета» могут трансформироваться на современной сцене.

В 2013 г. состоялась премьера балета Александра Полубенцева (Санкт-Петербург) «*Carmina Burana*, или Колесо Фортуны», музыка Карла Орфа. Автор определил свой балет как «мистерию». Перед зрителями предстал синтетический спектакль хореографией и пением. На протяжении всего действия на сцене присутствует хор. Выстроенный в глубине сцены ровными рядами хор настолько статичен, словно часть оформления. Декорации крайне минимизированы: в глубине сцены расположен экран, который транслирует видеоряд, соответствующий событиям, происходящим на сцене. Всю «конструкцию» венчает купол из мягкого материала, который спускается на сцену, трансформируя сценическое пространство.

Спектакль представлял собой череду новелл, действие которых охватывают события от сотворения мира до наших дней. Балетмейстер дает название каждой из них – «Странник», «Венчание», «Весна». Главным действующим лицом является Фортуна, богиня Судьбы. Помогают ей вершить людские судьбы Вертумн (бог Изобилия), Смерть, Флора (богиня цветов). Мир людей олицетворяют Странник, Жених, Невеста, Парень, Девушка, любимого. Активным персонажем выступает Человечество в исполнении кордебалета. Мастерски используя принципы танцевального симфонизма (что всегда превосходно удавалось ленинградским-петербургским балетмейстерам), хореограф меняет стилистику массового танца, подчиняя ее описываемой эпохе. Массовый танец в этом спектакле стал некой связующей цепью, объединяя череду сюжетов в единое целое.

«*Carmina Burana*» – противоречивый спектакль, отсылающий к началу XX в. Он вызывает ассоциации с событиями столетней давности. Это было время всевозможных поисков и экспериментов на балетных сценах Петербурга (Петрограда) и Москвы. Идеи, созвучные времени, отражали реальность.

Автор в спектакле тяготел к правдоподобной демонстрации сюжетов из реальной жизни и философскими рассуждениями о Колесе фортуны. В балете прослеживается сознательное стремление к возведению эклектики до художественного принципа, существования спектакля на стыке нескольких жанров, перемешивании стилей, на что в программе к спектаклю обращает внимание Александр Полубенцев: «Спектакль сочетает элементы неоклассики, танца-модерн, джаз-танца, брейк-данса, акробатики».

Балетная труппа Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля, отдавая предпочтение классическому наследию, привлекает к сотрудничеству хореографов для постановки оригинальных спектаклей. «Пер Гюнт», «Сказание о Йусуфе», «Золотая Орда» (в 2023 г. состоялась премьера балета «Икаинф», музыка Р.Ахиярова, либретто Р.Харис, хореография А.Полубенцев) создает неповторимый репертуар труппы, обогащая историю татарского балета серией ярких образов.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

О премьерe балета Петипа // Петербургская газета. 1897. 13 марта. № 50. С.3.

ЛИТЕРАТУРА

Алмазова А.А. Фарид Яруллин и Татарский балет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982.

Виноградов Ю.В. Гай Тагиров и его творчество // Тагиров Г. Татарские танцы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984.

Горшков В.Н. Балетмейстер Гай Тагиров. Казань: Респ. науч.-метод. центр нар. творчества и КПП Татарстана, 1997.

Горшков В.Н. Солисты татарского балета. Казань: РИЦ «Дом Печати», 2000.

Горшков В.Н. Из истории татарского балета // Татарский академический театр оперы и балета имени Мусы Джалиля. Казань: Казанская гос. консерватория, 1994.

Донина Л.Н. П.Т. Сперанский, Л.Л. Сперанская-Штейн. От эскиза к спектаклю. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.

Комаров Г.А. Лики зарубежной хореографии: драматические балеты Павла Шмока // Искусство театра: вопросы теории и практики. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 134–135.

Львов-Анохин Б. Мастера большого балета. М.: Искусство, 1976.

Петрова Л.Р. Сказание о Йусуфе: размышления о балете // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 5. С. 51–56.

REFERENCES

Almazova A.A. (1982) *Farid Yarullin and the Tatar Ballet*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)

Vinogradov Yu.V. (1984) Guy Tagirov and his work. In: Tagirov G. *Tatar dances*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)

Gorshkov V.N. (1997) *Choreographer Guy Tagirov*. Kazan: Rep. Research and Method. Centre of Folk. Creativity and the Communist Party of Tatarstan. (In Russ.)

Gorshkov V.N. (1994) From the history of the Tatar ballet. In: *Musa Jalil Tatar Academic Opera and Ballet Theatre*. Kazan: Kazan State University Conservatory Publ. (In Russ.)

Gorshkov V.N. (2000) *Soloists of the Tatar ballet*. Kazan: RIC House of Printing Publ. (In Russ.)

Donina L.N. (2010) *P.T. Speransky, L.L. Speranskaya-Shtein. From sketch to performance*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)

Komarov G.A. (1989) Faces of foreign choreography: Dramatic ballets by Pavel Shmok. In: *The art of theater: questions of theory and practice*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House: 134–135. (In Russ.)

Lvov-Anokhin B. (1976) *Masters of the Bolshoi Ballet*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Petrova L.R. (2006) The Legend of Yusuf: Reflections on the ballet. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. No. 5: 51–56. (In Russ.)

Сведения об авторе: Петрова Луиза Ранифовна, научный сотрудник, Институт языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К.Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0005-8160-7721>; e-mail: luizapetro8a@mail.ru

About the author: Luisa R. Petrova, Research Fellow, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4 K. Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0005-8160-7721>; e-mail: luizapetro8a@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 27.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.03.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных
имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания
(размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 2
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. Vol. 9. No. 2
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Дата выхода в свет 23.07.2024 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена